

9 Warl
A 50

Б. Г. АЛБЕРТ

КАБА-ДАРГО
В XVIII-XIX ВВ.

МАХАЧКАЛА 1972

9(Дар)
ASO

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

Б. Г. АЛИЕВ

КАБА - ДАРГО

В XVIII-XIX вв.

(Очерк социально-политической истории)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала 1972

Ответственный редактор
А. Р. ШИХСАИДОВ

66728

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ВВЕДЕНИЕ

За последние 10—15 лет дагестанскими учеными проделана значительная работа по изучению различных периодов и вопросов истории Дагестана. Издано много отдельных монографий и статей, в том числе по досоветскому периоду. Но несмотря на эти достижения в дагестановедении все еще мало уделяется внимание локальному исследованию общественно-политического развития союзов сельских обществ. Это одна из наименее освещенных в науке проблем. Очевидно, это объясняется отсутствием письменных и других сведений. По этой же причине остается не изученной до сих пор и социально-политическая история одного из больших союзов сельских обществ даргинцев — Урахинского союза, или Каба-Дарго, куда входили восточные даргинцы во главе с селением Урахи.

Между тем, надо отметить, что исследование союзов сельских обществ все еще остается одной из актуальных задач ученых, занимающихся изучением истории Дагестана досоветского периода.

Изучение истории союзов сельских обществ имеет большое значение для правильной научной разработки социально-экономической истории Дагестана. Кроме того, изучение социальной и политической истории союзов сельских обществ не только позволяет выявить региональную специфику, дает конкретное представление о различных вариантах развития социально-экономических отношений, но позволяет также полнее раскрыть закономерности их развития, глубже понять соотношение в них общего и особенного и проследить то общее, что имелось в развитии союзов сельских обществ и феодальных образований Дагестана.

Несмотря на все это в дагестанской историографии нет специальных исследований, посвященных изучению отдельных союзов сельских обществ Дагестана.

Предлагаемая монография ставит своей задачей в какой-то мере восполнить этот пробел.

Выбор для исследования именно союза Каба-Дарго вызван тем обстоятельством, что, во-первых, на примере Каба-Дарго можно хорошо проследить историю социально-политического развития союзов сельских обществ и, во-вторых, социально-экономическая история его менее изучена по сравнению с другими союзами сельских обществ даргинцев. По этому вопросу в советской историографии нет даже отдельной научной статьи. Поэтому считаем, что необходимость научного обобщения накопленных за последние годы данных по истории Каба-Дарго в настоящее время назрела.

Письменных источников по истории социально-экономических отношений союза Каба-Дарго, как и других союзов сельских обществ Дагестана, очень мало. Особенно недостаточно известен раннесредневековый период истории обществ Каба-Дарго. В условиях отсутствия письменных сведений ранний период истории можно исследовать только исходя из материалов археологических раскопок и историко-этнографического материала. Но, к сожалению, по этому периоду отсутствуют и археологические материалы, так как до сих пор Сергокалинский район, являвшийся ядром Урахинского союза сельских обществ, и северная часть Дахадаевского района, входившая раньше в состав Каба-Дарго, остаются вне поля зрения наших археологов. Между тем, на этой территории имеются памятники древней истории, которые, к сожалению, разрушаются и со временем исследователи будут лишены возможности изучать их. Не изучив древние памятники материальной культуры, являющиеся, по словам известного советского археолога профессора Е. И. Крупнова, «важнейшими и наиболее объективными историческими источниками для освещения бесписьменных эпох»¹, нельзя дать цельную картину истории того или иного народа Дагестана с древнейших времен.

Проведение археологических раскопок на исследуемой территории дало бы возможность уточнить период воз-

---

¹ См. предисловие книги М. И. Пиккуль, Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 3.

никновения поселений, из которых образовались общества союза Каба-Дарго, местоположение их, хозяйственную деятельность населения, торгово-экономические связи с другими обществами и народами, имущественное и социальное положение различных слоев населения и т. д.

Имеющиеся письменные сведения по истории Урахинского союза сельских обществ относятся главным образом к концу XVIII—XIX вв. Это в основном сведения отдельных участников военных походов и научных экспедиций, как, например, Д. И. Тихонова (конец XVIII в.)², Ф. И. Гене³, В. Вильер де Лиль-Адама⁴ и др.

В работах этих авторов имеются сведения о территории и составе союза Каба-Дарго в XVIII—XIX вв., занятии населения, торговле, путях сообщения, обычаях, взаимоотношениях с другими обществами и ханствами Дагестана. Вместе с тем эти сведения очень скудные, отрывочные, порою носят поверхностный характер и авторы их в основном ограничиваются простой констатацией фактов. К тому же в большинстве случаев сведения об обществах Каба-Дарго собирались не непосредственно на местах, а понаслышке, и поэтому часто неверны и противоречивы. В виду всего этого по ним невозможно представить цельную картину социально-экономической истории союза Каба-Дарго.

Ряд вопросов из социально-политической истории Каба-Дарго, в частности по Урахинскому обществу, затронут в работах известных дореволюционных исследователей и кавказоведов второй половины XIX в. П. К. Услара⁵, А. В. Комарова⁶, Д. Н. Анучина⁷, М. М. Ковалев-

---

² Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана 1796 г.—История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х-М. Хашаева. М., 1958.

³ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. 1835/36 г.—История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.

⁴ В. Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки). ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875.

⁵ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркинский язык. Тифлис, 1869.

⁶ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868; его же. Список населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе. Издание КОРГО. Тифлис, 1869; его же. Народонаселение Дагестанской области. Записки КОРГО, вып. VIII. Тифлис, 1873.

⁷ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия ИРГО, т. XX, вып. 4. СПб., 1884.

ского⁸, С. С. Эсадзе⁹ и других. Среди них особый интерес для исследуемой темы представляют работы профессора М. М. Ковалевского, в которых много места уделено историческому анализу общественного быта дагестанских горцев, в том числе и урахинцев. Вместе с тем в них на основе обычного права народов Дагестана автор отождествляет тухум с родом и приходит к неправильному выводу о господстве в Дагестане в XIX в., в частности в союзах сельских обществ, родового строя¹⁰. М. М. Ковалевский, как и Ф. И. Леонтович, по словам В. К. Гарданова, преувеличил «реальное значение патриархально-родового уклада в общественном строе» народов Кавказа, «и, увлекшись изучением пережитков архаических общественных форм», склонен был «не замечать того, что они скрывали за собой по существу уже феодальные отношения»¹¹.

В целом надо отметить, что характерным для дореволюционных авторов являлась идеализация патриархальной старины горцев. Как писал профессор М. О. Косвен, «от представления о подлинном состоянии и характере родовых форм и отношений, существовавших у народов Кавказа в ту эпоху, русские наблюдатели того времени были довольно далеки, что глубокий распад родового строя, наличие в общественных отношениях даже самых отсталых народов Кавказа глубокого социального расслоения, проникновение уже в ту пору даже в самые глухие ущелья кавказских гор классовых отношений, — все это осталось недоступным методологически и идеологически не вооруженному взору наблюдателей той эпохи»¹².

Из работ местных дореволюционных авторов особого внимания заслуживает статья уроженца селения Урахи

---

⁸ М. М. Ковалевский. Родовое устройство Дагестана. «Юридический вестник», т. 29, кн. 3. М., 1888; его же. Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2. М., 1890; его же. Дагестанская «Народная правда». Этнографическое обозрение, № 1. М., 1890.

⁹ С. С. Эсадзе. Исторические записки об управлении Кавказом, т. 1—2. М., 1907.

¹⁰ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II. М., 1890, стр. 146—147, 149.

¹¹ В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. Изд-во «Наука». М., 1967, стр. 13.

¹² М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник, № 1. М.—Л., 1955, стр. 374.

Г.-М. Амирова «Среди горцев Северного Дагестана»¹³. В ней имеются подробные описания отдельных обычаев и обрядов урахинцев, ряд интересных сведений по земельно-правовым отношениям не только по XIX в., но и по более ранним периодам истории урахинцев, даются сведения по взаимоотношениям урахинцев с соседними обществами, входящими в состав других политических образований и в Каба-Дарго и т. д.

В советской историографии, хотя и нет специальных работ по исследуемой теме; но в работах, посвященных истории народов Дагестана в целом¹⁴, имеются соответствующие главы и отдельные места, посвященные изучению уровня общественного развития даргинцев, в которых определенное место уделяется и вопросам социально-экономического развития союза Каба-Дарго. Однако в этих исследованиях, естественно, не охвачен (да и авторы их не ставили перед собой такой цели) весь круг вопросов по социально-политической истории Каба-Дарго.

---

¹³ Г.-М. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста). ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873.

¹⁴ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. I (исторический). Свердловск, 1938; П. А. Брюханов. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Рук. канд. дисс. М., 1941; его же. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. Сборник трудов Пятигорского госпединститута, вып. I. Ставрополь, 1947; М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Рук. канд. дисс. М., 1947; Р. М. Магомедов. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской Базы Академии наук Союза ССР. Махач-Кала, 1949; его же. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957; его же. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Дагучпедгиз. Махачкала, 1968; А. И. Алиев, З. А. Никольская. Даргинцы. Народы Кавказа, т. I. М., 1960; Х.-М. Хашаев. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. I. Махачкала, 1957; его же. Общественный строй Дагестана в XIX в. Изд-во АН СССР. М., 1961; Г. Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII-начале XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1960; его же. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука». М., 1965; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. Изд-во «Наука». М., 1965; История Дагестана, т. I. Изд-во «Наука», М., 1967.

Вместе с тем хочется особо отметить исследования профессора Р. М. Магомедова, в которых на основе детального изучения источников и собранного лично им за долгие годы научной работы большого историко-этнографического материала дано наиболее полное освещение социально-политической истории даргинцев XVIII—XIX вв. В трудах Р. М. Магомедова дан обстоятельный анализ форм земельной собственности, структуры тухума и джамаата, показана роль пережиточных институтов патриархально-родового строя в общественной жизни даргинцев, дана оценка уровня развития общественных отношений в «вольных» обществах даргинцев.

Большую работу в изучении союзов сельских обществ проделал профессор Х.-М. О. Хашаев, который в своих исследованиях на основе анализа большого фактического материала, в том числе по даргинцам, дает структуру тухумов, сельских общин и «вольных» обществ Дагестана¹⁵.

Значительный интерес для нашего исследования представляет работа А. Далгат «В огне революции»¹⁶, первая глава которой посвящена описанию положения Урахинского общества в дооктябрьский период. Автор работы дает краткую историю аула Урахи (состав союза Каба-Дарго, борьба урахинцев с иноземными завоевателями, взаимоотношения с другими обществами и союзами и т. д.) и ряд вопросов социально-экономического развития его (занятия урахинцев, торгово-экономические связи, положение различных групп населения, социальные противоречия в ауле, административное устройство и т. д.).

Несомненно, что труд, вложенный советскими исследователями, особенно в последнее время, в изучение отдельных аспектов общественного развития «вольных» обществ, значительно облегчает решение стоящей перед нами задачи.

Методологической основой работы служили труды классиков марксизма-ленинизма: учение о производительных силах и производственных отношениях различных общественно-экономических формаций, указания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о путях развития

---

¹⁵ Х.-М. О. Хашаев. См. указ. работы.

¹⁶ А. Далгат. В огне революции. Воспоминания. Дагкнигоиздат. Махачкала, 1960.

и разложения общины, пережитках первобытно-общинной формации, формах земельной собственности и развитии феодальных отношений, особенностях феодализма на Востоке и т. д.

В работе использован ряд архивных фондов XIX в., находящийся в основном в ЦГА ДАССР. Большую ценность для характеристики экономического положения восточных даргинцев, соотношения земледелия и скотоводства, роли ремесленного производства, форм земельной собственности представляют протоколы заседаний сословно-поземельной комиссии, созданной для разбора личных и поземельных прав населения Дагестана, а также статистические данные, извлеченные из посемейных списков жителей обществ Каба-Дарго.

Особое место среди источников занимают адаты, в которых содержится богатый и разнообразный материал для изучения социальной структуры, пережиточных институтов патриархально-родового строя, политической организации обществ Каба-Дарго и т. д. Значение адатов в том, что они «являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений... на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и в особенности для периода XVIII-начала XIX в.»¹⁷.

Среди адатов особенно большую ценность для исследуемой проблемы представляют материалы по обычному праву урахинцев¹⁸, собранные крупным знатоком общественного быта горцев юристом и этнографом Б. К. Далгат. «Их ценность, — как пишет А. С. Омаров, — заключается не только в том, что они были записаны и подготовлены к изданию профессионально высокообразованным и эрудированным специалистом: в отличие от большинства сборников материалов обычного права Дагестана важное место в рукописи Б. К. Далгат занимают данные, характеризующие гражданско-правовой быт даргинцев, главным образом, семейные отношения, в том числе имущественные и право наследования»¹⁹.

---

17 В. К. Гарданов. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа XVIII-начала XIX в. — Советская этнография, № 5, 1960, стр. 12.

18 Б. Далгат. Материалы по обычному праву даргинцев. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 28.

19 Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968, стр. 11.

В работе широко использованы также данные топонимики, лингвистики и историко-этнографические материалы, собранные автором во время многочисленных поездок по даргинским районам Дагестана, в результате чего удалось собрать немало важных исторических легенд и преданий об отдельных обществах и союзе Каба-Дарго в целом, экономическом положении, формах землевладения и землепользования, взаимоотношениях с другими обществами и феодальными владениями Дагестана, общественно-политической структуре джамаатов и союза Каба-Дарго в целом и т. д.

Надо отметить, что в условиях ограниченности и малочисленности, а зачастую отсутствия по ряду вопросов письменных источников, историко-этнографический материал наряду с адатами является основным источником для изучения многих вопросов социально-политической истории союза Каба-Дарго. Притом, сохранившиеся исторические легенды и предания являются единственным источником, по которому можно, хотя бы в какой-то мере, судить о раннесредневековой истории восточных даргинцев.

Хотя точная датировка многих историко-этнографических материалов и трудна, но не использовав их невозможно написать прошлую историю обществ союза Каба-Дарго. Как писал А. М. Горький, «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества»²⁰.

Социально-политическая история союза Каба-Дарго, как и любого союза сельских обществ Дагестана,— тема сложная, большая и еще мало разработанная. Поэтому, естественно, что в настоящем исследовании автор не ставит себе целью охватить абсолютно все вопросы, связанные с этой проблемой. Основное внимание в ней уделяется изучению, насколько это позволяют имеющиеся источники, таких узловых вопросов социально-экономического развития, как хозяйственно-экономическое положение восточных даргинцев, формы землевладения и землепользования и исходящее из них социально-правовое положение различных групп населения, тухумно-родственные отношения, административно-политическое устройство союза Каба-Дарго.

---

²⁰ А. М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 703.

Вместе с тем мы должны оговориться, что в виду ограниченности и неполноты письменных источников и отсутствия подобных монографических исследований в советской историографии как по отдельным обществам, так и по союзам сельских обществ, настоящая работа не претендует на полное и исчерпывающее освещение поднятых в ней вопросов. Поэтому в книге отдельные вопросы выдвигаются нами в качестве гипотез, а ряд выводов носит неокончательный характер.

Несомненно, что дальнейшая поисковая работа даст возможность собрать и привлечь дополнительные письменные источники, на основе чего удастся уточнить и дополнить поднятые в работе вопросы и создать более полную картину об уровне развития и особенностях социально-экономических отношений союза сельских обществ Каба-Дарго.

В обсуждении и подготовке рукописи данной работы к изданию большую помощь автору оказали доктора исторических наук профессора В. Г. Гаджиев и Г. Г. Османов, кандидаты исторических наук А. Р. Шихсаидов, М. Ш. Шигабудинов, М.-С. К. Умаханов, М. Р. Гасанов и Ш. М. Ахмедов, которым автор считает своим приятным долгом выразить свою благодарность.

ГЛАВА I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СЕЛ СОЮЗА КАБА-ДАРГО

Территория союза Каба-Дарго была расположена в основном в предгорной и горной зоне среднего Дагестана. Предгорье занимали урахинцы и другие жители обществ, находящихся ныне в составе Сергокалинского района, а горную часть Союза — даргинские села, расположенные в северной части нынешнего Дахадаевского района.

Предгорная часть территории представляет почти параллельные друг другу хребты, соединенные многочисленными отрогами и разъединенные глубокими ущельями и широкими котловинами¹. Все они вытянуты от северо-запада к юго-востоку.

Склоны хребтов крутые и только местами пологие, высота их доходит до 500—600 и более метров над уровнем моря. С удалением во внутреннюю горную зону высота хребтов постепенно увеличивается и доходит до 1000—1200 метров над морем.

Горная часть территории союза Каба-Дарго представляет ряд длинных хребтов, которые также тянутся друг за другом в направлении с северо-запада на юго-восток. Эти хребты достигают высоты более 2000 метров и разделяются на отдельные массивы с глубоко врезанными ущельями, где протекают горные речки.

Значительную площадь в горной части Союза представляют альпийские луга, являющиеся летними пастбищами для местного животноводства.

Климат на территории союза Каба-Дарго умеренный.

Почвы черноземные, каштановые, горно-лесные и гор-

---

¹ Проф. К. К. Гюль, И. М. Кисин, А. А. Тертеров. Природа Дагестана. Дагкнигоиздат. Махачкала, 1959, стр. 17.

но-луговые. В горной части Союза много культурных террасных полей².

Союз Каба-Дарго занимал территорию, расположенную между территорией Акушинского союза сельских обществ — на западе, обществами Ганк и Гапш — на юге, владениями шамхала Тарковского — на севере и Кайтагским уцмийством — на востоке.

Как и окружающие земли, эта часть Дагестана была заселена с глубокой древности.

На территории Каба-Дарго обнаружены археологические памятники, относящиеся к периоду меди и бронзы³. В 1951 г. на окраине селения Кана-Сираги была обнаружена каменная гробница, где находились вещи, относящиеся к бронзовому веку — медные булавки, бронзовые кольца, серьги и бусы⁴. Инвентарь обширного могильника на левом берегу реки Гамри-Озень типичен для каякентско-хорочоевской культуры⁵. На территории многих сел находятся могильники с каменными ящиками, которые указывают не только на древнюю заселенность исследуемой территории, но и на домусульманские верования местных жителей. Так, могильники с каменными ящиками обнаружены в лесу в нескольких километрах от сел. Урахи; в 1,5 км. от сел. Бурдеки в местности Эр-Элабек; в 300 м. к юго-западу от сел. Мургук и в местности ГИиникъла бяхI и Къасила бяхI и т. д.⁶. На правом берегу реки Гамри-Озень, в 1,5 км. к западу от селения Кичи-Гамри, находится поселение, датируемое VI—VIII вв. н. э. В 1950 г. у хутора Аймази-Махи обнаружено поселение, датируемое VI—X вв.⁷

На исследуемой территории обнаружены также поселения позднего средневековья⁸, что говорит о непрерыв-

---

² С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 9, 10, 11.

³ М. И. Пикуль. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Дагестане. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 129, л. 6.

⁴ М. Исаков. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, стр. 30; полевой материал, собранный нами в 1967 г.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 29, 30.

⁸ М. И. Пикуль. Отчет о работе северного отряда ДАЭ 1953 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 42, лл. 66, 67.

ности человеческой деятельности в этой части Дагестана начиная с древнейших времен.

Первым государственным образованием, куда входила территория, на которой впоследствии образовался союз Каба-Дарго, являлась Кавказская Албания. Большинство исследователей в состав Кавказской Албании включают и Дагестан⁹. Интересно то обстоятельство, что наблюдается родство нынешнего даргинского языка с удинским языком, сохранившимся в наше время только в отдельных местах — в селении Нидж и Варташен Азербайджанской ССР и в одном селении—Октомбери Грузинской ССР, но который,—как пишет академик А. С. Чикобава, — «исторически имел значительно большее распространение, представляя собой один из пережиточно сохранившихся языков древней Кавказской Албании»¹⁰. В словарном составе даргинского и удинского языков много слов, имеющих один и тот же корень. Для убедительности приведем отдельные слова: **мукинах** (уд.) — **мукеки** (дарг.) — (рог), **бех-бекI** (голова), **хаа-хя** (собака), **курр—кур** (яма, у даргинцев для хранения овощей, фруктов), **ус—дус** (лет, год), **без—мез** (язык), **уксан—укес** (кушать, есть), **улух—цула** (зуб), **уки—уркIи** (сердце), **хен—шин** (вода), **кода—klatla** (лопата), **кала—халал** (большой), **бег—берхIи** (солнце), **гурабах—гурде** (рубашка), **каланебаг—халабаиб** (вырос), **барканей—бархьяиб** (отпустил), **айзесун—айзес** (встать), **зу—ну** (я), **барта—бати** (оставь, пускай), **нех—нег** (мякина), **му—мухьи** (ячмень), **мургул—муул** (метла, веник), **каркала—кьяркьяла** (тело), **тат—tlanI** (муха), **рази—разили** (согласный), **ус—униц** (бык), **куах—хъали** (дом), **бурух—дубура** (гора), **бугесун—бигес**, **игес**, **игахьес**

---

⁹ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. Исторические записки, т. 1. М., 1937; Э. И. Ямпольский. Из истории древней Кавказской Албании. М., 1949; его же. Древняя Албания III—I вв. до н. э. Баку, 1962; В. Г. Котович. Дагестан в составе Кавказской Албании. Очерки истории Дагестана, т. 1. Махачкала, 1957; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.—Л., 1959; Д. М. Атаев. Дагестан и Кавказская Албания. Тезисы доклада на научной сессии Института ИЯЛ Дагфлила АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959; его же. Кавказская Албания. История Дагестана, т. 1. Изд-во «Наука». М., 1967.

¹⁰ А. С. Чикобава. Введение в языкознание, ч. 1. М., 1953, стр. 223.

(быть любимым), таманбаху—таманбихуб (когда прошли, кончилась), ца—ца (один), хиб—хІябал (три), ук—урегал (шесть), виц—вицІал (десять), га—гьал (двадцать), хиббас—хІябдарш (триста) и т. д.

В V в. н. э. Кавказская Албания вошла в состав Ирана в качестве отдельной области. В связи с этим, с одной стороны и в связи с внутренними причинами, с другой— на территории современного Дагестана возник ряд политических образований — «царства» Лакз, Табасаран, Хайдак, Гумик, Зирихгеран¹¹. По письменным источникам они известны только с VI—VII вв. Поэтому не представляется возможным говорить о каком-либо конкретном политическом образовании, куда бы входили даргинцы в указанные века. К сожалению, нет по этому периоду и конкретного археологического материала.

Однако, согласно сохранившимся преданиям, известно, что в раннем средневековье на территории исследуемого Союза было множество поселений. Притом, они были небольшие, что являлось характерным для периода разлагающихся родоплеменных отношений. В исторической литературе эти поселения известны как «родовые»¹² или тухумные. Остатки многих из них сохранились вплоть до наших дней. Разбросаны они вокруг больших современных населенных пунктов, которые образовались как крупные территориально-«родовые» селения именно в результате объединения «родовых», т. е. тухумных поселений, о чем будет сказано подробно ниже. Так, вокруг самого крупного из сел восточных даргинцев — Урахи имеются остатки пяти поселений, известных под названиями ШибяхІша, ДахІша, Издагиши, Мулиги и Кьукьяра; вокруг селения Кана-Сираги имеются остатки семи поселений; вокруг селения Мургук — остатки девяти поселений и т. д.¹³

Согласно народным преданиям, на территории бывшего Урахинского союза раньше находился и большой

---

¹¹ История Дагестана, т. 1. Изд-во «Наука». М., 1967, стр. 12і.

¹² Термин «родовой» применяется как условный, так как предполагается, что поселения были образованы родственными коллективами, которыми очевидно являлись тухумы. (Аналогичное мнение высказано М. О. Османовым. См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 80).

¹³ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

город под названием Хямур-Дарго. Расположен был город на берегу реки Гамри-Озень. Город тянулся по берегу реки до 10 км. Вокруг него была построена крепостная стена. В рагъамах (летописях), которые раньше находились в селении Кичи-Гамри, имелись записи о том, что город был взят хитростью, разрушен и сожжен какими-то иноземными завоевателями, пришедшими с приморской равнины¹⁴.

Говоря об этом городе, профессор Р. М. Магомедов пишет следующее: «По данным эпитафии, близ побережья Каспия существовал город Гамри. Неподалеку от этой местности расположено селение Кичи-Гамри, что по-кумыкски означает «маленький Гамри», вокруг него сохранились развалины большого поселения»¹⁵.

Имеются сведения о городе Гамри и в письменных источниках. Так, в «Дербент-наме» говорится о существовании города «Гумри» еще в период правления в Иране Кубада и его сына Хосроя I Ануширвана¹⁶.

Источники называют Гамри (Хумра) «вилайатом Дагестана»¹⁷.

Основные сведения о Гамри связаны с арабо-хазарскими войнами VIII в. Гамри, Хамри или Хамур упоминается при описании сражения арабов во главе с Салманом ибн Рабиа с хазарами. После четырехдневного сражения хазарский хакан, потерпев поражение от арабских войск, уходит «в сторону Хамур (или Хумра) и вошел в крепость Хасин (или Хусайн)»¹⁸.

Сведения о Гамри, имеющиеся в письменных источниках и преданиях, подтверждаются и археологическими раскопками, проведенными в 1971 г. Гамринским отрядом экспедиции Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР во главе со старшим научным сотрудником В. Г. Котовичем^{18*}. Раскопки показали, что

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Расул Магомедов. Легенды и факты о Дагестане. Из записных книжек историка. Дагкиноиздат. Махачкала, 1969, стр. 75.

¹⁶ Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 33.

¹⁷ А. Р. Шихсаидов. Дагестанские исторические хроники. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 158, л. 64.

¹⁸ Там же.

^{18*} Результаты раскопок первого года экспедиции опубликованы в сборнике «Археологические открытия 1971 года». Изд-во «Наука»,

действительно между сел. Алходжакент Каякентского района и Маммаул Сергокалинского района в среднем течении реки Гамри-Озень находился крупный населенный пункт. Площадь его, покрытая развалинами каменных построек, достигает не менее 30 га, а прилегающая к нему сельскохозяйственная округа охватывает несколько сотен га. Само городище состояло из цитадели, собственно города — шахристана и торгово-ремесленного посада¹⁹.

Раскопки подтвердили сохранившиеся предания и о оборонительных сооружениях города. В частности, в результате раскопок цитадели городища и его шахристана обнаружены остатки каменных крепостных стен толщиной 2,3—2,8 м. Кроме того, на цитадели обнаружены остатки сторожевой башни предмонгольского периода (IX—XII вв. н. э.)²⁰. Оборонительные стены находились также между цитаделью, собственно городом и торгово-ремесленным посадом²¹.

Изучение материалов раскопок городища привело исследователей к выводу, что это «остатки крупного древнего города, одного из исторически сложившихся политических и торговых центров на прикаспийском пути»²².

Еще до раскопок Гамринского городища на основе изучения имеющихся письменных источников было высказано мнение, что Гамри (Гумри, Хамрин) — это упоминаемый в источниках того же времени город Таргу (Яргуа—Берху—Иергху—Тергху)²³.

Между тем, как можно судить по источникам и преданиям, это разные города. Так, Табары²⁴, а вслед за ним и Ибн ал-Асир²⁵ перечисляют Гамри и Таргу одно-

---

М., 1972, стр. 153—154. См. статью: В. Г. Котович, В. М. Котович, С. М. Магомедов. Работы в Прикаспийском Дагестане.

¹⁹ Там же, стр. 153.

²⁰ Там же, стр. 154.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ В. Г. Котович. О локализации дагестанских раннесредневековых городов в связи с вопросом о темпах и масштабах арабских завоеваний в Дагестане в сер. VII—перв. половине VIII вв. н. э. (расширенные тезисы). Рукопись, л. 3.

²⁴ Табары. Тарих ар-русул вал-мулук. Пер. акад. Б. Дорна. ЖМНП, 1844.

²⁵ Ибн ал-Асир. Тарих ал-Камиль. Пер. с араб. проф. П. К. Жузе. Баку, 1940.

66728

временно; они фигурируют как разные города при описании одних и тех же событий.

В одном из списков «Дербент-наме», где дается перечень обложенных Абу-Муслимом подушной податью земель и населенных пунктов Дагестана, также дается отдельно как Хумри, так и Тарху²⁶.

Согласно народным преданиям, город Таргу был расположен недалеко от Хамур-Дарго и в 10 км. от селения Мургук²⁷.

Гумри (Хумри, Хамур, Хамри) — это Гамри. Об этом говорит не только созвучие их названий, но и то, что на левом берегу реки Гамри-Озень находится селение Кичи-Гамри, которое, согласно преданиям, образовали оставшиеся в живых жители из города Хямри или Хямур-Дарго.

К периоду разрушения город находился под влиянием сменяющих друг друга тюркоязычных племен, и поэтому к старому названию прибавилось тюркское слово «кичи» — маленький. Кичи-Гамри — означает Маленький-Гамри. Название это, очевидно, было дано селению в противовес ранее существовавшему большому Гамри.

Образование и ряда других сел народные предания связывают с разрушением города Гамри-Дарго.

Видимо, к этому же времени относится и разрушение других населенных пунктов, которые существовали недалеко от Гамри-Дарго. В 9 км. от современного селения Кичи-Гамри в местности «Дуршбала муза» до сих пор имеются остатки крепостной стены, протяженностью около одного километра вокруг горки. Ширина стены — около 4 метров. А рядом с этим местом находится старинное кладбище.

Согласно народным преданиям, в раннесредневековый период («до прихода арабов», «до принятия ислама») в предгорной части территории даргинцев кроме Гамри и Таргу находились еще три города: ЖаванбекI (между селениями Башлы и Хапкай-кент), город в местности «Хьулрела муза», о чем говорит само это название — (холм, где находились дома), и в местности «Целдала кьаси» — между Таргу и «Хьулрела муза». Существует

---

²⁶ Л. Р. Шихсандов. Указ. соч., л. 84.

²⁷ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

предание, что эти города были разрушены одновременно с Семендером²⁸.

В VIII—X вв., как указывают источники, на территории Дагестана был известен ряд государственных образований, среди которых упоминаются также Зирихгеран, Хамзин или Хайзан, Карах и Шандан. Каждое из них объединяло определенные племенные группы даргинцев. Восточные даргинцы вместе с верхнедаргинцами вошли в состав Шандана, о чем довольно убедительно говорит и В. Ф. Минорский²⁹. Как пишет В. Ф. Минорский, анализ имеющихся сведений показывает, что Шандан занимал именно территорию, где ныне живут даргинцы. Так, согласно сведениям арабских авторов, на равнине и в предгорье к северу и северо-западу от Дербента находились такие владения как Джидан и Карах. Далее источники говорят о владениях Туман и Серир, занимавших территории с лакским и аварским населением. Известно также, что Хайдак и Зирихгеран находились на территории нынешних Кайтагского и части Дахадаевского районов. Остается не упомянутой только территория Среднего Дагестана, где именно живут даргинцы, входившие раньше в состав Акуша-Дарго, Сюрги и Каба-Дарго. Следовательно, не может быть сомнения, что Шандан был расположен именно в Среднем Дагестане, т. е. в основном на той территории, где впоследствии образовались союзы сельских обществ восточных и верхних даргинцев.

К тому же в пользу этой версии говорит и то, что название этого государственного образования на даргинском языке означает «сталь». Не исключена возможность, что название Шандан, как этноним политической единицы, возникло именно от названия стали (шандан), которое, по всей вероятности, носило одно из самых сильных племен, являвшееся ядром государственного образования и объединившее вокруг себя другие этнически родственные племенные группы.

Шандан являлся сильным владением Дагестана. Первое упоминание о нем дается у Белазури — арабского автора IX в. в связи с походом арабского полководца Мервана в Дагестан, когда Шандан капитулировал

---

²⁸ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

²⁹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. ИВЛ, М., 1963, стр. 140.

и предложил победителю 100 юношей с обещанием посылать ежегодно 5 тыс. модиев в житницу Дербента³⁰.

Это свидетельство также говорит о том, что Шандан занимал определенную часть территории горного и предгорного Дагестана, где основным занятием населения являлось земледелие.

Шанданцы не приняли ислам. Поэтому правители Дербента и его союзники постоянно совершали походы против них. Арабские источники прямо говорят, что «среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим [врагом] мусульман был народ Шандана»³¹.

Исповедывали тогда жители Шандана наряду с языческими верованиями христианство и иудейство. Говорят об этом распространенные среди даргинцев предания, согласно которым происхождение почти всех больших и древних населенных пунктов связывается с армянами, грузинами и евреями. Так, происхождение селения Урахи—центра союза Каба-Дарго—связывается с армянами, в чем надо видеть факт существования здесь христианской религии, распространенной, очевидно, в свое время среди даргинцев, как и среди других народов Дагестана, армяно-албанскими миссионерами, о чем имеются сведения у Моисея Каганкатваца³².

Возможно, это обстоятельство играло немаловажную роль при совершении «исламских походов» на Шандан, расположенный, как указывают источники, «в пограничной области (сагр) ал-Баба» (Дербента — Б. А.)³³.

Так, в 273 году хиджры (886 г.) правитель Дербента Мухаммед б. Хашим напал на территорию Шандана и покорил входившие в его состав Д. нк. с и Ш. л. шли³⁴, под которыми В. Ф. Минорский подразумевает современные даргинские селения Чишили и Дибгаши³⁵, расположенные в 5 и 7 км. восточнее Уркараха — центра Дахадаевского района.

³⁰ Там же, стр. 139.

³¹ Там же, стр. 48.

³² Моисей Каганкатваца. История Агван. СПб., 1861, стр. 192, 209, 238. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 89.

³³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 48.

³⁴ Там же, стр. 65.

³⁵ Там же, стр. 139.

В 297 г. хиджры (909 г.) правитель Ширвана Али б. Хайсан вместе с эмиром ал-Баба Мухаммедом б. Хашимом, к которому примкнуло «большое число добровольцев и чтецов корана (курра) из других мест»³⁶, потерпел поражение в сражении с народом Шандана. Правители Ширвана и Дербента вместе с 10 тыс. мусульманами были взяты в плен, которых поделили «между людьми Шандана, Сарира и хазарами»³⁷. Интересно, что пленники Сарира были вскоре отпущены без выкупа, в то время как «пленники хазар и шанданцев были проданы, и спаслись лишь очень немногие»³⁸.

Приведенный документ интересен тем, что из него мы узнаем о совместных действиях дагестанцев (жителей Шандана и Сарира) и хазар.

В 326 году хиджры (938 г.) правитель Дербента Абд ал-Малик б. Хашим б. Сурака послал на Шандан своего помощника Абу-л-Фавариса с конным отрядом из дербентцев и хайдакцев. Напав внезапно на Шандан, они «убили много знатных лиц... и овладели Дик. ш»³⁹.

Однако мусульманским правителям Ширвана и Дербента не удается покорить жителей Шандана и распространить среди них мусульманскую религию, о чем свидетельствуют события, происшедшие через 100 лет.

В 429 году хиджры (1037 г.) шанданцы совершили поход в Дербент. Они «подошли к воротам города (столицы) ал-Баба и пограничной области». Однако поход оказался неудачным. «Некоторые из них (шанданцев—Б. А.) были взяты в плен, другие убиты», хотя и «среди мусульман были также потери»⁴⁰.

В 432 году хиджры (1040 г.) был совершен новый поход против Шандана⁴¹. Возможно, что именно после этого похода Шандан, потерпев поражение и сильно ослабев, не смог оправиться и перестал существовать как политическая единица, о чем говорит такой факт как отсутствие в дальнейшем известий о нем.

О борьбе с арабскими завоевателями обществ, входивших в состав Шандана, сохранилось и много преданий,

---

³⁶ Там же, стр. 48, 65.

³⁷ Там же, стр. 48.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 66.

⁴⁰ Там же, стр. 72.

⁴¹ Там же.

суть которых сводится к тому, что Абу-Муслим, покорив местное население, заставил их принять мусульманскую религию. В некоторых селениях сохранились и более конкретные сведения. Так, в Меусишинском обществе распространено предание о том, что сражение между арабами и жителями селений, проживавшими на территории нынешнего селения Меусиша, в местностях «Азагурла бахI» и «Кьубат», произошло на холме под названием «Хобрела хьяб» (ныне это место находится в среднем квартале селения). Далее в предании говорится, что в этом сражении было убито 40 родственников халифа, которые были похоронены на этом холме, после чего здесь возникло кладбище.

В этот период истории на территории восточных даргинцев господствовала территориальная община. Исследуя IX—XII вв., профессор Р. М. Магомедов пишет: «Сведения в письменных источниках о племенах и политических образованиях на территории Акуша-дарга, Буркун-дарга и Каба-дарга относятся ко времени после арабского завоевания, но по этим сведениям трудно составить представление об их хозяйстве, быте и культуре. Общественно-политический строй Акуша-дарга и Каба-дарга в основном зиждился на господстве территориальных общин. Хотя родовая община здесь давно уступила место сельской общине, укрепленные поселения по типу родовых поселков не исчезли...

В обстановке войн и набегов племенная знать в Дарго имела большие возможности для быстрого обогащения и укрепления своего общественного положения. У отдельных племен Акуша-дарга и Каба-дарга в результате этого начала выделяться феодальная верхушка»⁴².

Говорят об этом и источники того периода. Если арабские авторы указывают, что в таких политических образованиях как Ширван, Лайзан, Табасаран, Карах, Филан, Серир были цари, шахи, владетели, то в Шандане упоминаются только «знатные лица»⁴³, под которыми имеется в виду общинная знать. Аналогичного мнения придержи-

---

⁴² Р. М. Магомедов. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Изд. 2-е. Дагучпедгиз. Махачкала, 1968, стр. 75.

⁴³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 66.

ваются и другие исследователи⁴⁴. Но в то же время, несмотря на некоторую отсталость Шандана по сравнению с указанными политическими образованиями Дагестана, как указывает Р. М. Магомедов, у населения Каба-Дарго, как и у жителей Нижнего Кайтага и Хамур-Дарго, в IX—XII вв. «сложились более развитые социальные отношения», чем, например, «среди населения Сюрга, Буркун-дарга и верхнекайтагских племен (Муьре, Ирчамул, Ицари)», где «продолжали удерживаться патриархально-родовые отношения»⁴⁵.

Выделившаяся феодальная верхушка Каба-Дарго, как и на других территориях даргинцев, была известна под названием талхъаны (князя), что, видимо, возникло от тюркского или хазарского слова тархан — предводитель, военачальник. «У даргинцев, — пишет Р. М. Магомедов, — были и свои князья. Крупные феодалы назывались у них талканами. Такие князья были в Муьре, Кайтаге, Верхнем Дарго. Некоторые племенные князьки-талканы сошли со сцены при арабах, а другие — при татаро-монголах. Уцелевшие талканы укрепили свою власть и угнетали свободных общинников. Народ выступал против них»⁴⁶.

О талканах обществ Каба-Дарго сохранились только предания, согласно которым они имелись в селениях Викри, Меусиша и Издагиша. Нельзя не обратить внимание на само название селения «Издагиша». Слово «издаги» на даргинском языке означает княжна, а «ши» — селение. Окружающие селения восстали против княжны, они отвели воду, которая шла в Издагиша, в результате чего население его погибло от жажды. По сообщению старожилков селения Урахи об этом было написано в летописях, которые, к сожалению, были уничтожены в 30-е годы⁴⁷.

Очевидно, были уничтожены талканы и в других селениях Каба-Дарго, иначе они были бы и в последующие века, подобно тому, как остались они в феодальных владениях Дагестана.

---

44 Ш. М. Ахмедов. Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V—XI вв.). Рукопись канд. дисс. Махачкала, 1970, стр. 173.

45 Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 75.

46 Там же, стр. 102.

47 Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

Будучи расположенным по соседству с Дербентом, население обществ союза Каба-Дарго, входивших тогда в состав Шандана, было связано с ним торговыми отношениями. Кроме того, через Дербент осуществлялись и внешнеторговые связи, так как этот приморский город являлся «связывающим звеном во внешней торговле» всего Дагестана. Конкретные сведения о связях даргинцев с Дербентом дает нам арабский автор первой половины XIII века Якут. Он писал, что к Дербенту, наряду с другими народами — хайзанами, зирихгеранами, гумиками и т. д., «стекаются и шензаны»⁴⁸, т. е. шанданцы.

В XIII—XIV вв., как и повсеместно в Дагестане, у даргинцев усиливается процесс объединения «родовых» или тухумных поселений в территориально-«родовые» и территориальные селения. В объединении и слиянии «родовых» поселений и образовании на этой основе крупных территориальных единиц сыграли свою роль как внутренние, так и внешние причины.

Внутренними причинами являлись прежде всего дальнейшее развитие производительных сил и связанное с этим разложение родовых отношений. Определенную роль в условиях горного Дагестана в объединении «родовых» поселений в крупные селения, видимо, сыграло и малоземелье. Кроме того, в связи с дальнейшим социально-экономическим развитием усиливаются связи не только между соседящими «родовыми» поселениями, но и общинами между различными племенными группами вообще, что также ускоряло их объединение.

Из внешних причин в качестве главных необходимо отметить две — это, во-первых, необходимость защиты от внешних пришельцев, иноземных завоевателей и, во-вторых, от покушений соседних феодальных владений.

Как известно, этот период характеризуется борьбой народов Дагестана против татаро-монгольских завоевателей и войск Тимура. Эта борьба, как один из главных внешних факторов, и ускорила процесс объединения «родовых» поселений. «Монголо-татарские нашествия XIII—XV вв., — пишет М. О. Османов, — окончательно разорили и разрушили эти поселки и вызвали группирование

---

⁴⁸ Якут. Алфавитный реестр стран. Перевод А. Н. Караулова, ССКГ, вып. XXIX. Тифлис, 1901, стр. 15.

отдельных родовых поселков (очень часто их остатков) в более далеких, укромных местах, менее доступных для завоевателей. Необходимость решительной борьбы с последними, покушения феодалов на независимость сельских общин» и привели к образованию больших территориальных сел⁴⁹.

Это, конечно, общие причины, послужившие объединению «родовых» поселений в территориальные селения. Кроме них в каждом отдельном случае определенное влияние могли оказать и свои внутренние, ускоряющие процесс объединения, обстоятельства. Так, таким фактором для объединения двух «родовых» поселений—Кьукьяра и Мулиги, находившихся в 5 и 3 км. от современного селения Урахи, с самым большим поселением под названием ДахIша, расположенным в местности КIалгIя бухIнала, т. е. в крепости, послужили частые конфликты между двумя первыми поселениями. Согласно преданиям, между ними произошло большое столкновение, в результате чего даже речка от крови стала красной. После этой стычки жители ДахIша помирили и переселили их в свое селение. Затем объединились с ДахIша и другие окружающие поселения, в результате чего и возникло нынешнее селение Урахи.

Расселение в ДахIша окружающих поселений произошло по кварталам. Так, жители поселений Издагиша и Мулиги образовали Верхнее селение. А существующие и ныне кварталы Нижнего аула были основаны: квартал ГIялзи кьотI—переселенцами из поселения Кьукьяра; квартал Хьар кьотI—переселенцами из поселения Мулиги; Хьар кьотI—переселенцами из поселения ШибяхIша (или ХIвябрела хьвяб)⁵⁰.

ДахIша из всех указанных поселений являлось наиболее крупным, следовательно, и сильным поселением. Поэтому-то объединение остальных поселений произошло вокруг него. К тому же и в географическом отношении ДахIша занимало очень выгодное положение, т. е. местность, где ныне расположен квартал Верхнего аула—КIалгIя бухIнала. Селение было окружено крепостной стеной, остатки которой сохранились до наших дней.

---

⁴⁹ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 81.

⁵⁰ Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

С двух сторон оно было защищено естественной преградой — высоким обрывом. До сих пор здесь сохранились остатки домостроений, к которым можно пройти с большим трудом. Это было древнее поселение, о чем свидетельствуют сохранившиеся до сих пор отдельные немусульманские захоронения внутри селения Урахи.

Другие большие селения Каба-Дарго также образовались в результате объединения маленьких «родовых» поселений вокруг более крупного и сильного. Так, селение Мургук образовалось из 9 «родовых» поселений, которые были расположены вокруг нынешнего селения на расстоянии от 1,5 до 15 км. Они назывались: Чирмала къази, УрхахІана, Давдавла муза, Бигуб вацІа, Нанушкіи, Шила гІяяла гІинцІала, Хъулрела бяхІ, КІалгІяликила и Мургук. Селение Кана-Сираги образовалось из 7 маленьких поселений: Къаркънау, ХъунцІела, Мург, Гъяргъурти, КьолабакІи, ЦулленцІи и Цергъала.

Согласно преданиям, объединение поселений в Мургук произошло насильно, а в Кана-Сираги — в целях обороны от постоянных нападений извне. В частности, имеется предание о том, что на эти поселения постоянно нападали жители несохранившегося до нас селения под названием Къулбуки, которое находилось около современного селения Мургук.

Селение Меусиша образовалось в результате объединения двух больших поселений, находившихся в местностях Азагурала бахІ и Къубат⁵¹.

Полевой историко-этнографический материал показывает, что объединение поселений в территориальные селения происходило, как правило, мирным путем, без насилия со стороны какого-либо поселения (исключение составляет селение Мургук). Это обстоятельство говорит о родственном характере, общности племенного происхождения, территориальной близости, существовании взаимных связей между поселениями, входившими в ту или иную группу, объединившихся затем в одну большую территориальную единицу. В то же время это свидетельство наличия внешней опасности, которая создала общность целей и интересов «родовых» поселений и ускорила их объединение в территориальные единицы.

«Родовые» поселения, как правило, были небольшими

---

⁵¹ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

и в целях защиты от внешних завоевателей в основном располагались в местностях с естественной преградой. Большинство из указанных «родовых» поселений располагалось на крутых склонах. Отличительной особенностью вновь образовавшихся территориальных селений являлось то, что они были больших размеров, хорошо укрепленные, но расположенные несколько ниже, чем «родовые» поселения и с большей последовательностью тяготеющие к речкам⁵². Так, до образования объединенного селения Урахи поселение ДахIша занимало небольшую территорию и притом такую, куда с двух сторон невозможно было проникнуть. После объединения с ДахIша окружающих его поселений селение расширяется в сторону речки (Нижний аул) и на север (Верхний аул) с меньшей естественной защитой от внешних нападений.

Селение Мургук до объединения было расположено только на труднодоступной скале, после же — оно расширилось по обе стороны горы, где нет такой естественной преграды от внешних нападений, как на горе.

Исследуя даргинские поселения, М. О. Османов пришел к выводу, что причиной такого расположения селений, образовавшихся на территориальной основе, являлось то, что «оборонительный фактор этого времени уже не был постоянно действующим, а имел большей частью только значение противодействия внешним пришельцам, завоевателям. Может быть именно этим и объясняется тот фактор, — пишет далее он, — что население вновь возникших аулов не столько пряталось высоко в горах, сколько выбирало естественно укрепленные места в долинах рек, ущельях, у важнейших перевалов, как бы закрывая и контролируя пути проникновения в собственные земли»⁵³.

А вот как писал о расселении дагестанских горцев, в том числе и даргинцев, Н. Ф. Дубровин: «Стараясь укрыть свои дома от непогоды, жители, вместе с тем, располагали свои деревни на такой местности, которая могла бы представить наиболее выгод при обороне от вторгающегося неприятеля. От этого деревни их или спустились в глубокие овраги, где прикрываются навис-

---

⁵² С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 81.

⁵³ Там же.

шими скалами, то тянутся не вдоль подошвы горы а по скату ее, и лепятся одна над другою в виде амфитеатра, или, наконец, приютились на такой крутой возвышенности, что доступ к ней весьма затруднителен»⁵⁴.

Нам кажется, что причиной такого расположения территориальных селений, помимо указанных выше, являлось также отсутствие для переселенцев территории в более защищенной части селения, с которым объединились другие поселения. Поэтому расширение основного селения происходило за счет заселения свободной его части и образования новых кварталов, а не за счет уплотнения старой части селения, что исключалось в виду ограниченности территории.

Поэтому вновь образовавшиеся территориальные селения окружались оборонительными стенами. «Места аула, доступные неприятелю, — писал Н. Ф. Дубровин, — закрывались каменною стеною с бойницами и башнями, для фланговой обороны, а иногда такую стену заменял простой плетень из хвороста, перевитого в два ряда и вооруженного колючками. В стене, окружающей аул, располагались ворота, для выезда в поля или соседние аулы; со стороны же, не подверженных неприятельскому нападению, ни ворот, ни стен не было»⁵⁵. Селение Урахи, например, было окружено оборонительной стеной с двух сторон, откуда могли проникнуть неприятели. Ширина стены 1,5 м. Войти в селение можно было только через крепостные ворота. Одни из них находились в местности ДахI-ша, другие — в квартале ГIила кIотI (в Хьарша), где сейчас выход из селения в сторону селения Н.-Мулебки, третьи — в местности ХIярхIя кIакьри (в Хьарша), четвертые — в квартале ГIялзи (в Хьарша) и т. д. Всего было 7 ворот 3—в Верхнем ауле, 4—в Нижнем. В башнях у каждых ворот постоянно дежурили сторожевые. Причем интересно, что дежурили там кровники. «Они, — пишет А. Далгат, — были изгнаны на определенный срок из аула за убийство, а теперь (имеется ввиду период вражды с верхнедаргинцами — Б. А.) постановлением джамаата призваны в родной аул для несения караула на башнях. Кровники никуда не имели права отлучаться, даже

---

⁵⁴ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб., 1971, стр. 534.

⁵⁵ Там же.

к себе домой. Категорически запрещалось убивать их, за убийство призванного обществом в аул кровника виновного закидывали камнями так же, как женщин, уличенных в прелюбодеянии. Число сторожей-кровников равнялось полсотне»⁵⁶

Селение Н.-Мулебки с самого возникновения находилось на макушке хребта под названием Аждагъала шулла бахI. С востока оно было защищено естественной преградой — здесь находится высокий обрыв, откуда невозможно попасть в селение, с запада было покатистое место, а с остальных сторон оно было окружено оборонительными стенами, ширина которых достигала 1—1,5 м. Ворота находились в северной и юго-восточной частях селения. Место это до сих пор известно под названием Ирхъяй (ворота). В оборонительных башнях постоянно караулили сторожевые.

Возьмем другое селение — Кана-Сираги. С двух сторон и это селение было защищено естественной преградой, а две другие — южная и северная стороны были защищены высокой и толстой крепостной стеной с двумя башнями и воротами — одни в Верхнем ауле, другие — в Нижнем. В башнях караулили 4 сторожевые, которые менялись через каждые трое суток. Ключи от ворот находились у сельского кадия и без его разрешения нельзя было ни войти, ни выйти из селения⁵⁷.

Помимо оборонительных и сторожевых башен, построенных в самих селениях, почти около каждого селения сторожевые башни строились и на возвышенных местах, о чем свидетельствует и Н. Ф. Дубровин. «...даргинцы и мехтулинцы, — писал он, — стали устраивать сторожевые башни... Башни эти строились на таких местах, откуда можно было видеть окружающую местность на значительное расстояние. и занимались днем и ночью караулом из ближайших аулов»⁵⁸. Так, сторожевая башня нижнемулебкинцев находилась на горке под названием Шулла бахI, расположенной недалеко от селения; в селении Урахи — на возвышенном месте напротив Нижнего аула под названием Хала бахI, откуда во все стороны видна окружающая территория. Сохранились

⁵⁶ А. Далгат. Указ. соч., стр. 6.

⁵⁷ Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁵⁸ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч., стр. 534.

эти сооружения вплоть до XX в. «Аул Урахи (Хюраки), — писал в начале XX в. Е. И. Козубский, — также окружен стеной с башнями; в нем имеются и отдельные башни»⁵⁹.

Итак, образование больших территориальных селений на основе объединения «родовых» поселений являлось показателем процесса дальнейшего разложения родоплеменных отношений, начавшегося задолго до периода образования крупных сел, хозяйственного возрождения и новых экономических сдвигов. Показателем этого является также то, что территориальная община объединяла не только родственников, а вообще всех жителей селения. Она оказалась, по словам К. Маркса, более приспособленной к расширению и соприкосновению с чужими. Это было первое социальное объединение людей, не связанных кровными узами⁶⁰.

Процесс образования больших территориальных единиц на основе объединения небольших соседящих поселений происходил в тот период и на других территориях Дагестана⁶¹.

Образование больших территориальных общин имело большое значение. «Складывался тот центр, вокруг которого концентрировались другие населенные пункты. Объединение нескольких аулов вокруг одного повышало значение территориальной общины и усиливало ее обороноспособность. Образование крупных сел в свою очередь было возможно только на основе больших успехов хозяйственной жизни»⁶².

Образование некоторых аулов, вошедших в состав союза Каба-Дарго (или входивших в прошлом), связывается с переселенцами из других селений. Так, согласно собранным нами сведениям, селение Бурдеки было основано выходцами из селений Утемыш, Урахи и Муги. Произошло это следующим образом. После разрушения города Гамри-Дарго оставшиеся без хозяина земли были поделены между тремя большими селениями — Урахи, Утемыш и Башлы. Граница между урахинскими и утемышскими землями проходила примерно в 10 км. от

---

⁵⁹ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 159.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 418.

⁶¹ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964.

⁶² Там же, стр. 59.

местности под названием Къвялцнаула. Для охраны своих земель Утемышское общество, где проживали кумыки, переселило на 5 лет 8 хозяйств пемного выше нынешнего селения Бурдеки. Поэтому их называли «ордеги», что на кумыкском языке означает «верхние». Но здесь не было источника воды, и поэтому эти семьи со временем переселились вниз, где находится сейчас селение Бурдеки. Сюда же стали переселяться отдельные хозяйства из селений Урахи и Муги (последнее относилось к Акуша-Дарго). Из Урахи переселились в основном из тухума Гадай-Джанаевых, в результате чего и ныне в Бурдеки, как и в Урахи, имеется тухум Гадай-Джанайхъала.

Даргинцев в Бурдеки стало больше и постепенно селение превратилось в даргинское. Говорят об этом названия и количество кварталов. Урахинцы основали Пёркъво къотI (квартал высокого) и ЦЯб къотI (темный квартал), выходцы из Утемыша обосновались в квартале Ясар къотI, а позже мугинцы основали квартал Серхьи къотI (зерхьи на даргинском языке означает лук).

Современное селение Кичи-Гамри, как указывалось выше, образовалось из оставшихся в живых жителей города Гамри-Дарго. Но селение образовалось не сразу после разрушения города. Те, кто спаслись после разрушения города, разбрелись по разным местам. Согласно преданиям, многие ушли в Верхнее Дарго. Первыми поселенцами-основателями Кичи-Гамри были потомки жителей Гамри-Дарго, которые после разрушения его ушли в селение Усиша. По истечении определенного времени из Усиша в родные места вернулось несколько хозяйств, среди которых первой переселилась семья, у которой было два сына — Иштал и Касум, основавшие затем два тухума. Селение это образовалось примерно в середине XIV в., о чем свидетельствуют надписи на надгробных памятниках в местности Шейхла хIябри. Здесь находились памятники 600 летней давности.

О происхождении названий селений существуют разные версии. Так, согласно преданиям, название селения Урахи произошло от имени основателя его. По преданиям Урахи, Уркарах и Дуакар основали три брата. «Названия Урахи и Уркарах, — пишет М. О. Османов, — сложились, якобы, от поведения их основателей после рас-

ставания, а Дуакар так назван потому, что его основатель забрался дальше всех от родных мест и являлся изгоем⁶³.

Название селения Мургук возникло от имени девочки, которую звали Мургук. Согласно преданиям, один житель селения Башлы разошелся с женой. У них была дочка. Она с отцом осталась в Башлы. Дорога, по которой она ходила в соседнее селение к матери, получила название «Мургук ел», что на кумыкском языке означает «Путь Мургук». На этом месте было построено селение и от названия дороги и местности оно стало называться Мургук. Когда селение было перенесено на горку Къалила муза, название это было сохранено. Образовавшееся после объединения вокруг него остальных «родовых» поселений крупное территориальное селение также сохранило это название.

Название селения Бурдеки, как было указано и выше, произошло от кумыкского слова «ордеки», означающего «верхние». Название селения возникло от первоначального географического расположения селения, — на горе. Для жителей плоскостных обществ (Утемыш, Башлы и др.) переселенные на гору для охраны границ хозяйства являлись верхними. Название это, данное в виду расположения поселения на горе, сохранилось и после перенесения его на более низкое место — ближе к воде.

Имеется предание, что название селения Мулебки произошло от слова «мулкъ» или «мулеркъ», означающего на даргинском языке червь. Это название, как пишет К. Ф. Ган, селение получило в связи с тем, что около него ловят пиявок⁶⁴.

Объединение обществ восточных даргинцев в один союз во главе с самым крупным из них Урахинским обществом, очевидно, произошло после распада государственного образования Шандан, куда они входили вместе с другими даргинскими племенами, которые также после его распада объединились в военно-политические союзы, как, например, Акуша-Дарго, Сургинский союз и т. д.

---

⁶³ М. Османов. Некоторые вопросы даргинской топонимики. (Материалы по названиям селений). Уч. зап. Института ИЯЛ Даг-филиала АН СССР, т. XIV (серия историческая). Махачкала, 1965, стр. 288; полевого материал, собранный нами в 1962 г.

⁶⁴ К. Ф. Ган. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, вып. 40. Тифлис, 1909, стр. 105.

Говоря о периоде после распада Шандана, профессор Р. М. Магомедов пишет, что уже «выделились следующие даргинские земли: Акушала-дарга, Каба-дарга, Хамур-дарга, Кайтаг-дарга, Сюрга»⁶⁵.

Причины образования союза Каба-Дарго те же, что и при образовании других союзов сельских обществ Дагестана. Это прежде всего внутренние причины — дальнейший рост производительных сил, связанное с этим усиление связей, общений обществ между собой, что в свою очередь способствовало усилению и укреплению политических связей. Из внешних причин основной являлась необходимость защиты от посягательств окружающих феодальных образований, усилившихся именно после распада государственного образования Шандан. Кроме того, постоянно существовала опасность со стороны иноземных завоевателей, которая также являлась одним из факторов, приведших к объединению территориальных сел восточных даргинцев в военно-политический союз под названием Каба-Дарго.

Образование союза Каба-Дарго являлось в то же время следствием процесса разложения родоплеменных отношений, что было характерно и в образовании других союзов сельских обществ. «Объединение общин в общества и союзы, — пишет М. В. Саидова, — является характерной чертой процесса разложения общинных отношений»⁶⁶. В то же время объединение общин в союзы и общества не только толкало их на путь дальнейшего разложения, но в свою очередь еще более охраняло их существование, потому что общины объединялись в общества и союзы в целях самоохранения, расширяли внешние отношения и до какой-то степени выходили из круга замкнутых мирков, что вело к нарушению господствующего в них застоя и к разложению общинных отношений⁶⁷.

Согласно имеющимся сведениям, в состав союза Каба-Дарго, или Урахинского союза сельских обществ входили раньше селения Урахи, Бурдеки, Кичи-Гамри, Маммаул,

⁶⁵ Р. М. Магомедов. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Дагучпедгиз. Махачкала, 1968, стр. 75.

⁶⁶ М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Рук. канд. дисс. М., 1947, стр. 213.

⁶⁷ Там же.

Урхана, Мургук, Мугри, Кана-Сираги, Герга, Мулебки, Цураи, Цизгари, Бускри, Викри, Дейбук и образовавшиеся впоследствии из выходцев больших обществ отселки⁶⁸. Однако состав Союза, как и других союзов сельских обществ Дагестана, не являлся неизменным.

В силу определенных конкретных обстоятельств, общества, входившие в состав Союза, могли отколоться от него и войти в другие союзы или политические образования, существовавшие на территории Даргинии. Причиной этого могло быть или недовольство политикой остальных обществ, или вмешательство со стороны феодальных владений и насильственное отторжение и подчинение его. В то же время к Союзу могли присоединиться и общества, входившие в другие политические образования. Так, в XIX в. от общества Гапш отделилось Бускринское общество, недовольное притеснениями со стороны Уркарахского общества и присоединилось к Урахинскому обществу, хотя последнее находилось на расстоянии 30 км. от Бускри⁶⁹.

Всем этим объясняется и противоречивость сведений о составе союза Каба-Дарго. Если по одним сведениям в его составе было 15 сельских обществ, то по данным конца XVIII в. их было всего 8. Как писал участник Персидского похода 1796 г. Д. И. Тихонов, Каба-Дарго являлось одной из «округ» владения уцмья Кайтагского. В составе Каба-Дарго он перечисляет следующие общества: «1) деревню Гераки, главную в округе, 2) Гулебки, 3) Мулебки, 4) Шады, 5) Гергеды, 6) Икра, 7) Онакари, 8) Ганклы»⁷⁰. Однако верить в достоверность этих сведений трудно не только потому, что здесь явно ошибочно указаны селения, входившие в состав Сюргинского общества и даже целый союз обществ — Ганк, но и потому, что Д. И. Тихонов перечисляет селение Урахи (центр Каба-Дарго) в составе «Гамринской округи» под названием «Гураклы»⁷¹.

---

⁶⁸ А. Далгат. Указ. соч., стр. 5; полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁶⁹ Там же, стр. 11.

⁷⁰ Д. И. Тихонов. Описание Северного Дагестана. 1796 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, стр. 133.

⁷¹ Там же, стр. 132.

По сведениям 30-х годов XIX века в составе Каба-Дарго находилось 10 сельских обществ, среди которых перечислены: Урахкли (Урахи), Мюргюк (Мургук), Икра (Викри), Цысугара (Цизгари), Канасырга (Кана-Сираги), Мукри (Мугри), Сурай (Сураи), Гярьси (Герга), Дейбуль (Дейбук) и Усыша (Меусиша) ⁷².

По более поздним и полным сведениям XIX века в составе союза Каба-Дарго находилось 12 селений ⁷³, среди которых, кроме указанных выше, перечислены Нижние-Мулебки и Бускри. Кроме того, в состав Союза входило и селение Шадни, образованное переселившимися лакцами ⁷⁴. Таким образом, в этом перечне даны как общества, которые перечислены в составе Союза Д. И. Тихоновым, так и те общества, которые имеются в сведениях 30-х годов XIX в.

Профессор Р. М. Магомедов, основываясь на данных, имеющихся в «Памятной книжке Дагестанской области», пишет, что в состав Каба-Дарго или Урахинский союз сельских обществ входило 18 селений ⁷⁵.

Исходя из всех этих сведений не представляется возможным судить о времени присоединения тех или иных обществ к союзу Каба-Дарго и о потере им былого могущества в результате отхода от него многих обществ. По мнению А. Далгат причиной отхода от Союза многих обществ являлось ослабление его «в результате непрерывных сражений с войсками интервентов, в борьбе с местными феодалами, под Дербентом, Самуром, Уллу-Чаем и так далее» ⁷⁶.

Как рассказывают старожилы селения Урахи, об этом имелись записи в больших летописях — «рагъамах», написанных на арабском языке, которые раньше хранились в урахинской мечети. В этих летописях имелись также

---

⁷² Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, эгнографическом, топографическом и финансовом отношениях, ч. IV. Под ред. В. С. Легкобытова. СПб., 1836, стр. 192.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105; см. также Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 9.

⁷⁵ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957, стр. 118.

⁷⁶ А. Далгат. Указ. соч., стр. 6.

сообщения о том, что во время походов Шамиля на даргинцев урахинцами была предпринята последняя попытка восстановить Союз под своим главенством, которая однако не увенчалась успехом⁷⁷.

Действительно, на долю обществ, входивших в состав союза Каба-Дарго, как и дагестанских народов вообще, выпало немало тяжелых испытаний. Народы Дагестана не успевали оправиться от разорительных походов одних завоевателей как на смену им приходили другие. И обществам Каба-Дарго в какой-то мере пришлось испытать на себе тяжесть походов и сменяющих друг друга тюркоязычных племен, и арабских завоевателей, и татаро-монголов. Не успели они оправиться от походов последних как на них в конце XIV века обрушились полчища Тимура. Среди части жителей Каба-Дарго распространено предание о том, что Тимур по происхождению из селения Герга, что безусловно является отголоском на пребывание Тимура в Герга и в соседних с ним селениях. Об этом говорят и сведения придворных историков Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди, согласно которым войска Тимура после разгрома крепости и области Ушкудже, пошли в крепость Нергес, Мику и др. населенные пункты, где они жестоко расправились с местным населением⁷⁸. Область Ушкудже — это территория Верхнего Дарго, во главе которого в средневековье стояло селение Усиша. Нергес же — это, по-видимому, искаженное название селения Герга; крепость Мика — селение Мекеги⁷⁹. И Герга, и Мекеги в прошлом, о чем говорят вещественные доказательства и устная традиция, являлись сильно укрепленными населенными пунктами даргинцев, что в действительности соответствует известиям указанных выше придворных авторов. Расположены они недалеко от селения Усиша. Путь из Усиша в Герга и Мекеги лежит через селение В.-Мулебки. По всей вероятности, тимуровские войска, придя в Герга, разграбили и уничтожили селение и отсюда пошли в соседнее селение Ниж-

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. II. М.—Л., 1941, стр. 124, 185.

⁷⁹ Б. Алиев, Р. Шихсаидова. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан. Уч. зап. Института ИЯЛ Даг-филнала АН СССР (серия общественных наук), т. XX. Махачкала, 1970, стр. 232.

ние-Мулебки, где учинили такую же жестокость, что и в Герга. По сообщению старожилов и местных арабистов селения Н.-Мулебки, об этом раньше имелись записи в арабских рукописях, которые, к сожалению, были уничтожены в 20—30-е годы. Кроме того, до сих пор вокруг селения Н.-Мулебки сохранились остатки многих населенных пунктов, которые, согласно преданиям, были уничтожены именно войсками Тимура. На территории отдельных из них, как на обжитых местах, впоследствии нижнемулебкинцы образовали хутора и отселки⁸⁰.

Не могли завоеватели не дойти и до селения Урахи, которое являлось самым большим населенным пунктом восточных даргинцев и было расположено всего в 4 км. от селения Н.-Мулебки. События, описанные А. Далгат в книге «В огне революции» на основании народных преданий, и связанные с жестоким сражением урахинцев с каким-то карательным отрядом, очевидно, относятся именно к этому периоду. Видимо, завоеватели пришли в Урахи по дороге, идущей из Н.-Мулебки по горе Хала бях I, которая вела в Нижнее селение. «Сейчас утеряна нить, — пишет А. Далгат, — кто это были — полчища ли железного хромца Темирлана, Ширван-шахов или других захватчиков, но предание осталось»⁸¹.

В предании говорится, что, придя с юго-востока, большие силы противника вторглись в аул на окраине, носящей название Арзи, откуда, рассыпавшись по аулу, дошли до Верхнего аула. Однако завоевателям не удалось одолеть урахинцев. На защиту селения встало все население и враги вынуждены были отступить⁸².

Отсутствие сведений об этих событиях в работах придворных историков, видимо, объясняется неудачей тимуровских войск в Урахи, так как целью их являлось восхваление Тимура и показ только его побед.

Согласно устной традиции, войска Тимура через территорию союзов обществ Муйра и Гапш пришли и в селения Каба-Дарго, находившиеся по соседству с территорией селения Уркарах⁸³.

Возможно, следствием похода Тимура в общества

---

⁸⁰ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

⁸¹ А. Далгат. Указ. соч., стр. 9.

⁸² Там же, стр. 10.

⁸³ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

Каба-Дарго явилось распространение здесь ислама, который тимуровские войска насаждали огнем и мечом. Как известно, поводом для похода Тимура на территорию даргинцев явилось то, что они были «неверными», т. е. не мусульманами. Как указывалось и выше, согласно народным преданиям, происхождение восточных даргинцев (в частности урахинцев) связывается с армянами, в чем можно видеть факт распространения здесь в какой-то степени христианской религии, хотя, безусловно, характерным являлся синкретизм, т. е. сочетание различных верований с преобладанием язычества. Поэтому и после похода Тимура в верованиях восточных даргинцев, как и горцев Дагестана вообще, еще долго сохранялись языческие представления и обряды. Они обожествляли природу, приписывали сверхъестественную силу различным явлениям и предметам, поклонялись божествам неба, земли, огня, небесным светилам и т. д.

В селениях союза Каба-Дарго сохранились предания о приходе на их территорию персидских войск. В них упоминается имя персидского шаха Аббаса, из чего можно предположить, что в них речь идет о походах персов в начале XVII в. Из косвенных данных мы можем предположить, что персидские войска несколько раз приходили на территорию Каба-Дарго. Первый раз завоеватели прошли через территорию Каба-Дарго в Верхнее Дарго в 1612—1613 г.⁸⁴ Путь в Усиша шел через селения Урахи—Н.-Мулебки—В.-Мулебки, где как раз и сохранились предания о борьбе с персидскими войсакми. В 1613—1614 г. персы совершили второй поход против непокорных даргинцев⁸⁵ и опять прошли через указанные селения.

Сохранились конкретные сведения о приходе в селение Урахи персидских войск в конце XVII в. В одной из арабских рукописей, хранящейся в доме арабиста из селения Мекеги Кембарова Шахбана, имеется запись о том, что в 1100 году хиджры (1689 г.) в селение Хурук

---

⁸⁴ А. Р. Шихсаидов. Отчет о командировке в даргинские районы в 1961 г. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, инв. № 3936; Б. Алиев. Памятники арабской письменности XVII—XVIII вв. по истории Верхней Даргинии. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970, стр. 258.

⁸⁵ Там же.

пришли кызылбашские войска⁸⁶. Здесь же имеется запись, где говорится: «вот пришли войска рафизитов (персов—Б. А.) в город Баршули во время Али Султана в 1100 году»⁸⁷, из чего можно понять, что завоеватели пришли в Урахи по известному пути, который из селения Башлы вел в Маммаул—Кичи-Гамри и далее в Урахи:

Сохранился ряд преданий о приходе в общества Каба-Дарго войск Надир-шаха. Первые походы войск Надир-шаха в Каба-Дарго были совершены в 30-е годы XVIII в., когда они возвращались через территорию Акуша-Дарго. Так, в селение Н.-Мулебки завоеватели пришли по тропинке, известной у местного населения под названием «Бецла дяк» («Волчья тропа»), которая проходила по скале «Къяба-шури» и вела на территорию верхнедаргинских обществ.

В общества Каба-Дарго, находящиеся ныне в составе Дахадаевского района, персидские завоеватели также пришли со стороны Акуша-Дарго. К северу от селения Меусиша на горе под названием «Къяба бяхI» находится заброшенная дорога, по которой приходили войска Надир-шаха в Меусиша. В народе эта дорога известна под названием «Шагъла гъуни» («Шахская дорога»). Свидетелем боев с персидскими завоевателями является сохранившийся до наших дней ров глубиной до одного метра, вырытый меусишинцами в местности «ГIяя гIинцила».

Завоеватели жестоко расправлялись с даргинцами. В Меусиша, например, они в местности «Сигъла дурегIи» растоптали своей конницей детей, что обычно делали войска Надир-шаха с теми, кто оказывал им сопротивление.

XVIII-начало XIX вв. характерен для Каба-Дарго образованием хуторов и отселков за счет переселенцев из таких больших территориальных сел как Урахи, Н.-Мулебки и Дейбук. Больше всего отселков было образовано выходцами из селения Урахи. По сведениям конца XIX в. их было 12: Аялизи-Махи, Аймау-Махи, Ая-Бурхила-Махи, Буцраула, Ванаши-Махи, Кулла-Кент, Верхний Махарги-Махи, Нижний-Махарги-Махи, Сугурбаши-Махи, Хапкай-Кент, Ая-Махи и Чабазы⁸⁸.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895, стр. 262.

Примерно в середине XVIII в., как об этом пишет Е. И. Козубский, переселенцы из Урахи пришли в селение Маммаул, которое, согласно преданиям, жители его оставили из-за вражды с каким-то кумыкским беком⁸⁹.

Выходцы из селения Н.-Мулебки образовали следующие хутора и отселки: Мигла-Каси, Ханц-Карка-Махи, Кярд-Махи, Цур-Махи, Арачана-Махи, Бах-Махи, Бурхи-Махи, Айнурби-Махи, Улуки-Махи; из Дейбука образовался хутор Чидик.

Согласно сохранившимся сведениям, урахинские хутора образовались после окончания вражды урахинцев с верхнедаргинскими обществами. Однако на места, где образовались хутора, и до этого ходили те, кто имел далеко от селения свои мульковые участки (они пасли здесь скот и заготавливали корма на зиму). Со временем они вместе со скотом стали оставаться на своих землях на всю зиму, так как здесь же заготавливали корма и, кроме того, необходимый для удобрения полей навоз, что в условиях интенсивного земледелия имело большое значение, так как перевозка навоза на поля, расположенные на расстоянии 10—20 км. от селений в условиях плохих, а зачастую и отсутствия дорог и транспорта, была сопряжена с трудностями. В связи с этим большой интерес представляет существующее в исторической литературе мнение о том, что в образовании хуторов главную роль сыграло распространение более интенсивной системы земледелия⁹⁰. Видимо, существенную роль сыграла она и в образовании хуторов у даргинцев.

В Урахинском обществе в начале образования хуторов джамаат запрещал жителям их во избежание потрав чужих и общественных земель оставаться там в летние месяцы. «В Среднем и Западном Дагестане на хуторах, устраиваемых обыкновенно на пахотных местах, удаленных от селения, — писал А. В. Комаров, — дозволяется жить только в рабочее время, срок которого определяется старшинами, по совету с почетными людьми»⁹¹. Однако с увеличением числа переселенцев, по требованию последних Урахинское общество вынуждено было

---

⁸⁹ Там же, стр. 307.

⁹⁰ Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. Изд-во «Наука». М., 1969, стр. 171.

⁹¹ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 61.

дать согласие на постоянное поселение. Из Верхнего аула переселились в Аймау-Махи, Чабази-Махи, Ванаши-Махи, а из Нижнего аула (в основном из квартала Гялзи кьотI) — в Сугурбаши-Махи и в Ванаши-Махи⁹².

Сохранились сведения и о отдельных первых переселенцах на хутора. Так, первыми переселенцами в Махарги-Махи являлись представители тухума Угърихъали; в Аймау-Махи — Ашурала Ибрагимхъали (в местность Канзайу); в Ванаши-Махи — Милих Нурбаганд, Алиших, Джапарла Мутай, а вслед за ними Омаров Муртузали, Идрисов Гасайни, Шарипов Аликади и др.⁹³.

Отселки и хутора всегда находились в составе джамаата главного селения, откуда они вышли. Во всех делах они ориентировались на него, у них были общие адаты и традиции с ними. Долгое время даже умерших на хуторах хоронили только на кладбищах главных селений. А в селении Урахи вплоть до установления советской власти не было даже разграничения земель, принадлежащих собственно урахинцам и жителям хуторов.

С образованием хуторов в составе союза Каба-Дарго стало более 30 населенных пунктов.

О происхождении названия союза восточных даргинцев Каба-Дарго существуют различные версии. В XIX в. было распространено мнение о том, что своим названием Каба-Дарго «обязано тому обстоятельству, что оно прежде входило в состав владения уцмийа», а в начале XIX столетия после войны, продолжавшейся семь лет, присоединено было к Акуша-Дарго⁹⁴.

Действительно, ряд обществ Союза в прошлом находился в составе уцмийства⁹⁵. По мнению Р. М. Магомедова

---

⁹² Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

⁹³ Полевой материал, собранный нами в 1965, 1967 гг.

⁹⁴ Н. В. Научные известия. (Грамматические и филологические исследования Хюркилинского языка П. К. Услара). ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869, стр. 81.

⁹⁵ Феодалные отношения в Дагестане XIX-начало XX в. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969, стр. 16, Горская летопись. ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869, стр. 81; А. Комаров. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой). Записки КОИРГО, вып. VIII. Тифлис, 1873, стр. 16; Л. З. Административные отделы Кавказского края. Известия КОИРГО, т. V. Тифлис, 1877—1878, стр. 136; Е. Г. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, стр. 109; Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 53.

Каба-Дарго находилось в составе Кайтага еще в раннем средневековье. «При арабах, — пишет он, — Кайтаг-Дарго охватывал территорию Сюрга, Муйра, Гапш, Ганк, Каба-Дарго, Верхний и Нижний Кайтаг, Теркеме и Гамринский магал»⁹⁶.

Далее, говоря об исследуемом нами периоде, Р. М. Магомедов указывает, что Кайтагское уцмийство подразделялось на земли: Кара-Кайтаг, Кайтаг, Гамри-Дарга, Теркеме и Каба-Дарга⁹⁷.

Однако, если исходить из сведений Д. И. Тихонова и из указанных выше сведений XIX века, выходит, что многие сел. Каба-Дарго и раньше, т. е. по крайней мере в конце XVIII века, входили в состав союза сельских обществ во главе с Урахинским обществом, которое, по словам Д. И. Тихонова, являлось «владением вольных народов»⁹⁸. Поэтому нельзя согласиться с мнением, вопервых, что Урахинское общество до конца XVIII-начала XIX вв. состояло только из одного селения Урахи⁹⁹, во-вторых, что к нему присоединились 11 селений Каба-Дарго только в начале XIX в. В то же время из указанных сведений можно понять, что вхождение многих сел Каба-Дарго в состав уцмийства, видимо, являлось чисто номинальным также как и вхождение в состав его Урахинского общества. Иначе Д. И. Тихонов не назвал бы это общество «владением вольных народов», куда, следовательно, как «вольные» входили не только сами урахинцы, но и жители других перечисленных им населенных пунктов Каба-Дарго. Но в то же время, как указывал Д. И. Тихонов, а также говорят имеющиеся в нашем распоряжении материалы, урахинцы «долгое время находились на службе у уцмиев»¹⁰⁰. А в начале XIX в. оно вместе с 11 другими даргинскими селениями, которым помогало Акуша-Дарго, воюет с уцмийством, что, очевидно, было связано с желанием окончательно освободиться от него. «Селение это, — писал в середине 70-х годов

---

⁹⁶ Р. М. Магомедов. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Дагучпедгиз. Махачкала, 1968, стр. 83.

⁹⁷ Там же, стр. 197.

⁹⁸ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 127.

⁹⁹ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Лемир-Хан-Шура, 1895, стр. 249.

¹⁰⁰ Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 397, стр. 12.

XIX в. В. Вильер де Лиль-Адам об Урахи, — замечательно... развалинами башни, бывшей свидетельницей войн даргинцев с уцмием Кайтагским в начале нынешнего столетия»¹⁰¹.

Освободившись от уцмийства, Каба-Дарго присоединилось к Акуша-Дарго. Однако связь образовалась политическая, но не кровная, которая не признавалась, несмотря на близкое сходство наречий¹⁰².

По нашему мнению отход от уцмийства никак не связан с возникновением названия союза Каба-Дарго, так как и до этого он был известен под этим же названием, о чем можно судить из сведений указанного выше автора конца XVIII века Д. И. Тихонова. Он писал, что в составе уцмийства Кайтагского было 13 «округ», одной из которых являлась «Кабардигенская»¹⁰³. В составе этой «округи» он перечисляет селение Урахи как главное. Поэтому название Союза никак не могло возникнуть после отделения Каба-Дарго из состава уцмийства.

На наш взгляд, происхождение названия союза Каба-Дарго связано с названием горы, находящейся в Восточной Даргинии, которая как-то отрывается от других гор и поэтому называется «Къяба дубура». Название «Къяба» образовалось от даргинского слова «къяббердес», что значит «оторвать», а слово «дубура» означает «гора». Значит «Къяба дубура» означает «оторванная гора».

В начале XIX века вместе с рядом других политических единиц Дагестана союз Каба-Дарго выступал против планов русского командования в Дагестане. Каба-Дарго участвовало в мероприятиях, направленных против царских войск, находящихся в Дагестане, помогало уцмию и акушинскому кадию в организации отпора царским войскам. Командование царской армией в Дагестане усматривало в лице Каба-Дарго одного из противников политики России в Дагестане и признавало в нем определенную силу. Генерал А. П. Ермолов писал, что среди народов «вольных» обществ, находящихся по со-

---

¹⁰¹ В. Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки). ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875, стр. 8.

¹⁰² Н. В. Научные известия. (Грамматические и филологические исследования Хюркилинского языка П. К. Услара). ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869, стр. 81; П. К. Услар. Указ. соч., стр. 6.

¹⁰³ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 132.

седству с Башлы, особой храбростью отличался «народ; называемый Кабодерги»¹⁰⁴.

В конце 1819 г. вместе с Акуша-Дарго и Сюргинским обществом союз Каба-Дарго был присоединен к России. Союз был включен в состав Даргинского округа, который с 1847 г. входил в Дербентскую губернию. В 1867 г. в связи с разделением округа на наибства на территории Каба-Дарго было образовано Урахинское наибство, которое в 1874 г. было ликвидировано, а все селения его включены в состав Мекегинского наибства. В конце 1899 г. вместо 43 наибств в Дагестанской области было образовано 30 участков. Общества союза Каба-Дарго были включены в состав Сюргинского участка.

Статистических данных о количестве хозяйств и населения, кроме как за XIX в., к сожалению, не сохранилось. Но и по ним можно судить, что Каба-Дарго, как и другие союзы сельских обществ, было густонаселенной частью Даргинии. По сведениям конца 60-х годов XIX в. только в центре союза Каба-Дарго—селении Урахи было 678 дворов¹⁰⁵. В 70-е годы XIX в. В. Вильер де Лиль-Адам писал, что в Урахи было приблизительно 600 домов¹⁰⁶. Примерно в это же время Г.-М. Амиров писал, что в Урахи «число домов на 1/3 больше против официального числа»¹⁰⁷. В 80-е годы XIX в. в селении Урахи было 635 хозяйств, а количество населения его составляло 2768 человек. Кроме того, в отселках его проживало: Сугурбаши-Махи—169 человек, Махарги-Махи—618 человек, Аялизи-Махи—422 человека, Ванаша-Махи—465 человек, Ая-Махи—302 человека¹⁰⁸.

Большим селением Каба-Дарго являлось также селение Н.-Мулебки, где было 561 двор и 2520 жителей. В селении Меусиша было 402 двора и 1454 жителей; Мургуке—282 двора и 1150 жителей; Дейбуке—223 двора и 931 житель; Кана-Сираги—183 двора и 837 жителей;

---

¹⁰⁴ А. П. Ермолов. Записки, ч. II (1816—1827 гг.). М., 1869, стр. 80.

¹⁰⁵ ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869, стр. 84.

¹⁰⁶ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 8.

¹⁰⁷ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 76.

¹⁰⁸ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 9.

Викри—193 двора и 925 жителей; Герга—159 дворов и 705 жителей; Мугри—159 дворов и 680 жителей; Бускри—134 двора и 686 жителей ¹⁰⁹.

О густонаселенности союза Каба-Дарго говорят и другие сведения. Так, по данным середины XIX в. в 10 селениях «Урахинского магала» находилось 2764 двора, в то время как в 22 селениях «Акушинского магала» их было 2435, в «Мекегинском магале»—580 дворов, Усишинском—485, в Цудахарском—1500 ¹¹⁰.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о древности истории восточных даргинцев. Еще в период раннего средневековья на их территории существовали не только соседящие «родовые» поселения, но и отдельные большие населенные пункты, игравшие известную роль в истории средневекового Дагестана.

Разложение родоплеменных отношений привело к образованию больших территориальных селений, которые затем во главе с Урахинским обществом объединились в союз, известный в исторической литературе под названием Каба-Дарго.

В средневековье Каба-Дарго находилось в составе уцмийства Кайтагского, от которого Союз находился в определенной зависимости. В начале XIX в. общества Союза вышли из состава уцмийства и присоединились к Акуша-Дарго, которое в конце 1819 г. было присоединено к России. Вплоть до организации районов после установления советской власти территория Каба-Дарго находилась в составе Даргинского округа.

---

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Н. Окольничий. Перечень последних военных событий в Дагестане. «Военный сборник», № 1, 1859, стр. 155.

ГЛАВА II

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Земледелие.

Основными занятиями жителей союза Каба-Дарго, как и других даргинцев, с древнейших времен являлись земледелие и скотоводство с преобладающей ролью одного из этих видов хозяйства в зависимости от природных условий и связанной с этим местной специализацией хозяйства. Но в то же время надо отметить, что в целом весь имеющийся материал говорит о преобладании на территории Каба-Дарго удельного веса земледелия еще с древнейших времен. Как указывалось в предыдущей главе работы, территория Каба-Дарго была расположена в основном в предгорной и отчасти в горной зонах, где археологически земледелие фиксируется еще с периода позднего неолита¹. Подтверждение этому мы находим также в письменных источниках. Как пишет арабский автор IX в. Белазури, после похода Мервана (середина VIII в.) в Шандан, последний капитулировал и предложил победителю в качестве дани 100 юношей и 5 тыс. модиев зерна². Этот факт говорит сам за себя. Без преобладающей роли земледелия вряд ли можно было уплачивать ежегодно такой большой размер дани зерном.

О древности земледелия и о том, что со времени далекого прошлого оно составляло основу хозяйственной жизни восточных даргинцев, как и всех жителей Даргинии вообще, свидетельствует и наличие собственно даргинских названий злаковых культур, объединительного

---

¹ В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфидиала АН СССР, т. IX, Махачкала, 1961.

² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 139.

названия их, специальных названий для пшеничной, ячменной и просяной муки и хлеба из них и т. д., а также обилие в фольклоре даргинцев пословиц и поговорок, связанных с земледелием³.

В развитии земледелия в предгорной и горной частях существовали свои отдельные особенности. В горной части было развито террасовое земледелие, являющееся одним из показателей высокой земледельческой культуры народов Дагестана. Возникновение террас предположительно относят к железному веку, «но подлинный расцвет террасового земледелия приходится на эпоху существования родственных соседствующих поселков, т. е. на I тысячелетие н. э.»⁴.

Террасовые поля были небольших размеров и располагались в горах в виде широких ступеней. Они являлись результатом упорной борьбы с природой и гигантского труда многих поколений горцев, показателем огромного усердия и трудолюбия их в области земледелия. Поэтому не удивительно, что террасы дагестанских горцев привлекали внимание и вызывали удивление и восхищение у многих русских и иностранных наблюдателей XVIII—XIX вв.

В условиях постоянного земельного голода в горах развитие террас по восходящей линии происходило вплоть до XIV в., т. е. до окончательного прекращения нашествий кочевников и разорительных походов их, являющихся постоянным препятствием для развития земледелия в плоскостном Дагестане⁵. Но с превращением плоскости и нижнего предгорья в основной земледельческий район террасовое земледелие начинает идти на убыль и многие труднодоступные и маленькие участки горных обществ Каба-Дарго были заброшены.

Но собственно урахинцы, занимавшие предгорье, имели для земледелия более хорошие природные условия и поэтому у них не было так много террас, как у жителей горных обществ Каба-Дарго. Назывались у урахинцев

---

³ См. Даргинские пословицы, поговорки и загадки. (На дарг. языке). Составитель М. Х. Гамидов. Махачкала, 1965; М. О. Османов. Хозяйство даргинцев в XIX—XX вв. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 3, оп. 3, д. 184, л. 8—9.

⁴ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 20.

⁵ Там же, стр. 20—21.

террасы «хІярубар хъуми» (поля с межей или оградой) или «ганзурбар хъуми», что буквально означает «ступенчатые поля».

Эти названия дают возможность классифицировать террасы урахинцев. Первым названием обозначались террасы, расположенные на более или менее ровном месте и некрутых склонах. Отделялись они друг от друга естественными невысокими откосами и поэтому получили название «хІярубар хъуми». «ХІяри» на даргинском языке означает как ограду, так и откос, который отделял одно поле от другого.

Второй вид террас—«ганзурбар хъуми»—это поля, созданные в горах в виде ступенек. Они больше по площади и разделяются между собой более высокими откосами, чем «хІярубар хъуми».

Система земледелия, как и у других даргинцев, в обществах союза Каба-Дарго была паровая. Они применяли зябь, ранний пар и занятой пар. Величина, оставляемой под пар земли (урья, эра), находилась в прямой зависимости от величины земельной собственности в целом. Поэтому земли под пар в основном могли оставлять те хозяйства, которые имели в собственности достаточное количество земли. Из-за нехватки земли малоземельные вообще не оставляли ее под пар или же применяли занятой пар.

Наиболее характерным видом пара являлся весенний или занятой пар, при котором землю вспахивали несколько раз. Первый раз вспахивали землю ранней весной, второй раз, когда начинала расти трава, третий раз — летом, а в сентябре сеяли озимую пшеницу.

Если же пар оставляли для весеннего сева, то осенью после сбора урожая, сразу поднимали зябь и оставляли до весны.

Многократное вспахивание земли являлось результатом многовекового опыта в области земледелия. Многократное вспахивание увеличивало плодородие почвы и способствовало сохранению в ней больше влаги.

Многократное вспахивание применялось «для того, — пишет М. О. Османов, — чтобы солнце выжгло землю с дерном. Считалось, что выжженная вместе с органическими остатками почва становится более плодородной

и чем сильнее выжжешь, тем мягче и жирнее земля, тем больше влаги она удержит»⁶.

Паровая система земледелия, связанная с более или менее регулярным удобрением полей навозом, являлась господствующей на всей территории Каба-Дарго. Вот как писал о системе севооборота даргинцев вообще, которая была характерна для конца XIX-начала XX вв., Е. И. Козубский: «Преобладающая система севооборота — двухпольная, но встречаются также трехпольные и однопольные севообороты. При двухпольном севообороте пахотные поля делятся на две равные части: одна из них оставляется в залеж и служит пастбищем для скота, а другая бывает занята хлебными злаками. На следующий год поля, бывшие в залеже, поступают под хлеба, а бывшие под посевами — в залеж. Трехпольный севооборот начинается посевом кукурузы или проса, за которым следует пшеница и завершается ячменем; следовательно в этом севообороте не существует пара. И наконец в однопольном севообороте озимая пшеница или чалтык ежегодно сменяют сами себя. Та или другая система севооборота зависит от отдаленности пахотных земель от населенного места и от искусственного (навозного) удобрения полей, а также количества последних»⁷.

Сказанное безусловно относится и к обществам союза Каба-Дарго и прежде всего к селениям Урахинского общества, где больше всего было развито земледелие, которое являлось здесь основой экономики.

Основными зерновыми культурами, которые возделывались на территории Каба-Дарго, являлись пшеница (анкIи), ячмень (мухън), голозерный ячмень (махIяр), рожь (сусул анкIи), овес (нихъя), просо (мучи), а из технических культур — конопля (къама) и лен (урбеч).

Сельскохозяйственные работы, связанные с земледелием, начинались в конце зимы и в самом начале весны. В феврале начинали вывозить на поля навоз и золу, которые накапливались за зиму. Хранили навоз или около своих домов, или же в специальных местах поквартально. Так, в сел. Урахи квартал «Ги́ла кьотI» из Вер-

---

⁶ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 22.

⁷ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, т. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 57.

хнего аула имел навозохранилище в местности «Хосалли-шила», квартал «Гъала бяхI» — тоже из Верхнего аула — в местностях «Гулпала чир» и в «Хъани къада» и т. д. Каждое хозяйство в этих местах имело свой определенный участок, куда и вывозили навоз. В сел. Мургук навозохранилища находились в местностях «Гела бяхI», «Шурайла хIяри» и т. д., в сел. Бурдеки — в местностях «ХIябрала гIлала», «Шила хъар», «Шила хъар» и т. д. Также, как и в Урахи, в этих обществах каждое хозяйство имело свой определенный участок, куда сваливали навоз. Назывались навозохранилища «диклукъ» или «пукълукъ».

Рассыпав на маленькие кучки и дав ему возможность за зиму перепреть, удобрение весной перед вспашкой разбрасывали по всему полю.

Возили удобрения на поля на арбах, волокушах, санях. А на участки, куда невозможно было повезти удобрение указанным способом, женщины переносили его в специальных плетенных из прутьев корзинах или сапетках, называемых у даргинцев «чIап».

Весенний сев начинался в зависимости от погоды в марте—апреле. Первый день сева сопровождался различными обрядами и церемониями. Начало сельскохозяйственных работ было строго регламентировано. До совершения обряда первой борозды никто из членов общины не имел право приступать к распашке поля. Полевые работы в каждом обществе начинались в обязательные для всех сроки, которые устанавливались сельским обществом. Существование принудительного севооборота объяснялось наличием чересполосицы, которая в свою очередь являлась следствием разбросанности мульков общинников, как в силу особенностей природных условий, так и подвижности земельной собственности, вызвавшей распыление пахотных и сенокосных земель.

Сев зерновых культур у жителей Каба-Дарго, как и у других даргинцев, носил своеобразный характер. Если у других народов Дагестана сначала вспахивали поле, а потом разбрасывали по нему семена, то даргинцы на неспаханное поле разбрасывали семена, а затем производили вспашку. Преимуществом такого способа сева являлось, во-первых, то, что семена, разбросанные до вспашки, непосредственно попадали в унавоженный культурный слой; во-вторых, семена предохранялись от

возможных заморозков, ибо после вспашки вместе с культурным слоем они переворачивались и попадали вниз. В то же время такой способ сева в условиях неглубокого вспахивания способствовал быстрому появлению всходов.

Вспахивали поле деревянной сохой с железным лемехом, называемой у даргинцев «дураз», в которую впрягали одну пару волов.

Дураз являлся разновидностью общедагестанской сохи и наиболее приспособленным к местным горным условиям сельскохозяйственным орудием. Он был очень удобен для террасового земледелия своей легкостью, простой устройства. Делали его из ствола дерева с коротким суком, на который закрепляли сошник. Глубина пахоты дуразом не превышала 10—15 см., а ширина борозды составляла 15—20 см., т. е. дураз фактически не пахал, а рыхлил землю. Неглубокая пахота в условиях горного Дагестана была оправдана, так как глубокая вспашка здесь приводит к иссушению почвы и потере ценных питательных веществ.

Как и другие горцы, жители союза Каба-Дарго поля не бороновали, что объяснялось не только преобладанием в горах неглубоких почв, после вспашки которых, как правило, не оставалось больших комков земли. Объяснялось это и указанным выше своеобразием сева зерновых, в результате чего после вспашки семена вместе с унавоженным культурным слоем переворачивались, попадали вниз и накрывались землей. Кроме того, сам дураз как бы выполнял и роль бороны, размельчая в процессе пахоты комки земли.

Все эти работы производились только мужчинами.

До того, как созревал урожай, посеы несколько раз очищались от сорняков. Занимались этим только женщины.

Уборка урожая начиналась в конце июля — начале августа. Жали хлеб в Урахинском союзе, как и в других районах Даргинии, только серпом (мирш) местного производства или привозным из Харбука, который имел пилообразное лезвие.

Скошенный хлеб связывали в снопы жгутом из скрученной соломы и оставляли для сушки на поле, а через некоторое время складывали в копны.

С завершением жатвы постепенно хлеб на арбах перевозили на гумна, где складывались скирды (хІинтІа).

Сено в одних обществах косили до начало жатвы, в других — вместе со сбором урожая или же после жатвы. Косили сено мужчины местной косой, называемой у даргинцев «къялкъа». Осенью сено перевозили на арбах домой, где хранили в сеновалах.

Молотьба хлеба производилась в основном осенью либо на вычищенном и утрамбованном гумне, либо на крыше, которая за несколько дней до этого приводилась в необходимое состояние. Подготовка тока и крыши для молотбы производилась следующим образом. Сначала очищали необходимую площадку от травы и камней, затем разбрасывали по ней мякину, поливали водой и тщательно укатывали ее катком (микъликъала), которым укатывали обычно горцы крыши своих домов.

Орудиями молотбы, также как и у других народов Дагестана, Кавказа и Передней Азии, были санообразные плоские деревянные доски, называемые у даргинцев «иргми». Делали «иргми» из твердого дерева — ореха, дуба, бука. Длина их достигала 140—170 см., а ширина 40—60 см. Применялись они, как правило, попарно. Для увеличения трения и измельчения соломы на нижней стороне (днище) молотильных досок в специально сделанные для этого гнездышки подбивались острые кремневые стщепы, привозимые с горы, около сел. Танты, называемой «Иргила къаркъа» и из сел. Балхар⁸. За мерку камней платили мерку зерна.

Процесс молотбы у жителей Урахинского союза был такой же как и у других даргинцев⁹.

Данные об урожайности зерновых до XIX в. отсутствуют. Но исходя из сведений XIX в. можно сделать вывод, что по сравнению с горными обществами урожайность зерновых в Урахинском союзе в целом была высокая.

Так, по данным, собранным комиссией для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестана, средняя урожайность зерновых в Каба-Дарго превышала

---

⁸ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

⁹ См. С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Указ. соч., стр. 32—33; Б. Г. Алиев. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории). Рукопись канд. дисс. Махачкала, 1966, стр. 86—87.

сам 5. В Мугри урожайность составляла сам 8, Кана-Сираги—сам 6, Урахи, Цураи, Цизгари—сам 5 и т. д.¹⁰

А через несколько лет после сбора указанных сведений Владимир Вильер де Лиль-Адам с восхищением писал об Урахинском обществе: «растительность этой местности чрезвычайно богата; в огородах конопля достигает до сажени вышины; на полях урожай пшеницы доходит до сам 10, овса до сам 20; ячмень и просо тоже дают изобильный умолот»¹¹.

Поэтому жители Союза не только удовлетворяли свои потребности в хлебе, но и имели возможность продавать его горным обществам, которым нехватало своего хлеба.

Помол производился на водяных мельницах, которых в каждом обществе было по нескольку, а в крупных даже по десяти и больше, что лишний раз говорит о развитости в союзе Каба-Дарго земледелия. Так, по сведениям собранным Кавказским статистическим комитетом, в Урахинском обществе было 25 мельниц, в Н.-Мулебкинском обществе—27, в Меусиша—21, Кана-Сираги—10, Герга—7, Дейбуке—14, Мугри—4 и т. д.¹²

Для приготовления крупы (хъархъар) у даргинцев существовали и ручные мельницы. В Урахинском обществе были также ножные мельницы, которые, как и у армян, назывались «дингом».

Мельницы в основном были частные, но как правило, принадлежали они нескольким хозяевам. Происхождение такой формы собственности, как правильно объясняет М. О. Османов, было разным. «Например, — пишет он, — человек, имеющий мельницу, оставлял ее своим наследникам, а они, поскольку ее нельзя было разделить, пользовались ею, сообща деля доход. Или же это были люди, внесшие паи деньгами, скотом и пр. при строительстве и получающие «дивиденды»¹³.

Плата за обмолот одной мерки (барха) зерна называлась «къалакъом» и равнялась одному совку (шилхъа)

---

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 7.

¹¹ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 5.

¹² Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 56, 60, 64, 68.

¹³ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаев. в а. Указ. соч., стр. 34.

муки, а в сел. Урахи называлась еще «гъала», равная примерно 1 кг.

Садоводством до XIX в. жители Каба-Дарго не занимались. По сведениям 70-х годов XIX в. садоводством занимались только в отдельных селениях Урахинского общества. Как писал В. Вильер де Лиль-Адам, жители отселка Урахи — Аялизи-Махи среди других продуктов сельского хозяйства на дешлагарском базаре продавали и орехи¹⁴. Очевидно, это были не единственные фрукты, которые выращивались ими и жителями других урахинских отселков. Кроме того, жители Урахинского, Мургукского, Мугринского, Кичи-Гамринского, Бурдекинского и других обществ издавна употребляли в пищу дикие яблоки, груши, орехи, шишки, терн, боярышник и другие фрукты, которых в их лесах было множество.

Огородничество, как и повсеместно в горах Дагестана, в обществах Каба-Дарго было развито слабо. Огородов в буквальном смысле слова не было, хотя жителям Каба-Дарго издавна были известны и выращивались такие огородные культуры как тыква (къабакъ), лук (ширши), чеснок (итан ширши), горох (хъара), фасоль (гуржи хъара), морковь (набадари), репа (къахIа). Со второй половины XIX века, как и другие народы Дагестана, жители Каба-Дарго стали выращивать картофель. Выращивались огородные культуры в основном во дворе или около домов, называемых у урахинцев «урцIа».

В начале XX в. Е. И. Козубский писал о жителях Даргинского округа, куда входили и общества союза Каба-Дарго, следующее: «Кроме лука, чеснока и лобии (фасоли), служащих необходимою приправою к пище туземцев, в употреблении последних вошли разве картофель и огурцы. Последних, также тыкву и лобию, туземцы салят между посевами кукурузы, не отводя для них отдельных участков земли...

В Даргинском округе лишь в некоторых селениях и притом в самом незначительном количестве, исключительно для домашних нужд, разводится картофель, репа, морковь (кормового сорта) и некоторые другие овощи»¹⁵.

Как-бы то ни было из указанного ясно, что огородные

---

¹⁴ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

¹⁵ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 76—77.

культуры, известные дагестанцам издавна, хотя и не повсеместно в одинаковой степени, в обществах Каба-Дарго в исследуемые века выращивались.

Как видим, земледелие являлось древним и основным занятием восточных даргинцев. Издавна на их территории выращивались основные злаковые культуры, среди которых наибольшего распространения получили озимая и яровая пшеница и ячмень. Земледелие обеспечивало потребности в хлебе жителей многих обществ союза Каба-Дарго.

Животноводство. Второй основной отраслью хозяйства жителей Каба-Дарго, являвшейся такой же древней как и земледелие и развивавшейся в теснейшей связи с ним, было животноводство.

В целом можно сказать, что в обществе Каба-Дарго преобладало разведение крупного рогатого скота. Это было связано с пашенным земледелием, которое, как отмечалось выше, берет начало с эпохи позднего неолита и характеризует оседлый тип земледельческо-скотоводческого хозяйства. По предположению М. О. Османова тенденция преобладающего роста крупного рогатого скота продолжалась «и в небольших поселениях родственных коллективов, существовавших до XII—XIV вв.», о чем «свидетельствует тот факт, что каждое из этих поселений расположено с таким расчетом, чтобы иметь вокруг себя минимум пахотных и покосных земель и пастбищ»¹⁶.

И в исследуемый период для большинства обществ Каба-Дарго характерным в животноводстве являлось преобладание роли крупного рогатого скота. Притом, во всех обществах животноводство (разведение крупного рогатого скота), как отрасль производства, было подчинено земледелию. Скот являлся рабочей силой для обработки пахотной земли и давал навоз, необходимый для удобрения полей. По данным 80 годов XIX в., собранным Кавказским статистическим комитетом и комиссией для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестана, на 3622 хозяйства Каба-Дарго приходилось 6765 голов крупного рогатого скота, т. е. в среднем около 1,6

---

¹⁶ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашасва. Указ. соч., стр. 39.

голов на одно хозяйство¹⁷. Но среди самих сельских обществ, как и внутри последних, крупный рогатый скот был распределен неравномерно. Наибольшее количество крупного рогатого скота имелось в Урахинском обществе (2120 голов или более 31 проц. от общего количества скота Каба-Дарго)¹⁸. В Дейбуке имелось 1500 голов или около 24 проц. от общего количества, в Гергинском обществе—590 голов, в Н.-Мулебкинском обществе—550, в Мургуцком обществе—400 и т. д.¹⁹. Больше всего на одно хозяйство крупного рогатого скота приходилось в Дейбуцком обществе—5,8 голов. В Герга на одно хозяйство приходилось более 3,7 голов, Цураи — более 3,5 голов, Шадни — более 2 голов, Урахи — около 2 голов.

Крупный рогатый скот играл важную роль в экономической жизни восточных даргинцев, обеспечивал горца мясо-молочными продуктами.

В Каба-Дарго и в особенности в горных обществах его, где не было достаточного количества земли, преобладало разведение коров, ибо они играли важнейшую роль в обеспечении горца пищей. Кроме того, в ряде обществ разводили буйволов. Быков разводили повсеместно.

Крупный рогатый скот был местной породы — малорослый и малоэффективный, что объяснялось как суровыми горными условиями, бедностью покосов, нехваткой сена в зимнее время, так и отсутствием правильной селекции. Горная корова весила 100—150 кг. и давала максимум 350—400 литров молока за лактационный период. Но преимуществом их была неприхотливость к кормам и приспособленность к местным условиям.

Уход за крупным рогатым скотом (молочным) считался женским делом. За рабочим скотом ухаживали мужчины.

Зимой в течение 4—5 месяцев крупный рогатый скот содержался дома на стойловом содержании. Кормили их мякиной (нег) и сеном (мура).

---

¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105, л. 2—3; Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 56, 60, 64, 68.

¹⁸ Там же, стр. 56.

¹⁹ Там же, стр. 56, 60, 64, 68.

С весны и до наступления холодов крупный рогатый скот пасли около селения на общественных пастбищах общественные пастухи, которых нанимали сельские общества еще до наступления весны. Количество пастухов зависело от величины общества — в крупных селениях их нанимали для каждого квартала или части селения, в маленьких обществах — для всего джамаата.

Как и в других местах, в каждом обществе Каба-Дарго из крупного рогатого скота составлялись несколько стад. Из волов и бычков составляли одно стадо, из молочного скота — отдельно, из телят и ослов — отдельно и т. д.

Стада коров и телят рано утром выгоняли на общественные пастбища, расположенные вблизи селения, а вечером пригоняли домой.

Наиболее распространенной формой содержания рабочего скота являлась пастьба по очереди (ирга). Каждый член общины должен был пасти стадо волов столько дней, сколько голов его скота находилось в общественном стаде. В Урахинском обществе за крупным рогатым скотом днем смотрели 12 человек, а ночью—24²⁰, в селении Кана-Сираги от 4 до 8 человек; в селении Мургук — 6 человек²¹ и т. д.

Рабочий скот днем и ночью держали на общественных пастбищах до сельскохозяйственных работ. В период разгара работ их обычно пасли вблизи селения и притом на самых лучших пастбищах. Стада же коров в эти времена года отгоняли дальше от селения, ближе к горным пастбищам. Весной до начала сельхозработ и осенью после окончания их бывало наоборот.

В селении Мургук издавна сложился адат, согласно которому стадо крупного рогатого скота целую неделю пасли в местности «Чял урцIа» 6 человек. Через каждую неделю стадо пригоняли в селение, где считали поголовье скота и после этого новые очередные 6 человек отгоняли стадо обратно на пастбища.

Интересный адат существовал в Урахинском обществе. Даже если общинник находился где-то в отъезде и доходила его очередь пасти быков, его вызывали в селение и он обязан был отбыть свою очередь, если даже

---

²⁰ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 34.

²¹ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

за этот период в стаде и не было его собственных быков.

Выделение каждым джамаатом большого количества пастухов и увеличение их числа ночью связано было с тем, что в горах охранять скот одному или нескольким человекам было трудно. Каждое общество установило также обычай, согласно которому за пропажу скота отвечали те, которые караулили в день ее обнаружения²².

Дома крупному рогатому скоту в летнее время давали свежую траву, которую приносила с собой каждая хозяйка, возвращаясь вечером с поля. Доили коров, как правило, два раза в день — утром перед перегоним их на пастбища и вечером после возвращения с пастбища. Если же корова давала мало молока, доили ее только один раз в день.

Плата, которую получал общественный пастух, была не маленькая. Каждое хозяйство за пастьбу в стаде одной коровы давало пастуху за сезон по нескольку мерок (саха) зерна. Кроме того, за пастьбу каждой коровы хозяева их по очереди давали пастуху по два хлеба.

В связи с хозяйственной специализацией, относящейся ко времени образования крупных территориальных поселений и складывания устойчивых крупных политических объединений, происходят определенные изменения в животноводстве и в Восточной Даргинии. Для ряда обществ, расположенных в горах, где природные условия были менее благоприятны для земледелия, характерным становится преобладание овцеводства. К сожалению, отсутствие данных не дает возможность показать соотношение количества овец и крупного рогатого скота до XIX в. Но исходя из данных позднего периода, можно составить приблизительную картину, ибо в XIX в. хозяйство даргинцев, как и у других народов Дагестана, имело уже свою специализацию.

По данным 80 годов XIX в. в Каба-Дарго общее количество овец было примерно в 3 раза больше, чем крупного рогатого скота. Всего во всех обществах Каба-Дарго находилось 18650 овец, т. е. примерно по 5 овец на одно хозяйство²³.

---

²² Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 34.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105, л. 2—3; Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 56, 60, 64, 68.

Однако надо иметь в виду, что XIX век — это время усилившихся товарно-денежных отношений, когда «денежный доход при содержании двух — трех десятков овец можно было легче получить, чем при содержании крупного рогатого скота. Поэтому овца считалась более доходной»²⁴.

Овец имели не все хозяйства. Как показывают сохранившиеся сведения, владельцами овец в каждом обществе являлись наиболее состоятельные хозяйства. Основная же масса общинников либо вовсе не имела овец, либо имела всего несколько голов, которые содержались только для личного употребления. Указывали на это и отдельные авторы XIX века. Так, говоря о дагестанских народах вообще, в середине XIX века Н. Абельдяев писал, что «овец только богатые имеют значительное количество, прочие же совсем не держат или имеют их только по несколько штук»²⁵.

Исследуя хозяйство даргинцев, дагестанский этнограф М. О. Османов пишет, что «овцы являлись больше признаком наличия излишков в хозяйстве. Однако поскольку накопления имели немногие, число владельцев овец было сравнительно небольшим»²⁶.

Среди обществ Каба-Дарго больше всего овец содержали в селении Бускри, где в 80-е годы XIX в. имелось 7000 голов овец или же около 38 процентов от общего количества овец, имевшихся во всем Каба-Дарго²⁷. В этом обществе в среднем на одно хозяйство приходилось более 52 овец.

На втором месте по количеству овец находилось Урахинское общество, где имелось 3000 овец, затем Дейбук — 2350, Н.-Мулебки — 1500, Герга — 1150, Кана-Сираги — 1000, Мугри — 750, Викри — 600, Цураи — 500 и т. д.²⁸. В среднем в указанных обществах на одно хозяйство приходилось от 2 до 9 овец. Если учесть, что овцы в ос

---

²⁴ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаев а. Указ. соч., стр. 39.

²⁵ Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. Журнал Министерства государственных имуществ, ч. 64, № 8. 1857, стр. 25.

²⁶ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаев а. Указ. соч., стр. 40.

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105, л. 3.

²⁸ Там же.

новном находились у немногих общинников, то можно утверждать, что животноводство в этих обществах являлось смешанным, хотя основную роль в экономической жизни играл крупный рогатый скот.

Содержанием и уходом за овцами занимались сами овцевладельцы. Пасли овец наемные чабаны. Их нанимали не джамааты, как пастухов для пастьбы крупного рогатого скота, а сами владельцы овец.

Плата наемным чабанам была невысокая и неодинаковая во всех обществах Каба-Дарго. В одних обществах за сезон чабан получал от хозяина 2—5 овец с приплодом, в других обществах—больше—от 10 до 12 овец. Кроме того, владельцы овец обеспечивали чабанов и одеждой²⁹.

Летом овец пасли на джамаатских горах, а зимой содержали дома. Но во многих обществах, входивших в состав Каба-Дарго, овцевладельцы арендовали за определенную плату с октября до апреля следующего года зимние пастбища, находившиеся в плоскостном Дагестане. Так, урахинские овцевладельцы арендовали зимние пастбища в Буйнаке (Няс хъарахъ), у Мюрегинского общества (Къярд хъарахъ), у губденцев (Къабчугъ хъарахъ), у башлинцев (Уцула хъарахъ), в Кайтагском уцмийстве (Кечух и Кески къада) и т. д.; барановоды Мургукского общества арендовали кутаны, известные у даргинцев под названием Гудала хъарахъ, Къачалай хъарахъ, Хъяжила хъарахъ; барановоды селения Меусиша арендовали зимние пастбища у башлинцев (Хъарала хъарахъ — около сел. Янгикент, Гъячила къадди, Уцула хъарахъ — около сел. Башлы)³⁰.

Хозяева кутанов за пастьбу одной овцы брали с овцевладельцев от 5 до 10 коп. или же натуральную плату — мясо, сыр, масло и т. д.

В целом животноводство в жизни населения союза Каба-Дарго, как и у других горцев, играло большую роль. Из коровьего молока горцы сбивали масло, делали сыр, творог, сметану, кислое молоко, сыворотку. Из овечьего молока делали брынзу. Молочные продукты, как и другие продукты животноводства, вместе с хлебом составляли основную пищу жителей Союза.

²⁹ Полевой материал, собранный нами в 1966—1967 гг.

³⁰ Там же.

Животноводство давало также материал для кустарной промышленности. Овечья шерсть являлась основным материалом для изготовления паласов, войлока, сукна, платков, носков, веревок и т. д. А из шкур и кож изготовлялись обувь и всевозможная верхняя одежда — шубы, головные уборы и т. д. и разнообразные хозяйственные и бытовые вещи.

Лошадей жители союза Каба-Дарго, как и все горцы Дагестана вообще, содержали мало. Всего по данным середины 80-х годов XIX в. во всех обществах Каба-Дарго имелось 352 лошади, т. е. в 19,5 раза меньше, чем овец. Из этого количества лошадей больше всего находилось в Урахинском обществе (100 лошадей или более 28 процентов от общего количества). В селении Бускри их было 80 или около 25 процентов; в Дейбуке—40 лошадей или более 11 процентов; в Н.-Мулебки—30; Кана-Сираги—23; Герга—22; Мугри—13; Мургуке—10. В других обществах Союза лошадей было всего по несколько голов³¹.

Малочисленность лошадей объяснялась не только отсутствием в горах достаточных пастбищ и кормов на зиму, но и тем, что здесь лошади не находили того применения в хозяйстве, которые имели они на плоскости.

Лошади в горах применялись в основном для верховой езды и отчасти для перевозки тяжестей. Ценились лошади в горах очень дорого, в несколько раз дороже быка. В конце XIX в. обьеженная лошадь стоила червонцев сто и дороже, в то время как бык стоил 20—25 рублей³². Поэтому не каждый горец мог приобрести лошадь, их имели только состоятельные общинники. Лошадь в горах относилась к предмету роскоши. И не случайно авторы XIX в. указывали на это. Так, О. Евецкий писал, что жители «Закавказии, особенно горцы, считают добрую лошадь своим богатством»³³.

Ослы в Союзе содержали также мало. Особенно их

---

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105, л. 2—3; Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 56, 60, 64, 68.

³² Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895.

³³ О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, стр. 55.

было мало в обществах, расположенных ближе к плоскости. Так, по сведениям указанной выше комиссии, в таких обществах, как Мургуком, Цураинском их вовсе не было. В селении Урахи было всего 15 ослов; в Герга—10; Мугри—15; в Кана-Сираги—2; в Цизгари—4 и т. д.³⁴ Но в горных обществах их было больше, так как здесь в условиях гористой местности и отсутствия хороших дорог, использование арбы было затруднено, и поэтому ослы являлись наиболее удобной тягловой силой. Так, в Меусишинском обществе было 200 ослов, в Дейбукском обществе—215, в Бускринском обществе—60 и т. д.³⁵ Всего в обществах союза Каба-Дарго по данным посемейных списков в 80-е годы XIX в. находилось 657 ослов³⁶.

Из домашней птицы, как и другие даргинцы, жители союза Каба-Дарго разводили только кур.

Занимались жители Каба-Дарго и пчеловодством. По данным 80-х годов XIX в. во всех обществах Каба-Дарго имелось 422 улья, из которых 150 находилось в Урахинском обществе, 80—в Дейбуке, 60—в Герга, 40—в Мургуке, 20—в Меусиша и т. д.³⁷

Из всего сказанного видно, что животноводство являлось одной из важнейших отраслей хозяйственной деятельности жителей союза Каба-Дарго. Преобладающее значение в экономической жизни занимал крупный рогатый скот. Продукты животноводства играли важнейшую роль в пищевом рационе жителей Каба-Дарго.

Сельскохозяйственный календарь. До распространения ислама, как и другие дагестанские народы, даргинцы имели свои народные обычаи и культы. Был у них также и народный сельскохозяйственный календарь, выработанный в результате многовекового опыта трудовой деятельности в области земледелия и животноводства, который строго регламентировал сроки проведения различных видов сельскохозяйственных работ. Кроме того, с народным сельскохозяйственным календа-

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105, л. 2—3; Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 56, 60, 64, 68.

³⁵ Там же, стр. 60, 64.

³⁶ Там же, стр. 56, 60, 64, 68.

³⁷ Там же.

рем были тесно связаны многочисленные обряды и народные праздники.

К сожалению, описать все это не представляется возможным, так как с распространением ислама даргинцы, как и другие народы Дагестана, стали руководствоваться мусульманским лунным календарем и до нас сохранились только отдельные пережитки народного календаря. Однако, исходя из них можно проследить как общие черты, так и особенности в сроках проведения и приемах сельскохозяйственных работ обществ, входящих в состав Каба-Дарго.

Эти пережитки прежде всего показывают, что почти каждое общество Союза имело свои определенные сроки проведения сельскохозяйственных работ, применительно к условиям и особенностям данной местности.

Кроме того, они показывают, что все периоды сельскохозяйственного года сопровождалась в каждом обществе своими специфическими, отличающимися от других обществ, хотя бы в какой-то мере, отдельными элементами, народными обрядами и церемониями.

Хозяйственный год у даргинцев Каба-Дарго, как и у всех народов, издавна занятых земледелием и скотоводством, распадался на четыре периода, связанных с временами года, которые в свою очередь распадалась на более мелкие отрезки времени. В рамках этих периодов проводились только определенные виды сельскохозяйственных работ (вывоз навоза на поля, пахота, сев, уборка урожая, сенокос, отгон скота на летние и зимние пастбища и т. д.). Каждый такой период имел свое определенное название, из которых, к сожалению, сохранилось очень мало и в немногих селениях Каба-Дарго.

Хозяйственный год начинался с весны. Наступление весны определялось, как правило, по солнечному ориентиру или по положению звезд. Почти в каждом селении имелись свои особые места, по которым, в зависимости от падения тени или же по восходу или заходу солнца, определяли первый день весны. Так, в селении Урахи первым днем весны считался тот день, когда солнце проходило над местностью под названием «ХюнтIа», расположенной на горе «Зиха дубура». В селении Мургук первый день весны определяли по восходу солнца над местностью «Ирьила бахI» и заходу его над «Гудгудла бахI»; в селении Кана-Сираги — по восходу солнца над мест-

ностью «Гьаргьатла муза» и заходу его над «Бутау шурми»³⁸.

Первый день весны считался большим праздником и отмечался горцами с большой торжественностью, многочисленными обрядами, направленными якобы на получение богатого урожая.

Весна включала в себе ряд периодов, которые состояли из определенного количества дней и имели свои названия. К сожалению, периодизация в настоящее время не везде фиксируется. Поэтому в основном до нас эти названия, кроме общих, как например, «начало», «середина» и «конец», не дошли. В селении Урахи помнят только два периода весны: «хлеб гегугли тIама дакъараши» («пока кукушка не закричит»—40 дней) и «хлеб»—весна, продолжающаяся 50 дней³⁹. С этими периодами было связано проведение определенных сельскохозяйственных работ.

Весна являлась самым ответственным периодом года. Наиболее важным являлся ее начальный период, когда проводился сев зерновых. Поэтому горцы праздновали его особенно торжественно. Самым ответственным и важным моментом являлся первый день пахоты—«ГIянжи-бяхI» (Урахи)—от слов «ГIянжи»—«земля» и «бахIбакIис»—«начать», «начинать», «Къелла байрам» или «Къел аъни» (Мургук, Мугри, Кана-Сираги и т. д.)—«проведение борозды» и т. д. В зависимости от местности этот день падал на различные календарные дни. Но общим для этого дня являлось то, что это был самый распространенный, торжественный и всеобщий праздник, который сопровождался различными обрядами и своеобразными церемониями, связанными с «магическим воззрением» и «религиозным строем мышления» людей, думавших, что они «должны обеспечить благополучие хозяйству и обильный урожай»⁴⁰.

---

³⁸ Полевой материал, собранный нами в 1966—1967 гг.

³⁹ С. Ш. Гаджиева, А. Г. Трофимова, А. Р. Шихсандов. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964, стр. 33; полевой материал, собранный нами в 1965 г.

⁴⁰ Г. Ф. Чурсин. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Известия Кавказского историко-археологического института, т. V. Тифлис, 1927, стр. 43.

Вот как описал проведение праздника первой вспашки в селении Урахи Г.-М. Амиров.

«Примечательные особенности этого праздника суть: первая вспашка земли, красные яйца, скачки и выборы аульных должностных лиц...

С рассветом аул приходит в движение. Взрослые чистят оружие и седлают лошадей. Мальчики, наполнив свои карманы яйцами, спешат к главной площади, ... девушки и женщины, разодетые в лучшие платья, наполняют соседние крыши; старики тоже спешат на площадь, ...но они долго не остаются на площади: они приглашают друг друга к себе повеселиться, и скоро все исчезают. Поднимается солнце — и молодые, ловко гарцуя на крепких конях, появляются на площади... на площади начинается джигитовка... Джигитовка продолжается около двух часов. Затем выходят толпами полупьяные старики, и с ними на этот раз юзбаши, кадий, судьи и мангуш с куалти. Вслед за ними показывается «землепашец» (анджи-вахвикан), с запряженными в соху быками. Он несет на плечах сумки с зернами. Землепашец, быки и соха украшены платками и ленточками. Начинается торжественная процессия, которая направляется к ближайшему из пахотных полей. Впереди идет «анджи-вахвикан», за ним аульные должностные лица, старики, мальчики и, наконец, верховые...

В поле образуют громадный круг, в середине его «анджи-вахвикан» начинает пахать. Как только он приступает к работе, присутствующие начинают бросать в него землю, иные и большими кусками. «Анджи-вахвикан» подвергается этому земляному дождю по крайней мере около четверти часа.

После этого мангуш закричит, чтобы желающий участвовать в «беге» отделился. Отделяются почти все молодые... Кто прибежит первым, тот получает приз «шульми» (тушу баранины). После «бега» возвращаются в аул на площадь, и опять начинается джигитовка. Через час посылают лошадей, назначенных на скачку, за восемь верст от аула; с ними отправляется и мангуш... Лошадь, прискакавшая первая, получает приз. Лошадь покрывают пестрою попоною, украшают ее дорогими материями и ленточками, также как и седока. Все поздравляют хозяина лошади, и он в ответ приглашает всех отцов семейств к себе и угощает их в продолжении большей

части дня. В следующие затем дни последние пируют у «куалти» (исполнители — Б. А.). Молодые же первый день проводят в джигитовке, а в следующие дни пируют друг у друга»⁴¹.

Примерно также проводили день первой борозды и в других обществах Каба-Дарго, лишь с той разницей, что в каждом из них были некоторые особенности. Так, в селении Мургук «анджи вахвикана» или как называли его здесь «хола хъубзара» (старший пахарь) выбирали за 2 месяца до дня первой борозды. Он готовил бузу и угощение. В день первой борозды мангуш собирал мужчин у «хола хъубзара», и после угощения запрягали волов и шли на его поле. После возвращения с поля он опять устраивал угощение и только после этого устраивались соревнования, скачки, танцы и т. д.

А в селении Кана-Сираги угощение устраивали после возвращения с поля все 12 исполнителей, называемых здесь «келми».

За праздником первой борозды следовали другие весенние праздники, которые так или иначе были связаны с проведением определенных сельскохозяйственных работ — перегонном скота на летние пастбища, прополкой и т. д. Они также сопровождались народными песнями, танцами и играми. Так, в селении Мургук по истечении 40 дней весны проводили животноводческий праздник, называемый «чялли кадирхънила байрам», который был связан с началом весенней пастбы крупного рогатого скота. В день праздника с утра все жители селения собирались на поляне «ЧялI урцIа», расположенной в 5 км. к востоку от селения и до вечера веселились, стреляли из самодельных пистолетов, пировали, устраивали соревнования по борьбе, в метании камня, скачки. Каждый, кто приходил на эту поляну, приносил с собой еду, а старшина и кадий пекли большие пироги (чудни), которые привозили на арбах. Праздник продолжался до ночи. Ночью, возвращаясь в селение, продолжали веселиться и стрелять.

С весной были связаны и другие сельскохозяйственные работы. Так, в селении Урахи в течение первых 40 дней, называемых «хIеб гегугли тIама дакъараши», шла вспашка под зябь, скот отпускали на подножный корм;

---

⁴¹ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 41—42.

в это время заготавливали на зиму дрова, сажали картошку⁴². По истечении 40 дней сеяли тыквы. Тогда же переносили овец из арендуемых на плоскости кутанов на свои горные пастбища. Считалось также, что прополку обязательно надо проводить до наступления лета.

Наступление лета (дуцІрум) узнавали также по солнечному ориентиру. В селении Мургук первым днем лета считался тот день, когда солнце взойдет над местностью «Халал бахІла муза» и зайдет над местностью «Къадала бахІ»; в селении Кана-Сираги — когда солнце взойдет над местностью «Къярравла муза» и зайдет над местностью «Хулати гІинзурби»; в селении Кичи-Гамри — когда солнце взойдет над небольшим холмом, расположенным между горами «Алхъайнала къаси» и «Гауркъала»; в селении Бурдеки — когда солнце взойдет над горой «Буцрила бахІ» и зайдет над местностью «ГІяяла шулла бахІ» и т. д.

В Урахинском обществе наступление лета узнавали и по кукованию кукушки. В народе этот период считался самым плохим временем года, так как кончались запасы продуктов и люди жили бедно в ожидании нового урожая. Даже существует поговорка, что когда кукушка видит поле, где собран урожай, перестает куковать, т. е. с окончанием кукования кончается и самое бедное время года. Начало лета у урахинцев называлось «ДуцІрум садаъни» или «Аршекъи», т. е. начало сбора урожая, наступление периода жатвы. Следующий период — середина лета называлась «ДуцІрумла ургала» или «Дурши хІябдьяргъе ургала» — время, когда появлялось созвездие Орион («ХІябдьяргъи»). Определялось это время с 31 дня лета или времени от восхода «ХІябдьяргъи» до восхода звезды «Дурши». Это было самое жаркое время года. В народе считали необходимым в это время кончить сбор урожая и сенокос, ибо после этого начинались дожди. Как только кончалась жатва, приступали к поднятию язби. У урахинцев существует поговорка — чем раньше вспашешь поле, тем быстрее сгорит земля и больше будет удобрений.

Период лета «Дурши» наступал на 45-й день. По объяснению старожилков «Дурши» — это звезда, которая

---

⁴² С. Ш. Гаджиева, А. Г. Трофимова, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 5.

появляется в определенное время со стороны моря. Горцы приписывали этой звезде чудодейственную силу. Было распространено поверье, что человек, который увидит «Дурши», тотчас погибает. Поэтому в ночь, когда должна была взойти эта звезда, люди не выходили из дома. Нельзя было также оставлять в открытой местности скот. Дни до и после появления «Дурши» считались опасными для здоровья. Появление ее определялось по листьям липы. В народе считалось, что после появления ее они желтеют. Жители Урахинского общества с выходом звезды «Дурши» начинали прополку картофеля, убирали ячмень, просо и тут же приступали к пахоте⁴³.

Особенностью этого периода лета являлось то, что на равнине и в предгорных обществах сенокос проводили до его наступления, а в горных обществах — после наступления.

Следующий период сельскохозяйственного года — осень (гибшни, эбшни). Наступление ее также определяли по солнечному ориентиру. В селении Кана-Сираги определяли наступление осени по восходу солнца над местностью «Ургъарагъи хъяб» и заходу над «Дягунзала хъяб», а в селении Мургук — по восходу солнца над местностью «Зубаирла хъула бахI». Кроме того, наступление осени узнавали и по другим признакам, как, например, по цветению земляного яблока⁴⁴.

С наступлением осени проводили сев озимой пшеницы, начинали обмолот зерна, готовили на зиму дрова.

Как и другие времена года, осень распадалась на периоды. Так, в селении Урахи начало осени называлось «Гибшне бахIбихъуд», середина — «Карребаз» (в этот период по воздуху летал пух), конец — «Гибшни-гине ургала» (середина между осенью и зимой)⁴⁵.

Урахинцы основную часть осенних сельскохозяйственных работ проводили в первую половину осени (сеяли озимую пшеницу, а дней через 20 — и ячмень). Начало сева озимых определялось так: «когда солнце зайдет по той же линии, по которой зашло созвездие ХIябдьяргъи, — можно сеять озимые»⁴⁶. В конце осени бывают самые

---

⁴³ Там же, стр. 7.

⁴⁴ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ С. Ш. Гаджиева, А. Г. Трофимова, А. Р. Шихандов. Указ. соч., стр. 9.

длинные ночи, погода плохая и поэтому мало проводились сельскохозяйственные работы. В этот период люди обычно проводили ночи в гостях друг у друга.

Еще меньше сельскохозяйственных работ проводилось зимой (Гини, эни). Наступление ее также определяли по солнечному ориентиру. В селении Мургук первым днем зимы считался день, когда солнце взойдет над местностью «Зубаирла хула бахI» и зайдет над местностью «ХIясамбейла мурала бахI»; в селении Кана-Сираги — когда солнце взойдет над местностью «Цугнила хъяб» и зайдет над «Уркуршури»; в селении Бурдеки — когда солнце взойдет над местностью «ГергIела бекI» и зайдет над горой «УрцIемала бяхI».

У урахинцев начало зимы называлось «Гини бахI-бихъни», в Мургуке — «Шин кьуркьур баз» (начало замерзания воды). Середина зимы, как и у других даргинцев, у жителей Каба-Дарго называлась «Чилла», которая начиналась по истечении 25—30 дней от начала зимы и продолжалась 40 дней. Это было самое холодное время года. Конец зимы назывался «Гине ахир», а в селении Мургук — «Къалливли баз». Зимой женщины ткали паласы, а мужчины готовились (в особенности в конце зимы) к весенним работам — ремонтировали сельхозинвентарь, готовились к пастьбе и перегону скота с зимних пастбищ на летние и т. д.

Установление всех этих периодов и практическое значение их (с каждым периодом было связано проведение определенных сельскохозяйственных работ) говорит о наличии у восточных даргинцев, как и у других горцев вообще, довольно развитого сельскохозяйственного календаря, что в свою очередь являлось показателем древности земледельческих традиций даргинцев.

Домашние
промыслы.

Как и в других местах, на территории восточных даргинцев издавна было развито домашнее производство, т. е. производство орудий и предметов для собственного потребления. «Домашней промышленностью, — писал В. И. Ленин, — мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает»⁴⁷.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.

Домашние промыслы в условиях недостатка земли и средств, получаемых от основных отраслей хозяйства — земледелия и животноводства, играли немаловажную роль в хозяйстве горца, они являлись большим подспорьем в экономике населения. Кустарные изделия, — отмечает профессор Х.-М. Хашаев, — не только обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и даже огнестрельном оружии, но и приносили значительные доходы, коими горцы в известной мере покрывали расходы на приобретение питания, главным образом хлеба⁴⁸.

Основными видами кустарных промыслов в обществах Каба-Дарго являлись обработка шерсти, кожи, дерева, железа, камня, конопли. Но ни один из этих видов домашних промыслов вплоть до XVIII—XIX вв. не отделился от земледелия и животноводства и не превратился в самостоятельную отрасль производства.

Развивались домашние промыслы в рамках натурального хозяйства.

«Домашние промыслы, — писал В. И. Ленин, — составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства»⁴⁹. Промыслами занимались все хозяйства, которые владели «своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда» и удовлетворяли свои собственные потребности. Каждое хозяйство вплоть до выделения промыслов в самостоятельные отрасли хозяйственной деятельности изготовляло все необходимое — начиная с сельскохозяйственного инвентаря и кончая одеждой и вещами домашнего обихода. Именно такое хозяйство имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что в «средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом, на собственное потребление. Оно удовлетворяло по преимуществу только потребности самого производителя и его семьи... Крестьянская семья производила почти все, в чем она нуждалась: орудия и одежду, также как и предметы питания»⁵⁰. Это было соединение натураль-

---

⁴⁸ Х.-М. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959, стр. 135; его же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Изд-во АН СССР. М., 1961, стр. 96.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328.

⁵⁰ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 215.

ного земледелия с домашним промыслом в основном в рамках одного хозяйства.

Процесс развития домашних промыслов находился в прямой зависимости от общего уровня развития основных отраслей сельского хозяйства.

В домашних промыслах были заняты как мужчины, так и женщины. Обработкой шерсти, овчин, ткачеством, прядением, шитьем, обработкой конопли занимались только женщины. С. Броневский писал, что у горцев Дагестана женщины «портные, ткачи, швеи, тесемщики»⁵¹. Обработка металлов, дерева, камня, выделка кож, шитье верхней одежды из овчины считались чисто мужской работой.

Наиболее распространенным среди промыслов в Каба-Дарго, как и в других даргинских обществах, являлась обработка шерсти, которая была связана с животноводством. Особенно сильно был развит этот промысел в горных обществах, где в животноводстве преобладающее место занимало овцеводство. Обработкой овечьей шерсти занимались издавна, ибо, как указывалось выше, на исследуемой территории земледельческо-скотоводческое хозяйство было развито с древних времен. Наибольшее распространение в овцеводческих обществах получило производство сукон белого, синего и темных цветов, которые горцы не только употребляли для себе, но и продавали на различных рынках и в обществах Дагестана.

Из шерсти и конопли производили полотно и паласы (царка) и сумахи (чЯнкIби). Ткали сукно и паласы на самодельных деревянных станках.

Из шерсти изготавливались также платки, носки, перчатки; войлок, веревки, переметные сумы (хунжи).

«В Сираги..., в Урахли, Мулебки и Мугры, — писал В. Вильер де Лиль-Адам, — занимаются преимущественно прядением и тканьем»⁵².

По другим сведениям XIX в. сукно производили и в Меусиша⁵³.

---

⁵¹ С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1. М., 1822, стр. 52.

⁵² В. Вильер де Лиль-Адам. Указ соч., стр. 9.

⁵³ Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия ИРГО, т. XX, вып. 4, СПб., 1884, стр. 428.

Об этом же говорится и в сведениях конца XIX в. Кроме того, согласно этим сведениям в селениях Викри и Дейбуке производили из конопли холст, а в отселке Дейбука Чидике — веревки; в селении Бускри было развито производство бурок⁵⁴.

Производством указанных вещей занимались женщины после окончания сельскохозяйственных работ и до начала весны следующего года.

С животноводством, как указывалось выше, была связана также и обработка кож и овчин. Как и другие горцы Дагестана, жители Урахинского союза сами шили себе из овчин шубы, брюки, папахи, носки и т. д. Одежду шили ручным способом в каждом хозяйстве. Из кожи, которая выделывалась из шкур крупного рогатого скота, жители Союза шили себе обувь, делали ремни, кожаные части сельскохозяйственного инвентаря и т. д. А из козьих шкур изготовляли небольшие мешки, сумки, нитки.

Большое место в хозяйстве населения Урахинского союза занимали промыслы по обработке дерева. Как известно, здесь было много лесов и поэтому и развивались промыслы по производству разнообразных деревянных вещей.

«Лесу в горах и на плоскости к морю, — писал Д. И. Тихонов, — разных родов в довольно изобилии и годного для строения в множайшем количестве»⁵⁵.

Главное место среди промыслов по обработке дерева занимало изготовление сельскохозяйственного инвентаря. В обществах, вокруг которых были расположены богатые леса (Урахи, Мургук, Мулебки и др.), имелись мастера по изготовлению земледельческих орудий (соха, молотильные доски, деревянные лопаты для веянья зерна — «кура», вилы).

Из дерева изготовлялась также домашняя посуда (миски, подносы, вилки, ложки и т. д.), детские люльки, кровати, станки для обработки шерсти и тканья паласов и сукна, меры сыпучих тел (сах и барха), лари для хранения зерна и муки и другая утварь.

Особенно сильно развита была обработка дерева в

---

⁵⁴ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 256—261. См. также Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 91.

⁵⁵ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 134.

Урахинском и Мулебкинском обществах. Здесь выделился ряд хозяйств, основным занятием которых являлся промысел по изготовлению разнообразных вещей. Одно из таких хозяйств описал Г.-М. Амиров. «Около нас, — писал он, — жило одно семейство, состоящее из мужа (Буханд-Али), жены и троих сыновей. Оно жило довольно счастливо и было обеспечено в материальном отношении, хотя у него не было поземельной собственности. Буханд-Али занимался производством седел, деревянных подносов, повозок, ящиков и т. д.»⁵⁶. В 80-е годы XIX в. в селении Урахи было 39 плотников, в селении Н.-Мулебки—24, Кана-Сираги—4, Мугри—3, Меусиша—2⁵⁷.

Издавна жители союза Каба-Дарго занимались металлообработкой. Однако этот промысел был развит не повсеместно, а только в отдельных больших обществах Союза.

Наибольшего развития металлообработка получила в Н.-Мулебкинском обществе, жители которого занимались ею еще в древности, о чем свидетельствуют остатки кузницы на месте древнего поселения, находившегося в местности под названием «Аждагъала шулла бахI». Говорят об этом также данные XIX в. По сведениям Кавказского статистического комитета в 80-е годы XIX в. только в одном Нижне-Мулебкинском обществе был 31 кузнец в то время как в таком большом обществе как Меусиша их было всего 4, в Дейбукском обществе—7, Мургуке, Кана-Сираги по 2, а в Мугри, Герга, Бускры, Цизгари и т. д. не было ни одного⁵⁸.

Было развито кузнечное дело, хотя и в меньшем размере, чем в Нижне-Мулебкинском обществе, в центре Союза — сел. Урахи, где, по данным указанной выше комиссии, находилось 17 кузнецов⁵⁹. Большого развития достиг кузнечный промысел в конце XIX в. в Дейбуке и Чидике⁶⁰

⁵⁶ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 60.

⁵⁷ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 57, 61, 69.

⁵⁸ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 57, 61, 65, 69.

⁵⁹ Там же, стр. 57.

⁶⁰ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 259; его же. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 91.

В промысле по обработке металла основное место занимало изготовление сельскохозяйственных орудий. Местные кузнецы (миргыла устни) производили серпы (мирш), косы (къвялкъуби), мотыги (газни), топоры (бурдни), лопаты (кIатIни), ножницы для стрижки овец (лухIцIи), подковы (лутIи гIвябли), гвозди (гIвябли), шипцы (къямцIа) и т. д.

Кузнецы в основном выполняли заказы местных потребителей, что говорит о ремесленном характере металлообработки. Характерно было это в особенности для XIX в.

Отдельные мастера занимались изготовлением холодного и огнестрельного оружия⁶¹. В таких обществах как Урахи и Меушиша занимались обработкой серебра и лудильным делом⁶².

Развит был в обществах союза Каба-Дарго и промысел по обработке камня. В таких крупных селениях Союза как Урахи, Нижне-Мулебки, Меушиша и др. было много мастеров — известных строителей, для которых строительство являлось основным занятием. Они строили жилые дома и общественные здания, мосты, ограды и т. д. и не только в своих селениях: их приглашали и в другие общества, где не было своих мастеров.

В 80-е годы XIX в. в селении Урахи было 8 каменщиков, в селении Нижне-Мулебки — 15, Меушиша — 19. В остальных обществах Союза их было мало: в Мугри — 4, Бускри — 3, Дейбуке — 2, Цизгари, Мургуке и Кана-Сираги — по одному⁶³.

Резьба по камню в обществах Каба-Дарго особого развития не получила. В большинстве случаев, хотя и были свои мастера, надгробные памятники, являющиеся показателем высокого мастерства их творцов, по заказу делались в обществах Акушинского союза.

Был развит в обществах Каба-Дарго и отхожий промысел, который, как и повсеместно в Дагестане, был обус-

---

⁶¹ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

⁶² Посемейный список жителей Мекегинского наибства Даргинского округа. ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 105, лл. 371, 391, 400, 501, 848, 896, 905.

⁶³ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 57, 61, 65, 67.

ловлен сравнительной густотой населения, бедностью природы, слабостью развития обрабатывающей промышленности и другими стесненными экономическими условиями⁶⁴.

Еще в 70-е годы XIX в. В. Вильер де Лиль-Адам писал о жителях Урахинского общества, что «многие молодые люди ходят на лето, копать марену в Джемикент, Великент и другие селения, лежащие в окрестностях Дербента»⁶⁵. Но плоскостной Дагестан является не единственным местом, куда ходили отходники. «С осени, по уборке хлебов, — говорится в Дагестанском сборнике, — население ежегодно массами отправляется по губерниям и областям Кавказского края, в Закавказскую область, а также и во внутренние губернии Империи, отыскивая себе заработок во всех видах физического труда. В конце весны следующего года оно возвращается на родину для обрабатывания своих полей и садов, принося с собой заработок, остающийся у горцев благодаря их крайней умеренности в пище и одежде, почти целиком». Заработок отходника в год не превышал 80—100 руб⁶⁶. Больше всего отходников из обществ Каба-Дарго было из Урахинского общества⁶⁷.

Как видим, в рамках натурального хозяйства жители Каба-Дарго занимались разнообразными промыслами, «начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению»⁶⁸. Основные из них — обработка дерева, металла, камня давно превратились в самостоятельные отрасли и удовлетворяли потребности в разнообразных вещах, инвентаре, утвари жителей не только своих обществ, но и жителей других населенных пунктов.

Торговля и торговые пути. В рамках натурального хозяйства в обществах Каба-Дарго, как и в других местах Дагестана, развивалась торговля и обмен как внутри самого Союза, так и с другими политическими единицами и обществами. К. Маркс ука-

⁶⁴ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 88.

⁶⁵ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

⁶⁶ Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 88.

⁶⁷ Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 22.

зывает, что «товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости»⁶⁹.

По мнению М. О. Османова «постоянные обменные связи» возникали «с образованием крупных политических объединений, т. е. со второго тысячелетия н. э.»⁷⁰. Это также время образования крупных территориально-«родовых» сел, поэтому нельзя не согласиться с таким мнением. Ранее этого периода в условиях частых столкновений между «родовыми» поселениями, конечно, не могло быть постоянных и устойчивых связей. Торговля вплоть до присоединения к России являлась меновой. Говоря о Дагестане в целом, современник писал, что здесь «торговля производится большей частью меною»⁷¹.

Монеты свои в Дагестане не чеканились. «Здесь нет монет»⁷²,— писал в XVII в. Эвлия Челеби. Поэтому, как и у других горцев, у даргинцев в качестве общего эквивалента при обмене выступали бараны, котлы и др. вещи. «Особенные потребительные стоимости, — указывал К. Маркс, — которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют... первые деньги внутри самой общины»⁷³.

Но это не значит, что в Каба-Дарго не были распространены деньги. Как и везде в Дагестане, среди даргинцев в качестве эквивалента применялись иностранные монеты, о чем говорят названия употребляемых монет, как, например, шагги (5 коп.), гялббаси (20 коп.), къярущ (руб.), тумен (10 рублей), къярапулы (медные

---

⁶⁹ К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 180.

⁷⁰ С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаев. Указ. соч., стр. 52.

⁷¹ ЦГВИА, ф. ВУА, 18503, л. 6. Цитируется из книги: В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, стр. 16.

⁷² Отрывки из «Путешествия» Эвлия Челеби. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 94.

⁷³ К. Маркс. К критике политической экономии,—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 37.

деньги). Многие из этих названий возникли при царствовании в Иране шаха Аббаса I и поэтому распространение их началось с XVII в. Закрепление у даргинцев этих названий говорит о том, что наиболее распространенными среди жителей Каба-Дарго были персидские и турецкие деньги. Как и в другие районы Дагестана, заимствование в основном шло с юга — через Азербайджан⁷⁴.

Кроме того, как показывают источники, в Дагестане вообще употреблялись «так называемые ханские» деньги⁷⁵, а начиная с XVIII в. все большее распространение получают российские монеты. «Особенно почитают, — отмечает современник, — серебряные рубли»⁷⁶.

Как и в других местах, в Каба-Дарго были в хождении иностранные монеты, изготовляемые в Кубачах. Кубачинцы, — писал в 20-е годы XVIII в. участник Персидского похода Петра I И.-Г. Гербер, — «делают, турецкие и персидские серебряные деньги» и «начали испытать делать российские рублевики», которые «имеют надлежащий свой вес и серебро, что оных **везде берут**»⁷⁷ (подчерк. нами — Б. А.).

Свидетельствует о распространении денег в Каба-Дарго и участник Персидского похода П. Зубова 1796 г. Д. И. Тихонов. Он пишет, что приезжавшие в общества Каба-Дарго армяне и евреи проводникам «за провод платят много денег»⁷⁸.

Центром обмена и торговли внутри Союза являлось Урахинское общество, где по средам собирался базар. На урахинский базар приезжали для обмена своих товаров не только жители Каба-Дарго, но и других даргинских обществ и политических объединений Дагестана. Следовательно, это был базар не только местного значения. Не случайно еще в XVII в. Эвлия Челеби, говоря о подобных базарах, отмечал, что в Дагестане «люди иногда собираются в городах (автор имеет в виду

---

⁷⁴ Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсандов. Указ. соч., стр. 92.

⁷⁵ В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 16.

⁷⁶ Там же, стр. 17.

⁷⁷ И.-Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.—«История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.». Архивные материалы. Под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. ИВЛ. М., 1958, стр. 76.

⁷⁸ Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 134.

большие селения — Б. А.) и устраивают на площадях большие базары. Каждый житель привозит свои продукты и обменивает их»⁷⁹.

Приезжавшие на урахинский базар жители Акуша-Дарго, удмийства Кайтагского, сюргинцы и др. обменивали продукты животноводства, фрукты, изделия гончарного производства (Балхар, Сулевкент) и т. д. на зерно⁸⁰, паласы, разнообразные изделия из дерева и другие товары сельскохозяйственного и ремесленного производства.

Харбукцы, кубачинцы и амузгинцы продавали на урахинском базаре различные железные части сельскохозяйственных орудий, холодное и огнестрельное оружие и изделия ювелирного производства и чеканки. Как пишет А. Далгат, «каждый аул специализировался в поставке определенных товаров. Так, гергинцы торговали в основном молочными продуктами, вениками, медом; мулебкинцы продавали откормленных баранов, чугуры, сушеное мясо, курдюки, шкуры, морковь; мургухинцы и гамринцы — буйволов, зерно, ягоды, дикие фрукты, травы; мекегинцы, бурдехинцы, мугринцы — скот, овец; многочисленные урахинские хутора — деревянные и шорные изделия, музыкальные инструменты, картошку, скот, бакалею, мануфактуру. Отдаленные аулы — Акуша, Цудахар, Ходжал-Махи, Мюрего, Карбук, Уркарах, Балхар привозили железные изделия, бурки, самотканное сукна, глиняную посуду, шемахинские шелка, лошадей, фрукты»⁸¹.

Обмен и торговля, в особенности с появлением базара, на территории Каба-Дарго носили регулярный характер. Об этом говорит то, что во внутренней торговле главную роль играла твердоустановившаяся местная система мер и весов, которая в некоторой степени различалась в разных обществах Союза своим объемом и весом. Для измерения емкости сыпучих тел жители Каба-Дарго, как и другие даргинцы вообще, применяли «барха». Более мелкой единицей измерения сыпучих тел являлся сах

---

⁷⁹ Эвлия Челеби. Указ. соч., стр. 94.

⁸⁰ «Акушинцы, — писал подполковник Меддокс, — свой хлеб продают в горы и покупают оный в прочих... провинциях в Дагестане для перепродажи горцам». (АКАК, т. VII. Тифлис, 1875, стр. 518). Больше всего хлеба верхнедаргинцы покупали у урахинцев, где земледелие среди других обществ Каба-Дарго было развито больше всего.

⁸¹ А. Далгат. Указ. соч., стр. 16—17.

(«сягI»), который равнялся 2—2,5 кг. «Барха» состояла в основном из 10 сах. Самой маленькой мерой для сыпучих тел являлся «михI» — пригоршня и «кош» или «кьялши» — горсть.

Мерой веса мяса, сыра, сала, урбеча, меда, являлась «гилавка», равная приблизительно одному фунту (400 гр.) и «ратIал», равный 2,4 кг. или 4 фунтам.

Наиболее распространенной единицей измерения длины являлся «дикI», равный длине локтя или 50 см. Кроме того, мерой длины служила «чИм» — пядь, равная расстоянию между растянутым большим и указательным пальцами, а также между большим пальцем и мизинцем.

Д. И. Тихонов в конце XVIII в., говоря о торговле в Кайтагском уцмийстве в целом, в составе которого, как указывалось в первой главе работы, он перечисляет и Каба-Дарго, писал: «торговлю все жители производят по большей части с соседними владениями, как-то: скотом, хлебом, медом и воском... Из шерсти овец делают на продажу и домашние употребления простые сукна: синие, черные, белые, разные ковры, делают и бумажный холст. Сами покупают: привозимые из России и Персии парчи и сукна, медь, олово и железо, а свинец и селитру от дербентцев и кубинцов. Серебро и золото достают из России и Персии. Ружья, пистолеты, сабли и кинжалы с оправой серебряной делают сами, также и порох. Кремни имеют и в своем владении, но лучшие покупают из шамхалова владения в деревне Губден»⁸².

Вероятно, не все из перечисленных товаров жители союза Каба-Дарго покупали непосредственно на даргинских рынках, а тем более в России и Персии. Многие из них они приобретали, видимо, через приезжавших к ним армян и евреев, которые обменивали их на товары местного производства.

Так, Д. И. Тихонов писал, что жители Каба-Дарго «произведения из своих округ... продают армянам и жидам (евреям—Б. А.), которые приезжают к им всегда»⁸³.

Армяне и жиды, — говорится в другом документе, — которые живут в Андрей-ауле, «имеют торг со всеми горцами»⁸⁴.

⁸² Д. И. Тихонов. Указ. соч., стр. 134.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Краткая записка о горских народах. «Северный архив», № 13, 1826, стр. 30.

Подтверждается это и сведениями начала XIX в. Так, С. М. Броневский писал, что горцы «обменивают свои товары на порох, свинец, огнестрельное и белое оружие, чугунные котлы, холст, юфты и другие к домашнему хозяйству принадлежащие изделия»⁸⁵.

Далее С. М. Броневский пишет, что они «для одежды жен своих покупают европейское сукно, шелковые и бумажные материи, сафьян, сученое серебро и золото. Сии предметы развозятся по всему Кавказу армянами, которые не взирая на трудности путей и претерпеваемые ими насильства, получают нарочитую прибыль в рассуждении малых капиталов»⁸⁶.

Аналогичные сведения дает и А. Берже. Среди товаров, привозимых из России, он перечисляет железо, медь, посуду, металлические изделия, чай, сахар, сукна, бумажные и шелковые ткани, а из Шемахинской губернии — «шелковые изделия тамошних фабрик»⁸⁷.

А. Берже перечисляет и товары, которые продавали местные жители: «лезгинское сукно (производство его наиболее было распространено у даргинцев—Б. А.), ковры, паласы, оружия» и т. д.⁸⁸. Далее он указывает на местные дагестанские рынки, где покупались привозные и производимые в Дагестане товары. «Кроме Дербента, сделавшегося в последнее время рынком, на котором лезгины покупают русские товары и продают свои, — писал А. Берже, — прочие не столь значительны, но тем не менее важные базары находятся в Кубе, Кураге, Темир-Хан-Шуре, Кумухе, Акуше и Цудахаре»⁸⁹.

Конечно, возможно, не со всеми этими торговыми центрами были связаны восточные даргинцы. Но с такими селениями как Акуша, Цудахар и Кумух и городом Дербент они поддерживали активные связи. Кроме того, они были связаны с такими зональными торговыми центрами как Мекеги, Губден, Харбук, Уллу-Ая, Урари и т. д., где также в определенные дни недели собирался базар⁹⁰. В 70-е годы XIX в. Г.-М. Амиров писал, что вос-

⁸⁵ С. М. Броневский. Указ. соч., стр. 55—56.

⁸⁶ Там же, стр. 56.

⁸⁷ А. Берже. Прикаспийский край. КК на 1857 год. Тифлис, 1856, стр. 336.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 251, 255, 261, 263, 267, 271, 273.

точные даргинцы «ходят также на базар для продажи своих произведений (около Шуры и Дешлагара)»⁹¹. Вслед за ним В. Вильер де Лиль-Адам писал, что жители Ура-хинского общества «по воскресеньям возят в Дешлагар на базар сельские произведения на продажу, как-то: пшеницу, овес, муку, яйца, масло, орехи и т. п.»⁹². Связи жителей Каба-Дарго с Дешлагаром были постоянными. Они поддерживались не только в базарные дни. В Дешлагаре, как указывается в документах, было много торговцев⁹³, которые постоянно ходили в общества Каба-Дарго и продавали местным жителям изделия промышленного и фабричного производства⁹⁴.

Что же касается связей жителей Каба-Дарго с Дербентом, то они существовали еще раньше исследуемого периода. В Дербенте восточные даргинцы, как и другие горцы, покупали шелковые и хлопчатобумажные ткани, красители для паласов и шерстяных тканей (марену и шафран) и т. д. «Провинция Гилянская и город Шамаха, — писал академик С. Г. Гмелин, — снабжают Дербент разными бумажными и шелковыми материями..., кои променивают лезгинским и горским татарам на один род тонкого сукна, которое ими ж самими в горах приготавливается»⁹⁵. Кроме того, жители Каба-Дарго покупали здесь, также как и в другом торговом центре приморского Дагестана — Тарки, и привозимые из России разнообразные предметы домашнего обихода из стали, железа и меди (котлы, красные и зеленые тазы из меди, посуда, ножницы, иглы, наперстки и т. д.), а также зеркала, шелковые, бумажные и холщевые ткани, бумагу, сахар, нефть, железо, сталь, свинец и т. д. Эти товары привозились из России купцами из Дербента, Тарки и Кайтагского уцмийства⁹⁶, которые и продавали их на местных рынках.

⁹¹ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 47.

⁹² В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

⁹³ Посемейный список жителей Н-Кайтагского наибства К-Табасаранского округа, ч. 3, ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 41, л. 699.

⁹⁴ Полевой материал, собранный нами в 1965, 1967 гг.

⁹⁵ С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. III. СПб., 1785, стр. 21.

⁹⁶ Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII вв. Составитель Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958, стр. 201—219; см. также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, лл. 1—69.

Земледелие не во всех обществах Каба-Дарго обеспечивало потребности в хлебе. Поэтому они покупали зерно как в самом Союзе, так и на других зональных рынках. Так, Д. Н. Анучин писал о меусишинцах, что большинство из них «должно прикупать хлеба на доход, выручаемый от продажи скота и сукон»⁹⁷.

Внешние связи жителей Каба-Дарго не ограничивались только территорией Дагестана. Восточные даргинцы поддерживали связи и с соседними народами Закавказья. Как и другие горцы, они в основном ходили в Нуху и Шемаху, где продавали сукна и паласы и покупали там разнообразную посуду, шелковые и хлопчатобумажные ткани⁹⁸.

Надо отметить, что в целом торговля в экономике Каба-Дарго играла важную роль. Укрепление рыночных связей, усиление роли товарно-денежных отношений, как и повсеместно, на территории Каба-Дарго неизбежно усиливали дифференциацию общинников. Экономические связи содействовали развитию феодальных отношений. «...торговля,—писал К. Маркс, указывая на значение торговли в развитии общества,— повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застаёт»⁹⁹. В результате развития торговли, в особенности со второй половины XIX в., хозяйство горцев теряло свой натуральный характер. Товарообмен стал необходимой частью хозяйства.

Как известно, в развитии связей, обмена и торговли наряду с другими причинами одну из главных ролей играет наличие транспорта и путей сообщения.

В целом можно сказать, что транспорт до присоединения к России, в Каба-Дарго, как и в других местах, не был развит. Перевозка товаров осуществлялась на ослах (главным образом в горных обществах), конях и арбах.

Мало было раньше также и хороших колесных дорог. Основными путями сообщения являлись тропинки. Но внутри Союза близлежащие населенные пункты соединялись между собой колесными дорогами. Такие дороги издавна соединяли между собой Урахи и Мулебки, Ура-

---

⁹⁷ Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 428.

⁹⁸ Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁹⁹ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. 1, стр. 364.

хи и Гамри и т. д. Кроме того, эти дороги, продолжавшиеся дальше, соединяли территорию Союза с другими владениями Дагестана. Так, из Гамри колесная дорога через Утемыш и Башлы вела в приморский Дагестан, Дербент и далее в Азербайджан.

Была также дорога, соединяющая территорию Союза с Акуша-Дарго. Шла она через Н.-Мулебки—В.-Мулебки—Муги, в Акуша и в Цудахар, а далее отсюда в земли Казикумухского ханства. В народе эта дорога до сих пор известна под названием «Губнашила», что, очевидно, произошло от слова «губи»—означающего «мост». Видимо, по дороге было построено много мостов, откуда и произошло название дороги.

О существовании этой дороги свидетельствует и П. Зубов. Он пишет, что одна из внутренних дорог из Акуша вела в Дербент, которая проходила «по крутым спускам гор (имеется в виду спуск около Н.-Мулебки—Б. А.) и через **Хомрюзень**, мимо Уцмейских деревень: Сусгары (Цизгари—Б. А.), Мургун (Мургук—Б. А.), Малааул (Маммаул—Б. А.), а от Башлов до Дербента через реку Буам и деревни: Алматкант (Ахмед-Кент—Б. А.), Великент и Хамаметкали (Хан-Мамет-Кала—Б. А.), выходя у сей последней на главный тракт»¹⁰⁰.

Существовали также и дороги, соединявшие и другие общества Каба-Дарго с плоскостью и горными обществами. Так, из Мургука на плоскость вела две дороги—одна под названием «Дубденце» через Башлы, а другая «Цурегин аркьян гьуни» через лес. Через гору «Хяберзне хьяб» из Мургука дорога вела в горные общества Кайтагского уцмийства. Была также дорога, которая из Мургука, через Бурдеки и дальше через земли Акуша-Дарго шла в Лакию, о чем говорит само название дороги—«Булгунела гьуни»,—т. е. «Лакская дорога».

Итак, анализ приведенного материала показывает, что основу хозяйства Каба-Дарго составляли земледелие и скотоводство, являвшиеся древними занятиями даргинцев.

Наличие пережитков народного сельскохозяйственного календаря говорит о богатых традициях даргинцев в области земледелия и скотоводства.

---

¹⁰⁰ П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель, ч. 3. СПб., 1835, стр. 235.

Большое значение для жителей Каба-Дарго имели домашние промыслы, игравшие немаловажную роль в их экономической жизни.

Определенного уровня достигли торгово-экономические связи как внутри Союза, так и за его пределами.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Одним из наиболее важных и в то же время трудных вопросов социально-экономической истории является аграрный вопрос. Это стержневая проблема общественно-политического развития. Без выяснения и всестороннего научного анализа основных форм землевладения и землепользования невозможно определить уровень развития общества, его социально-экономическую структуру.

Из всей массы вопросов, связанных с земельно-правовыми отношениями, важнейшим является вопрос о собственности на землю, выяснение, кому именно принадлежала земля, кто ею распоряжался. Как указывает К. Маркс, земля — это «великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства, т. е. *базис* коллектива»¹. Земля является основным средством и условием производства. Она в зависимости от форм владения ею и определяет уровень социально-экономического развития общества. «...земля,—пишет К. Маркс,—есть одновременно и сырье, и орудие, и плод»².

В дореволюционной историографии было распространено мнение о господстве у горцев Дагестана (в особенности в союзах сельских обществ), как и у других народов Северного Кавказа, общинного землевладения и отсутствии у них частной собственности на землю. Немалую роль в этом сыграла и комиссия для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестана.

---

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 46, ч. I, стр. 463.

² Там же, стр. 481.

Для дореволюционных авторов общинное землевладение заслоняло другие формы земельной собственности. Это был результат поверхностного изучения пережитков общинно-родового строя. Они не вникали в действительную сущность этих пережитков, в результате чего пришли к неправильному выводу о господстве у горцев Дагестана вплоть до XIX в. общинно-родового строя.

Безусловно, в так называемых «вольных» обществах классовые отношения были менее развиты, чем в ханствах. На первый взгляд даже кажется, что невозможно установить разницу между отдельными слоями узденства, сословное деление в сельских обществах, в чем заключалась зависимость узденей, в какой форме они платили ренту и т. д.

Однако, как указывают классики марксизма-ленинизма, при исследовании такого вопроса как социально-экономическое развитие, надо учитывать местные специфические условия, которые и накладывают отпечаток на характер социального строя. Указывая на это обстоятельство, К. Маркс писал: «...один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»³.

Конечно, в условиях отсутствия достаточного материала трудно рассмотреть эту сложную проблему социальной истории даргинцев во всем объеме. Особенно затрудняется исследование ранних периодов перехода от общинного землевладения к частной собственности на землю. Поэтому ряд вопросов может быть изучен лишь в общетеоретическом плане. В виду всего этого отдельные выводы наши могут быть не окончательными.

Формы землевладения. Как и в других территориальных объединениях даргинцев, в Каба-Дарго в исследуемые века существовало несколько форм земельной собственности. Но конкретному

---

³ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 354.

анализу на конкретном фактическом материале они не подвергались.

Как показывает анализ собранного на месте материала, главной формой собственности у восточных даргинцев не только в XVIII—XIX вв., но и на многие века раньше до этого являлось частное землевладение.

Как и повсеместно, основой возникновения частной собственности на землю на территории Каба-Дарго являлась общинная земля. Собственность на землю возникала постепенно. Характеризуя процесс превращения общинной собственности на землю в частную собственность, Ф. Энгельс писал: «Все культурные народы начинают с общей собственности на землю. У всех народов, перешагнувших уже через известную ступень первобытного состояния, эта общая собственность становится в ходе развития земледелия оковами для производства. Она уничтожается, подвергается отрицанию и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность»⁴.

Эволюция общинной собственности началась с того, что сначала в частную собственность перешли пахотные участки, обработка которых в особенности в суровых горных условиях требовала большой затраты труда. «После того как кто-нибудь обработал кусок земли,—писал Морган,— он имеет на нее свое личное право, которое может продать другому члену общины»⁵.

Перекликается со словами Моргана вывод, к которому пришла сословно-поземельная комиссия, работавшая в Южном Дагестане. «Земля в необработанном виде,— писалось в нем,— составляла собственность целого владения или народа и только обработанные участки становились собственностью того хозяина, чьим трудом и издержками земля становилась удобной для посевов и производительной»⁶.

Но этот процесс произошел в Дагестане задолго до XVIII—XIX вв. Ф. Энгельс указывал, что в местах с суровыми горными условиями, «где к этому, так сказать,

---

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 20, стр. 142.

⁵ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934, стр. 321.

⁶ Журналы заседаний Южно-Дагестанской сословно-поземельной комиссии с декабря 1879 по 11 мая 1880 г., ч. 4., ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 16-а.

вынуждал характер местности», родовое пользование пахотной землей очень рано сменяется владением его отдельными дворами, а в распоряжении общин остаются только невозделанные земли⁷.

Этот первый этап эволюции общинной собственности, видимо, начался и происходил до образования больших территориально-«родовых» селений, когда еще существовали маленькие разлагающиеся «родовые» поселения. Говорит об этом то, что поквартальное владение пахотными участками совпадает с существовавшим до образования территориально-«родовых» селений владением со стороны «родовых» поселений. Так, жители Верхнего аула Урахи имели частные пахотные участки в местностях «Мулии» и «Кукара», т. е. там, откуда переселились в Урахи их предки и образовали в Верхнем ауле квартал «Хъар къотI». То же самое наблюдается и в других селениях. Частные земельные участки жителей каждого квартала находились там, откуда они переселились.

Следовательно, хотя «родовые» поселения и объединились в одно селение, но в собственности их жителей остались те же земли, которыми они владели раньше.

Лишь впоследствии в связи с развитием товарно-обменных связей появляется смешанное владение пахотными участками жителей всех кварталов общины, т. е. на одной и той же территории имели свои мульки жители разных кварталов.

Переход от коллективной собственности на пахотную землю к индивидуальной собственности был вызван обособлением индивидуальных семей в хозяйственном отношении, самостоятельная роль которых возрасла в связи с дальнейшим развитием производительных сил. Причиной, обусловившей превращение коллективной собственности в частную, указывал К. Маркс, была появившаяся в результате роста производительных сил (введение плуга и т. д.) возможность парцеллярного труда как источника частного присвоения, а затем и получения прибавочного продукта⁸. Право собственности общинника на опреде-

---

⁷ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 332—333.

⁸ К. Маркс. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. -- Третий свет. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 10, стр. 419.

ленные участки пахотных земель вытекало из фактической обработки их в течение длительного времени, из факта приложения им своего физического труда к земле. Передаваясь по наследству из поколения в поколение, это право все больше укреплялось, что проявлялось в постепенной ликвидации ограничительных прав на частное землевладение со стороны общины. Так, из первоначального владения, или «длительного права использования», вытекающего из переделов общинной земли, когда община еще являлась верховным собственником всей земли, постепенно пашня превращается в частную собственность с правом свободного или полного распоряжения.

В частное землевладение входили земельные участки, которые находились в наследственной собственности их хозяев. «Собственность,— указывал К. Маркс,— означает... первоначально (и таковой она является в ее азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным»⁹.

На следующем этапе развития производительных сил происходит переход в частное владение и покосных участков, что являлось дальнейшим шагом по пути разложения сельской общины, усиления процесса дифференциации и феодализации общины.

А в XVIII—XIX вв., о чем свидетельствует ряд примеров, феодализирующаяся общинная знать начинает присваивать и общинные пастбища.

Частная земельная собственность даргинцев, как и других народов Дагестана, известна под названием «мульк»¹⁰, или «вагІла ванза» — буквально «собственная земля».

Мульками назывались и маленькие земельные участки крестьян — узденей, и большие земельные угодья феодализирующейся знати.

Частная земельная собственность являлась основной формой собственности на землю, ибо она охватывала основные и притом наиболее хорошие участки.

Обычно один владелец имел в собственности несколько участков. Как и у других горцев, у жителей союза

---

⁹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 485.

¹⁰ «Мульк» — араб. «имение», «владение», «недвижимость».

Каба-Дарго вследствие особенностей природных условий участки были небольших размеров и разбросаны в разных местах. Объяснялось это тем, что пахотные участки появлялись там, где возможно было обработать землю.

Особенностью частных пахотных участков являлось и то, что они были расположены в непосредственной близости от селения и вокруг бывших «родовых» поселений, на месте которых в ряде случаев впоследствии образовались хутора. Объяснялось это тем, что эти участки раньше всего были окультивированы и превращены в частную собственность. В Урахинском обществе частные пашни находились в местностях: «Ургуба», «Дахъ-лакІали», «Чакалла гинизла къада», «ХІябкІалигІила», «ХІаркІитшегІила», «Байгъабил гъуни», «ХІяжила хъо муза», «Къярдла къада», «Шихмайла хъу», «ДихІкара-ла», «Шантела хъу», «БахІмахъи», «Лавгъасанала», «ГІир-хъинайла», «Хала гІилала», «Хала бахІ», «БяхІмудла хъу», «Чака цІулла бахІ» и т. д.

Всего по данным Кавказского статистического комитета в 80-е годы XIX в. в Урахинском обществе находилось неполивных пахотных земель на 10500 саба засева или 700 десятин¹¹.

Другие общества, входившие в состав Каба-Дарго, имели намного меньше земель, чем Урахинское общество. Следующее по величине после Урахи—селение Н.-Мулеб-ки имело всего на 3000 саб засева¹². Расположены они были в местностях «Шиллиула», «Урчугагъала», «ДухІ-надургІяла», «Чакашур», «БухІнахІинтІила», «Шимба-кила», «ЯнцІи хІяруби», «Диркъа гІилила», «БикІа къякълигІила». В селении Мургук также, как и в Н.-Мулеб-ки, было на 3000 саб пахотной земли¹³, расположенные в местностях «Чалладар», «КІвел ше урга», «Хъар хъу», «ЧяхІурцІа», «ХІялла бахІ», «ЦІябдарги», «ВацІа-ла къада», «ХІярубак», «Холати хъуми», «Усьа хъуми», «ГІанпаула», «Хала миг», «Айгунна гІява», «Ахърумак», «ГІярбукІа хъуми» и т. д. В селении Дейбук в собственности находилось пахотной земли на 2300 саб; в Меуси-

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, ед. хр. 105, л. 2—3; Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887, стр. 54; полевой материал, собранный нами в 1966—1967 гг.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ша — на 1500 саб; Викри — на 1500 саб. В Қана-Сираги пахотных земель было на 740 саб¹⁴, расположенных в местностях «Шиндандакила», «Къямбакила», «Украла», «Бакъагнакила», «Цулерканила», «Цергьола», «Элабурхила», «Мургила», «Колабакила», «Хъунцела», «Ургар цурми», «КадбехИтакила», «Габела бикла», «Чакала хъа гела».

В селении Герга имелось пахотных земель на 980 саб засева, Мугри — на 900, Цураи — на 500, Цизгари — на 480, Бускри — на 800 и т. д.¹⁵

Частновладельческие сенокосные участки были расположены дальше пахотных полей. Это были в основном сенокосные горы, разделенные между индивидуальными хозяйствами. В Урахинском обществе частные сенокосы находились в местностях: «Чаба гилала», «Биларкылишила», «ХъяллихІана къада», «ХІамхІала мурби», «Мухыла мурби», «Къукъяра», «Гида дубри»; в Н.-Мулебкинском обществе — в местностях: «ХъяллигГела», «Гурхыи», «Къяба», «Урчугагъала»; в Қана-Сираги — в местностях: «Къавкъав», «Къябала бяхІ», «Шурайла хъяб»; в Мургуке — в местностях: «ХІямрила дубура», «ХІясамбейла мура», «Салтан мура», «Дуге», «Гела мурби», «Ирьила мура» и т. д.; в Бурдеки — в местностях: «Гивчила къада», «ГЕжнела мурала гинцИла», «Цурала хъво муза» и т. д.¹⁶

В частной собственности помимо пахоты и покосов находились и отдельные участки леса. Однако таких лесов было мало и владели ими самые богатые представители сельских обществ Союза. Так, например, в Н.-Мулебкинском обществе частный лес находился в местностях: «Чапахъа вацІа», «Къаратхъа вацІа», «ХІясахъа вацІа», «Сикъыхъа вацІа»¹⁷. Названия этих участков произошли от имен их владельцев.

Второй формой собственности на землю являлась мечетская земля, которая называлась «вакуфом», или же «мискІитла ванза», «мискІитла мура», «мискІитла хъуми».

Возникновение у даргинцев вакуфа, как и у других

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Полевой материал, собранный нами в 1966—1967 гг.

¹⁷ Полевой материал, собранный нами в 1965—1966 гг.

народов Дагестана, связано с распространением ислама. Но в то же время вакуф мог возникнуть и постоянно увеличиваться только в условиях наличия свободно отчуждаемой частной земельной собственности, когда хозяин земли мог по своему усмотрению и желанию распоряжаться ею, ибо не везде сельские общества имели, например, пахотные земли, которые они могли бы передать в пользу мечети.

Источником возникновения вакуфа являлись завещания верующих в пользу мечети пахотных и сенокосных земель в надежде на отпущение грехов и за счастливую жизнь в «потустороннем мире». В одних случаях собственник земли завещал в пользу мечети определенную часть дохода (урожая).

Притом это завещание вносить в пользу мечети известное количество зерна с определенного земельного участка переходило и к новому хозяину, если земля передавалась по наследству или же покупалась другим членом общества.

В других же случаях собственник земли завещал в пользу мечети либо определенный участок мулька, либо весь мульк. Последний случай как раз и являлся основным и притом постоянным источником пополнения мечетской земельной собственности.

Количество вакуфных земель по сравнению с частновладельческими землями было мало, в особенности в маленьких обществах. Самое большое количество мечетских земель находилось в Урахинском обществе, где было 6 мечетей — три в Нижнем ауле (по одной мечети в каждом квартале) и три в Верхнем ауле, из которых одна являлась главной — «хола мискит». Каждая мечеть имела как свои вакуфные земли, так и определенные доходы (известное количество зерна) с частновладельческих земель.

Мечетям Нижнего аула принадлежали пахотные участки, расположенные в местностях «Гяртла гинцила» — по пути в селение Мургук, площадью 1 гект., «Хала гила», «Кьяртлаши» (0,25 десятины), «Диргонила», «Хъаникъада», «Кьулла къада», «Къада гьуни», «Цабарги», «Бяхимудла хъу», «Вайгяли хъу».

Мечетские земли Верхнего аула были расположены в местностях «Чахьнаула», «Чакалла гинизла гила», «Гинкъила», «Хябкалигила». Здесь были также участ-

ки, которые носили названия кварталов и мечетей, которым они принадлежали, как, например, «БурхИкьотІла мискИтла хьу». Кроме того, имелись земли, принадлежащие непосредственно главной мечети — «Хола мискитла хьуми». Больше всего земель находилось у главной мечети. Кроме того, сюда приносили много хлеба.

В Н.-Мулебкинском обществе было 4 мечети. Земли их находились в местностях «Шиллиула», «ХІяммуз», «Кьакьашурми» (на два барха засева). В селении Кана-Сираги было 3 мечети, но земли имела только мечеть, расположенная в Хьарша (нижний квартал). В местности «Эльбиль гІяюр» находились два пахотных участка на 5 барха засева, а в местности «Кьябализи» находились мечетские сенокосы. 4 мечети было в селении Меусиша, каждая из них имела вакуфы, но основные находились в собственности главной мечети, расположенной в квартале «БурхИ кьотІ». Эти земли находились в следующих местностях: «Кирмуса» — 4 участка, «Конибуждан майдан», «Байгьаргьуйура», «Шантела хьу».

В селении Кичи-Гамри две мечети имели 7 участков в местности «Кьарала дуб» на 5 барха засева и в местности «БурхИла» на 3 барха засева; мечети селения Мургук имели земли в местностях «Хьябла ишил шали» и «Чалладар». В Маммауле мечетская земля находилась в местности «Кьарабугьа».

Каждое завещание записывалось в мечетских книгах. Однако, в результате того, что почти все книги на арабском языке были уничтожены в 20—30 годы, до нас дошли только отдельные записи о завещаниях. В них были указаны конкретно имена собственников земли и названия участков, которые были завещаны в пользу определенных мечетей. Так, в селении Урахи известно, что участок в местности «ГІяртла гІиниз» пожертвовал мечети местный житель по имени Багомед. Житель селения Ая-Махи Алигаджиев Магомед пожертвовал в пользу главной мечети пахотный участок на 2 мерки (барха) засева в местности «Чахьнаула». В пользу мечети одного из кварталов Нижнего аула Урахи, который называется «ГІялзи кьотІ», Мустапакади пожертвовал пахотное поле «Мустапакьадихьала хьу» на 3 барха засева. Расположен этот участок в местности «Кьада хьуни». Омар — сын Мамаша завещал мечети пахотный участок в мест-

ности «КъяртIаши», где в настоящее время расположена совхозная птицеферма¹⁸.

В селении Кичи-Гамри имелась книга на арабском языке, в которой была запись о том, что женщина по имени Гъжар завещала мечети 5 участков пахоты, расположенные в разных местах¹⁹.

Сохранилось немало записей о пожертвованиях в пользу мечетей определенных доходов с частновладельческих земель. Это главным образом известное количество зерна, из которого хозяин мулька выпекал хлеб и приносил в пятницу в мечеть.

В рукописи Корана, переписанной в XIX в. жителем селения Урахи Адзиевым Нурбагандом, которая хранится у сына переписчика Нурбагандова Магомедом, имеются следующие записи о пожертвованиях зерна в пользу мечетей Урахинского общества. Житель селения Урахи Абдусалам завещал мечети со своего пахотного поля под названием «КъайтугIила» 1 мерку (сах) пшеницы. Алиев Магомед завещал 0,5 саха пшеницы, Пархадаров Магомед—800 гр. пшеницы, Малламагомедов Муртузали—7 сахов пшеницы.

В этой же рукописи Корана имеется запись о том, что в начале XIX века Джанаев Гусейн завещал мечети 1 сах пшеницы с пахотного поля, расположенного в местности «КъяртIа бахI», а Халимбек—сын Муртузали завещал 2 саха пшеницы с пахоты, расположенной в местности «Мутайла БахIяндла хьо муза»—недалеко от местности «КъяртIаши», где находится совхозная ферма²⁰.

Сборы от пожертвований мечетям были довольно значительные. По свидетельству Г.-М. Амирова во второй половине XIX в. в пользу мечетей Урахинского общества собиралось таким образом ежегодно от 200 до 300 мерок пшеницы²¹. Большая часть этой пшеницы должна была расходоваться на содержание мутаалимов, а меньшая—раздавалась бедным.

Кроме вакуфов, которые принадлежали непосредственно мечетям, были еще и личные вакуфы. Это главным образом пахотные поля либо непосредственно пожертво-

---

¹⁸ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

¹⁹ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

²⁰ Там же.

²¹ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 45.

ванные собственниками земли в пользу духовенства, либо специально учрежденные джамаатом участки земель для содержания духовных служителей. В Урахинском обществе один из таких видов вакуфных земель назывался «будуйс далганти хъуми», т. е. земли, засеваемые будуну.

Кроме того, о наличии личных вакуфов духовных служителей свидетельствуют и сохранившиеся до наших дней названия отдельных участков земель. Так, например, возвышенность на пути в селение Н.-Мулебки до сих пор носит название «Будо хъо муза», т. е. «возвышенность пахотного поля будуна», что говорит о том, что вся окружающая этот холм территория принадлежала будуну.

Характерной особенностью мечетской собственности на землю являлось то, что вакуфы не подлежали дележу и отчуждению, не могли быть переданы в собственность кому бы то ни было. Вакуфы — это земли, которые навечно передавались в собственность мечети, это мечетские мульки. Поэтому они способствовали экономическому усилению мечетей и крупного духовенства. Хотя доходы с вакуфных земель и скота должны были расходоваться на религиозные и благотворительные цели, однако на практике большая часть их поступала в распоряжение служителей мечетей, под общим ведением которых и находились земли и все имущество мечетей.

Наличие и развитие мечетского землевладения и введение заката²² являлись показателями феодализации обществ союза Каба-Дарго.

Третьей формой собственности на землю являлась общественная (джамагIятла ванза). Сюда относились главным образом пастбища, выгоны и леса. «У горцев Дагестана, — писал М. М. Ковалевский, — как и у лезгин Закагальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоти и лугам. Никто не вправе делать заимки в общинной пустоше и лесе, не получив на то предварительного согласия всей общины»²³.

---

²² Закат — это налог, установленный шариатом для всех мусульман, который поступал в мечеть и должен был раздаваться сиротам и бедным членам общества.

²³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 62.

Общественные пастбища Урахинского общества в основном находились в междуречье — в местностях «Дамшулла къада», «Къолиула», «Мурдалиги къада», «Забла хьо диркъа», «Арау къада», «ХIворе ше къада», «Гъургъалиги», «МяхIги», «Хунзи къакъри», «Къукъяра», «Ирау», «Къвьяцнаула», «Дацела бахIла гIилала»²⁴. Кроме того, в собственности Урахинского джамаата находился еще ряд пастбищных гор, из которых наибольшее значение имели «Чаба бахI», «Сирса дубура», «Умханаши»²⁵, «Туманар дубурти», или «Даргала дубурти» и «Зиха дубура»²⁶.

Гергинское общество имело в собственности одну пастбищную гору под названием «Зурикила», Мугринское общество — одну пастбищную гору — «Унцала дубура». В собственности Кана-Сираги имелись три пастбищные горы — «Цавти-Кала», «Урга-дубура», «Каркал»; Дейбукское общество имело в собственности пять пастбищных гор под названиями: «Бука-Кала», «Дагба-Калила», «Кая-ула», «Холла-урга» и «Гунна-Марсила»; Меусинские общество — четыре пастбищных места: «Урцима», «Чиа-Шурахи», «Вуглухарила» и «Бутаула»; Бускринское общество — пастбищную гору «Чегак»; Шаднинское общество — пастбищную гору «Кара»; Викринское общество — пастбищную гору «Табакак»; в собственности Нижне-Мулебкинского джамаата находились две пастбищные горы под названием «Дзиха» и «Даркур»²⁷.

Кроме этого, каждый джамаат имел около своих сел пастбища, где пасли коров, телят, волов. Такими пастбищами, например, в Мургуке являлись «Къадала диркъла гъалала», «Жунубургела», «ГIела къвотIла балIни», «ГIунибак-гIинзикъватI», «Дуге шурайкила»; в Н.-Мулебки — «КIел ше ургала», «Хола къар», «ХIябкъяй», «Дирго къади», «КIикъвораула»; в Кана-Сираги — «БурхIела», «МиркъигIала», «Къаркъализила», «ЦIябтаки»; в Бурдекинском обществе — «ХIалкъая къада», «Нугрела къада», «Джанга», «Къалла шуллаки», «Гъуми гъала»,

²⁴ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

²⁵ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887. стр. 55; полевой материал собранный нами в 1965 г.

²⁶ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

²⁷ Даргинский округ Дагестанской области..., стр. 55, 59, 63, 67.

«Гпямци»; в Меусишинском обществе «Хйурцйима», «Хъархъала хйайула», «Буклуки», «Чйягйяшурала», «Бу-таула», «Дачла унца хъяб», «Къяба бяхI», «Балзала хъо бухIнала» и т. д.²⁸.

Особым видом общественной собственности на землю являлись «хасарбатские» земли²⁹, т. е. земли, которые были пожертвованы членами общества в благотворительных целях в пользу джамаата.

Возникновение хасарбатских земель относится к периоду появления и дальнейшего развития частного землевладения. В связи с переходом земли в частную собственность с правом свободного распоряжения и образуется особая форма завещания или пожертвования собственности в пользу общины. Однако особое развитие хасарбат получает в связи с распространением и укреплением ислама, о чем говорит и само название его, возникшее от арабского слова «хас» и даргинского — «батес». При господстве частной собственности земля жертвуется не потому, что нет наследника или права отчуждения: земля жертвуется джамаату в благотворительных целях, за отпущение грехов и в надежде на лучшую загробную жизнь. При этом пожертвование совершается и при жизни собственника земли, и при наличии наследников.

Хасарбатские земли—это в основном пахотные участки, которые после пожертвования, как правило, превращались в общественные пастбища или вернее пустоши. Эти земельные участки никто не имел право вспахивать, захватить или присвоить себе. Такими участками в Урахинском обществе являлись «Будун Гвямарла хъу», «Мянгу Бахйямадла хъо кьольа бухIнала», или «ПишанкIи», в местности «ХIалкIлишила», «Хосаллишила» (само название говорит о том, что это хасарбатская земля). «ПяцIа диркья».

Известны до сих пор названия бывших хасарбатских земель и в окружающих селение Урахи хуторах. Так, в Аймау-Махи примерно на расстоянии одного километра от селения находится овраг в 0,3 га, называемый «Хасарбатла къада». А рядом с Ая-Махи (между селением

²⁸ Полевой материал, собранный нами в 1965—1967 гг.

²⁹ «Хасарбат» — произошло от арабского слова «хас», означающего «личные», «частные», «собственные», «особенный», «специальный» и даргинского слова «батес» — оставить. «Хасарбатур» означает отказаться от права на владение, от права собственности на землю.

и лесом) находится участок площадью около 0,06 га, носящий до сих пор название «Хасарбат»³⁰.

В селении Нижние-Мулебки хасарбатские земли находились в местностях «Янци хІяруби» площадью на 6 барха засева, «Уллуки» — на 7 барха засева, «Хъаркес-хъа мура»; в селении Мургук — в местностях «Хъяблила», «Геллагъум», «Гутайкила», «ГІябнаула», «ГелзбяхІ»; в Кичи-Гамри — в местностях «Къарала дуб», «Кайхусла хъула авараг», «Гъябжнала гьалала»; в селении Бурдеки — в местности «ХІябралаки» (0,4 га) и «Хъулила хъар»; в Кана-Сираги — в местностях «УргаргІурбаки», «Нуллайла хасарбат» и т. д.; в Меушиша — в местностях «Тутіла» и «Букум»³¹.

Из сохранившихся сведений известны и имена отдельных общинников, пожертвовавших участки земли из своих мульков в пользу джамаата. Так, местность «Къольгалишила» в селении Урахи была пожертвована жителем его по имени Инжила Али. Пахотное поле «ЧакацІулла бахІ» было пожертвовано Урахинскому джамаату сыновьями Абдусалама Алибеком и Абдулмажидом при свидетелях Айсамирзе и Муртузаали. Оно было превращено в общественное пастбище³². В местности «Араудиркьа» находился участок площадью в 1 гектар, пожертвованный собственником земли за отпущение грехов. Здесь проходила дорога и находился хороший родник. Поэтому это было очень удобное место для отдыха путников и пастьбы скота.

Конечно, в условиях малоземелья не могло быть и речи, чтобы без какой-то компенсации, выгоды для себя или же какой-нибудь более веской причины, собственник жертвовал джамаату такие большие участки земли. А в данном случае, по-видимому, он либо получал из общинных земель взамен пожертвованного в пользу джамаата участка — другой участок, или были другие какие-то причины заставившие его пойти на это.

В селении Н.-Мулебки участок земли «Янци хІяруби» завещал джамаату Зухадин БахІямма; в селении Кичи-Гамри участок в местности «Къарала дуб» завещал джамаату Сулейман ГІямар, участок в местности «Кайхусла

³⁰ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

³¹ Полевой материал, собранный нами в 1965—1967 гг.

³² Рукопись Корана, хранящаяся у жителя селения Урахи Нурбагаanova Магомед.

хъула авараг» — женщина по имени Гъжар; в селении Қана-Сираги участок земли под названием «Нуллайл: хасарбат», о чем говорит само название участка, завещал Нуллай.

Согласно сохранившимся сведениям, участок земли под названием «Хасарбатла къада» в селении Аймау-Махи был пожертвован в пользу Урахинского джамаата одним местным богачом³³.

В ряде случаев мульковладельцы жертвовали свою пахоту не только для превращения ее в пастбище или же пустошь, но и для кладбищ. Так, одно из старых кладбищ в селении Урахи называется «Хасарбатла диркъа», т. е. пожертвованная поляна. Имеется также и ряд других кладбищ, территория которых, по сообщению старожил, являлась мулками жителей селения Урахи.

Хасарбат являлся одним из источников увеличения земельной собственности общин.

Вплоть до XVIII в. в ряде обществ в общинной собственности сохранились и некоторые сенокосные горы и отдельные пахотные участки. По имеющимся сведениям, общественными сенокосами Урахинского общества являлись «Къяба дубура» и «Дигвела дубура». На этих горах все жители Урахинского общества имели паи — участки, достававшиеся в результате передела их по жребию.

После стычки с нижнемулебкинцами, происшедшей в местности «Ахтарца хIаркI», гора «Къяба дубура» в счет дията за убитых была отдана Н.-Мулебкинскому обществу. А после столкновения с дегвинцами гора «Дигвела дубура» была передана Дегвинскому обществу. Меусишинское общество также имело джамаатский сенокос, находившийся в местностях «Гъалли» и «Чакала бяхI».

Говоря о наличии в общинной собственности некоторых пахотных участков, необходимо прежде всего отметить, что это не собственность родовой общины. Они имели различные назначения и различные источники и формы образования. Ими являлись, во-первых, пахотные участки, которые по решению джамаата были оставлены для нужд сельских обществ. Один такой участок селения Урахи находился в местности под названием «Забгурела гIилала»³⁴. Во-вторых, источником образования общест-

³³ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

³⁴ Полевой материал, собранный нами в 1965 г. Сообщение Халимбекова Алибека, 1880 г.

венной пахотной земли являлся указанный выше хасарбат. В рукописи Корана, переписанной в XIX в. Адзиевым Нурбагандом, имеется запись о том, что два участка пахотной земли в местности «Хала Гилала» пожертвованы «за отпущение грехов» одним жителем сел. Урахн в пользу джамаата. Доход с этих участков должен был расходоваться только на строительство моста, расположенного в Нижнем ауле в местности «ГубилигИла»³⁵. Поэтому они получили название «Губе хъуми», т. е. «пахотные поля моста» или «мостовые пахоты». «Губи» по даргински означает мост, «хъу» — пахота.

Общественные пахотные участки, доход с которых шел на строительство и ремонт мостов, находились также в местности «ХIябирХIа дяхI», «Ургуба» (на две мерки посева) и около нынешнего селения Аймау-Махи. В селении Мулебки такой участок под названием «Хунбар хъу» находился в местности «ХъяллиГела», другой участок — в местности «Шиллиула»³⁶.

Третьим источником пополнения общинного фонда пахотной земли являлась аренда пахотных угодий в других обществах. Так, урахинцы арендовали пахотные земли в местности «Ирау» и «Къуллики» (между селениями Мюрего и Утемыш), принадлежащие обществу Утемыш³⁷.

С точки зрения их образования общинные пахотные земли не являлись прямым остатком архаической общины, т. е. пережиточной формой землевладения первобытнообщинного строя. Хотя внешне формы общинного землевладения (о чем было сказано выше) и были унаследованы от первичной архаической общины, но они в XVIII—XIX вв. имели совершенно иную, новую подоснову. В условиях господства территориально-соседского принципа расселения* родовая форма землевладения была заменена территориально-общинной.

В собственности Урахинского и других обществ Каба-Дарго находился и лес. До присоединения к России урахинцам принадлежали как находящиеся вокруг селения маленькие участки, так и большие лесные массивы, из-

---

³⁵ Рукопись Корана, хранящаяся у жителя сел. Урахн Нурбагандова Магомедта.

³⁶ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

³⁷ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Из-во «Наука». М., 1965, стр. 53, 168; полевой материал, собранный нами в 1965 г.

вестные под названием «Будо гинизла къада», «Элдаи-лиула» (или местность «Буцра») и «ДешлахІялла ваца» (Дешлагарский лес)³⁸. Тянулся урахинский лес до местности «Ираула» и «Къуллики».

После присоединения к России в собственности Ура-хинского общества, помимо окружающих селение маленьких участков, остался только один лесной массив под названием «Буцра»³⁹. Много лесу было вырублено во второй половине XIX в. Жители Урахинского общества, — писал В. Вильер де Лиль-Адам, побывавший здесь в 70-е годы XIX в., — жалуются, что «урусские» вырубали мно-го лесу⁴⁰.

Из других обществ союза имели леса: Герга — один участок в местности «Буцулла къадди»; Мугри — два участка под названием «Хунзила» и «Худайзила»; Мур-гук — один участок под названием «Каклабах», который кроме этого общего названия имел и названия отдельных участков, как например, «Бахъанила», «Хулал бяхІ», «БиштІал бяхІ», «ХіянчІела гинцила», «Ахърумела къада», «ДубренцІела», «Къякъла бяхІ», «Бегала курми», «Къагаула», «Къархъунцела», «Дугегинцила», «Янсавала къада», «Ургала гъала». Кана-Сирагинское общество имело один участок леса «Гаргат»; Н.-Мулебкинское общество — три участка — «Къябаула», «Издачила» и «МяхІ-кила»; Цураинское общество — два участка леса — «Винца» и «Бурхила»; Дейбукское общество два участка — «Мамала-хуни» и «Атбулкара-бурхела»; Меушишинское общество — два участка — «Качур-маула» и «Калакила» и 4 участка совместных с Мугринским, Кана-Сирагинским и Цураинским обществами; Бускринское общество — 2 участка — «Цурачила» и «Бадарак» и т. д.⁴¹.

Количество земель, находящихся в собственности общин, в связи с дальнейшим развитием производительных сил, постоянно сокращалось. Сокращение общественного землевладения происходило как за счет выделения част-

³⁸ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

³⁹ Даргинский округ Дагестанской области..., стр. 55; ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 7.

⁴⁰ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 6.

⁴¹ Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 55, 59, 63, 67; полевой материал, собранный нами в 1965, 1966, 1967 гг.

ных земельных участков, так и в результате захватов земель друг у друга. Конкретные примеры по этому вопросу имеются почти по каждому обществу союза Каба-Дарго. Известно, что многие пастбищные и сенокосные горы Урахинского общества находились на границе с другими даргинскими обществами и даже ближе к последним, чем к самому Урахинскому обществу. Так, гора «Зиха дубура» была расположена около сел. Н.-Мулебки; гора «Дигвела дубура» — рядом с селением Дегва, входившем в Мекегинский союз сельских обществ; горы «Туманар дубурти» или «Даргала дубурти» — в районе селений Усиша—Дейбук—Муги, т. е. ближе к обществам союза Акуша-Дарго.

Когда и каким образом эти земли попали в собственность Урахинского общества, сведения не говорят. Видимо, это произошло в то время, когда Урахи, как многолюдное и сильное общество, распоряжалось землями других аулов меньших по величине и насильно отнимало их участки земли⁴². Однако последние не могли в особенности в условиях малоземелья, связанного с ростом населения, мириться с таким положением. Поэтому между ними и Урахинским обществом часто происходили из-за земель столкновения, которые в конечном счете кончались не в пользу урахинцев.

В конце XVIII века верхнедаргинцы сделали попытку силой захватить у Урахинского общества пастбищные горы «Даргала дубурти». На этой почве началась вражда, которая длилась семь лет.

Верхнедаргинцы каждый год выжидали пока начнут созревать хлеба урахинцев и тогда выступали с большой силой, осаждали Урахи и сжигали на корню весь урожай хлеба.

В арабской рукописи сохранились записи о последнем походе верхнедаргинцев, который был совершен в 1211 году хиджры (1796 г.)⁴³. Четырнадцать дней длилась осада сел. Урахи. В связи с тем, что река, которой пользовались урахинцы, протекала за крепостной стеной, у осажденных создавалось очень тяжелое положение. Поэтому они делали частые вылазки. Верхнедаргинцам

---

⁴² Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 13.

⁴³ Рукописи арабских книг, хранящиеся у жителя сел. Урахи Муртузалиева Газибаганда и жителя сел. Мулии-Махи Абдулхалимова Магомедом. Сведения собраны нами в 1965 г.

удалось прорваться в Верхний аул. В такой критический момент одна старая урахинка по имени Ахьил-Дадай, встав на край обрыва, где с Верхнего аула виден Нижний аул, крикнула, что неприятель бежит из Верхнего аула. На самом же деле противник прорвался в Верхний аул и на улицах его шла рукопашная схватка. Услышав слова старухи, защитники Нижнего аула последними силами напали на противника. Верхнедаргинцы, которые наступали на Нижний аул, тоже слышали слова старухи. Они пришли в замешательство и начали отступать. Увидев это и решив, что бой проигран, покинули селение и те верхнедаргинцы, которые прорвались в Верхний аул⁴⁴.

После этого в сел. Акуша собрались представители Урахинского общества и верхнедаргинцев вместе с маслаатчиками (посредниками) из Кумуха, Чоха, Буйнака, Табасарана и др. Маслаатский суд решил передать пастбищные горы Урахинского общества верхнедаргинцам, как неправильно присвоенные в старину урахинцами. Однако представители Урахинского общества не согласились с этим решением. Тогда было решено передать этот вопрос на разбор шариатскому суду. Последний в составе семи кадиев, вынес решение отобрать у урахинцев и передать верхнедаргинским обществам спорные горы в счет дията за убитых и раненых.

Урахинцам пришлось примириться с этим решением.

Отобранные у урахинцев горы были переименованы из «Туманар дубурти» в «Даргала дубурти», т. е. «Даргинские горы»⁴⁵.

Нередко происходили столкновения урахинцев за пастбищные и сенокосные земли и с ближайшими соседями — мулебкинцами. В результате в начале XIX в. за кровь убитых мулебкинцев урахинцам пришлось уступить Мулебкинскому обществу две горы — «Кьяба дубура» и «Зихела дубура»⁴⁶.

Народные предания сохранили известия и о столкновениях за сенокосные горы урахинцев с мекегинцами и дегвинцами. В предании сообщается, что представители спорящих сторон собрались для разбора вопроса на спорной горе. Дегвинцы, насыпав в обувь землю, взятую

---

⁴⁴ А. Далгат. Указ. соч., стр. 8—9; полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

со своей территории, дали клятву на Коране, что они стоят на своей земле и, так обманув урахинцев, стали владеть горой «Дигвела дубура». После этого урахинцы вынуждены были покупать у дегвинцев на этой горе сенокосные участки⁴⁷.

Немало земель было отнято у Урахинского общества после присоединения к России.

«С утверждением русских, — свидетельствует Г.-М. Амиров, — утвердилось и правосудие, и мелкие аулы, опираясь на него, подняли головы и добились, чего желали. Начальство, решив дело в их пользу, было совершенно справедливо. Ободренные этим, некоторые аулы подняли иски и на такие местности, на которые они никогда не имели никакого права»⁴⁸.

Урахинцы были недовольны новыми порядками. Г.-М. Амиров описал разговор собравшихся на «гумае» стариков. «Эх! Прошли счастливые времена», — сказал один из присутствующих, — писал он, — «когда перед нашим именем дрожали сотни аулов, вместе взятые. А теперь и самый ничтожный из них **расхаживает на нашей голове** и отнимает мало-по-малу наши посевы, наши покосы, леса и пастбища. Подождите: они скоро доберутся и до наших жен и детей. Да! Прошли золотые времена, и нет им возврата!...»⁴⁹.

Особенно резко обострились в XIX в. отношения из-за земель с жителями селения Бурдеки, относящегося к Гамринскому обществу. Селение это, как указывалось в первой главе, возникло на месте, где сходились границы земель трех аулов: Урахи, Мюрего и Утемыш.

Сначала бурдекинцам было достаточно земли, данной им утемышским беком, но потом, с увеличением населения, возросли и потребности в земле. Они попросили у урахинцев и мюрегинцев уступить им в пользование часть земли. Просьба их была удовлетворена. Но со временем бурдекинцы начали претендовать и на другие земли и пастбища своего стада на пастбищах Урахинского общества. Это приводило к столкновениям и жалобам⁵⁰.

---

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 13.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, стр. 62—68.

В конечном счете в начале 70-х годов дело окончилось в пользу бурдекинцев, «опять таки на основании того, что прежде» аул Урахи «насиленно отнимал участки земли у соседей»⁵¹.

После присоединения к России были отняты у Урахинского общества и участки леса, расположенные к западу от селения.

До русского завоевания урахинцы позволяли жителям селений, лежащих к западу от Урахи и лишенных леса, привозить дрова из своего леса. Но с основанием урочища Дешлагар (нынешнее сел. Сергокала) было уничтожено много леса и урахинцы почувствовали недостаток в топливе и строительном материале. В связи с этим они и запретили «чужим» рубить дрова в их лесу. Последние обратились с жалобой к начальству. Со временем их просьба была удовлетворена и они стали пользоваться этим лесом на равных правах с урахинцами⁵².

Столкновения из-за земель происходили и между другими обществами. Во время переселения на границу своих земель части хозяйств Утемышское общество дало им пахотные и сенокосные земли в местности «Инчхела». По истечении многих лет утемышцы решили отобрать эти земли и дать взамен худшие земли в местности «УнцгИнзи» — на границе Кичи-Гамри и Утемыш. Но бурдекинцы не согласились и в конце концов маслаатский суд решил вопрос в пользу Бурдекинского общества.

Происходили столкновения также между Бурдеки и Урахинским отселком Махарги-Махи из-за пастбищных мест под названием «Шин чяхИдикЮ хьичИлиула» и «АгъачбяхИла къада». Маслаатский суд из представителей общества Буйнак помирил эти два общества и с конца XIX в. стычки между ними прекратились.

В селениях Меушиша и в центре общества Гапш—Уркарахе сохранились сведения о ссоре, возникшей между меушишинцами и уркарахцами из-за сенокоса «Къяба дубура». Это был очень хороший сенокосный участок, занимавший десятки га земли, расположенный в 0,5 км от Меушиша и в 7 км. от Уркараха. Уркарахцы хотели полностью завладеть этой горой, а меушишинцы не хотели уступать. На этой почве между ними и возник острый конфликт, длившийся несколько лет. В этом конфликте

---

⁵¹ Там же, стр. 13.

⁵² Там же, стр. 68—71.

пострадало немало людей — меусишинцев и уркарахцев. Поэтому «Къяба дубура» в народе называют кровавой горой.

Согласно сохранившимся сведениям известно, что однажды схватка между уркарахцами и меусишинцами длилась так долго, что на помощь своим мужьям, братьям и сыновьям вышли многие женщины. По сообщению старожилов селения Меусиша, одна меусишинка, которая была замужем за верхнеуркарахцем, каждый раз подавала сигнал сельчанам — меусишинцам, разжигая соломенный костер на крыше своего дома, который сразу замечал меусишинский сторожевой. Он давал знать сельчанам, они готовились к отпору нападения уркарахцев.

Спор уркарахцев и меусишинцев из-за горы «Къяба дубура» был разрешен в результате поединка силачей. Спорящие стороны договорились решить вопрос в пользу того общества, чей силач одержит победу. Меусишинцы выставили своего силача Бугъа-Магомеда, а уркарахцы пригласили из сел. Кудагу силача Ваклаки. В единоборстве фактически не выявился победитель. Однако, так как некоторое преимущество было на стороне Ваклаки, то и спор был решен в пользу уркарахцев.

После этого поединка с согласия обеих сторон было решено: с начала осени до середины весны пользоваться горой «Къяба дубура» меусишинцам, а в остальное — самое хорошее время для пастьбы скота — уркарахцам⁵³.

Столкновения между кана-сирагинцами с соседним Меусишинским обществом происходили за гору под названием «ЧигIа шурагъала», которая находилась в 5 км. от обоих обществ. В одном из столкновений было убито 3 меусишинца, за что кана-сирагинцы отдали Меусишинскому обществу половину спорной горы⁵⁴.

Во второй половине XIX в. после образования комиссии для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестана, как и повсеместно, общества союза Каба-Дарго стали доказывать свои права на ряд земельных участков и предъявлять претензии к другим обществам.

---

⁵³ Б. Г. Алиев. История аулов Верхнего Кайтага. (История сел. общества Гапш). Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфиллиала АН СССР, инв. № 3978, л. 99—101.

⁵⁴ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

Интересно то обстоятельство, что из 455 дел, поступивших на рассмотрение и решение народного и окружных судов Дагестанской области за 1 год (с 1 ноября 1865 по 1 ноября 1866 г.), 268⁵⁵, т. е. около 59 процентов от общего количества дел, было рассмотрено Даргинским окружным судом. Это говорит о том, что поземельные споры больше всего возникали между даргинскими обществами. Спорные земли находились между селениями Бускри и Дибгаши—17 десятин; Меусиша и Уркарахом—3 десятины; Меусиша и Цизгари—7 десятин; Бускри и Уркарахом—14 десятин; Урахи и Бурдеки—200 десятин; Мугри и Меусиша—150 десятин; Урахи и Утемыш—56 десятин и 40 десятин; Урахи и Мюрего—1,5 десятин; Урахи и обществами союза Акуша-Дарго—400 десятин; Мургук и бывшим селением Башлы—1452 десятин; Урахи и Кичи-Гамри—40 десятин; Урахи и даргинскими обществами—700 десятин и т. д.⁵⁶

Итак, из приведенных материалов видно, что в Каба-Дарго в исследуемый период находилось несколько форм собственности на землю: частная, мечетская (вакуфная) и общинная. Частная собственность существовала издавна и являлась основной формой. Распространялась она на пахоту, сенокосы и отчасти на леса. Возникновение вакуфа связано с распространением ислама и с наличием права отчуждения. В общинной собственности находились в основном пастбища, пустоши, леса и отдельные пахотные и сенокосные участки.

Формы земледоль- зования.

Наличие различных форм собственности на землю вызвало и различные формы пользования ею.

Прежде всего выясним, что из себя представлял мультк, в чьей собственности находилась частновладельческая земля, ибо частная собственность являлась основной формой земельной собственности, которая и определяла социальную структуру даргинского общества.

Как показывает собранный нами на местах фактический материал, в XVIII—XIX вв. частновладельческие

---

⁵⁵ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 63.

⁵⁶ Журнал заседаний комиссии по земельным спорам между сельскими обществами. ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 3, л. 9, 10; ф. 2, оп. 3, д. 14-а, лл. 77, 96, 99, 106, 112, 120, 127, 131, 197; ф. 80, оп. 1, д. 13, лл. 90—96; ф. 80, оп. 3, д. 6, л. 7, 20.

земли — и пахотные, и сенокосные, и леса находились в полной и неограниченной собственности его хозяина. Он имел право свободного распоряжения своим мультком⁵⁷.

«Земельная собственность, — указывал К. Маркс, — предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»⁵⁸.

Хозяин мультка мог продать его, подарить, передать по наследству, завещать или передать мечети, уплатить за кровомщение, обменять с другими участками или на что-нибудь и т. д. «Полная, свободная собственность на землю, — писал Ф. Энгельс, — означала не только возможность беспрепятственно и неограниченно владеть ею, но также и возможность отчуждать ее. Пока земля была собственностью рода, этой возможности не существовало. Но, когда новый землевладелец окончательно сбросил с себя оковы верховной собственности рода и племени, он порвал также узы, до сих пор неразрывно связывавшие его с землей»⁵⁹.

Право отчуждения с юридической точки зрения составляет важнейшую составную часть права собственности.

В какое время возникло право отчуждения в обществах Каба-Дарго трудно сказать. Однако известно, что «развитие аллодиальной собственности» шло «параллельно процессу распада связей родственного характера»⁶⁰. В исследуемое время каждая семья Каба-Дарго, говоря словами А. Д. Давыдова, являлась безусловным частным собственником своего наследственного участка земли, дома, скота и инвентаря и по отношению к другим, даже близкородственным, семьям деревни вытупала как совершенно самостоятельная экономическая единица⁶¹.

---

⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 165.

⁵⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 167.

⁶⁰ Ю. В. Бромлей. Становление феодализма в Хорватии. Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 153.

⁶¹ А. Д. Давыдов. Афганская деревня. Изд-во «Наука. М., 1969, стр. 93.

Однако сельская община и тухум, как родственный коллектив, все еще стремились ограничить право отчуждения, свободную куплю-продажу «определенными традициями общинного землевладения, оберегавшими преимущественное право покупки общинной земли внутри общины»⁶². Как пишет Ю. В. Бромлей, исследуя становление феодализма в Хорватии, где было много схожего с Дагестаном, «в условиях малоземелья родственный коллектив, имевший различные права на недвижимость каждой входящей в его состав семьи (большой или малой), естественно, не мог безразлично относиться к потере этих прав»⁶³. Поэтому и возник институт предпочтительной покупки отчуждаемой земли родственниками собственника, являвшийся показателем того, что купля-продажа недвижимости и прежде всего земли «перестала быть случайным явлением»⁶⁴. В то же время это право могло возникнуть только в условиях наличия прочных имущественных связей между сородичами. Однако в условиях имущественной дифференциации право предпочтения являлось показателем концентрации земель в руках общинной знати, которая была заинтересована в запрещении продажи земли вне своей общины. Но, несмотря на все сказанное, на практике право предпочтения явно игнорировалось. Хотя джамаат и не одобрял продажу мулька иносельцу, общинники в необходимых случаях продавали свои земли не только односельчанам, но и представителям других обществ. Свидетельствует об этом как факт наличия в общинах «пришлых», имевших в собственности свои мульки, так и наличие в собственности иносельцев отдельных земельных участков в обществах Каба-Дарго, на что указывает топонимика земельных участков. Так, в Мургукском обществе один из земельных участков назывался «Г'ярбукIа хъуми», т. е. пахотные участки кубачинца, а другой участок — «Усьа хъуми», что значит «пашни усишинца».

Многие богатые представители Урахинского общества имели земельные участки в селении Кичи-Гамри. Эти земли находились в местностях «Ургуба», «Къарабугъа», «ДугIяше къаси», «КъицIла хъу» и т. д. В этом же об-

---

⁶² К. З. Ашрафян. Аграрный строй северной Индии (XIII-середина XVIII в.). Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 235.

⁶³ Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 333.

⁶⁴ Там же, стр. 172.

шестве купили себе пахотные участки отдельные представители Мугинского общества — в местности «КантI-кантI» и т. д.⁶⁵.

Все это говорит о том, что стремление общины ограничить отчуждение земельной собственности за его пределы являлось лишь показателем стремления общины сохранить былые архаические формы в пользовании землей. Однако это не меняло существа дела. Хозяин мулька являлся собственником в полном смысле слова, а не владельцем его, что было характерно в период господства общинной собственности на землю.

Как известно, одним из наиболее важных показателей свободного отчуждения недвижимости является институт завещания. Восточные даргинцы имели право завещать свои мульки кому угодно. В этом отношении для нас большой интерес представляет один документ, составленный в 80-е годы XIX в., где говорится: «Земли наши мы приобрели сами, наследственно от отцов, и продаем во всякое время и кому пожелаем, завещаем мечети и даем за кровь, как наши собственные мюльки»⁶⁶.

Сельская община же, как собственник земли, теряет свое значение, о чем свидетельствует «сама возможность продажи участка чужаку и тот факт, что продает в конечном счете не община, а частник». Сельская община имела на мульк лишь косвенное право, которое заключалось в том, что она устанавливала общие для всех сроки сева и уборки урожая, т. е. в какой-то мере регламентировала пользование частной землей. Кроме того, заключалось оно также в существовании права пастьбы скота общинников на мульках до посева и после снятия урожая. Только в этом и заключалось существование сельской общины в исследуемый период как землевладельца по отношению к мульку.

Наличие частной собственности на землю с правом отчуждения являлось главным источником сосредоточения у одной части общинников больших земельных владений и обнищания другой части, т. е. было базой возникновения общественного неравенства внутри общины, выделения в ней господствующей верхушки над остальной массой общинников. «Аллодом, — указывает Ф. Эн-

---

⁶⁵ Полсвой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.

гельс,— создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность»⁶⁷.

Обнищание одних и сосредоточение в руках других членов общин больших земель было связано с тем, что, если при совместном владении землей большая семья вела одно хозяйство, то после раздела земли между индивидуальными хозяйствами в то время как одни из родственников в силу определенных причин вынуждены были продавать свои участки, другие имели возможность купить их. Поэтому, говоря о мульках, нельзя механически отождествлять группу частных владельцев, надо различать социальную природу каждой группы в зависимости от распределения земли между ними. В основе благосостояния каждой из этих групп лежала земельная собственность.

Главное в частном землевладении — это неравномерное распределение земли. Основная масса частновладельческих земель находилась в руках сельских богачей. Мелкая же собственность не играла особой роли в общем балансе частного землевладения и в экономической жизни общин, хотя количество мелких собственников было намного больше, чем крупных.

Наиболее крупными землевладельцами в Урахинском обществе в XVIII—XIX вв. являлись представители из тухума «Гябдулкьадирхъали», жившие на хуторе Мулии-Махи, в 3 км. от сел. Урахи.

Но и до переселения их на хутор, они имели в «Мулии» большие земельные владения.

Название тухума возникло от имени его главы Абдулкадира. В начале XIX в. Абдулкадир был кадием союза Каба-Дарго. Он имел огромную власть и получал большие доходы. По свидетельству Г.-М. Амирова, в XIX в. кадию Урахинского общества каждый из 12 «куала» (исполнителей) должен был давать ежегодно по 10 мерок (в мерке 1,5 пуда) пшеницы. Таким образом он получал 180 пудов пшеницы только в течение одного года⁶⁸.

Поэтому, занимая должность урахинского кадия, Абдулкадир еще больше разбогател и стал покупать муль-

---

⁶⁷ Ф. Энгельс. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 497.

⁶⁸ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 38.

ки, в результате чего он стал первым богачом Урахинского общества. О размерах его земельных владений можно судить по тому, сколько он дал земли трем сыновьям. Еще при жизни Абдулкадир дал каждому сыну — Газибею, Абдулкериму и Абдурашиду по 12 десятин (на 100 барха засева) земли. В собственности его находилось и много скота⁶⁹.

Кадием в селении Урахи был и сын Абдулкадира — Абдулкерим. Он являлся в середине XIX в. самым богатым человеком в Урахинском обществе. Половина местности «Чака шулла ургуба» принадлежала ему. В собственности у него имелся даже участок леса, находившийся напротив современного селения Махарги-Махи. Захватил он и другие земельные участки и огородил их. В местности «Бишт-Ал Ираула» Абдулкерим захватил себе земли площадью в 3 гектара, чтобы пасти свою лошадь. Если чужой скот заходил на его земли, то он захватывал его и резал.

Имел много земли и брат Абдулкерима — Газибей. Они были расположены в местности «Байгъабил гъуни», на пути в селение Н.-Мулебки (на 10 барха засева), около селения Урахи и хутора Мулии-Махи (на 50—60 барха засева) и т. д.

Частновладельческие земли переходили по наследству. Поэтому, как правило, дети богачей также имели в собственности большие земли. Так, в конце XIX в. одним из самых крупных землевладельцев Урахинского общества являлся сын Абдулкерима-кадия — Магомед. Земли его площадью в 12 десятин были расположены на плоскогорье вокруг хутора Мулии-Махи, где как и его предки он жил⁷⁰. Братья Магомеда — Иса, Абдулвагид и Абдурашид, хотя имели меньше земли, чем он, но тоже были многоземельными.

В селении Урахи в начале XIX в. многоземельным был и Гирган-Рамазан. Переселившись из селения Герга в Урахи, он купил здесь много земли и скота и стал одним из богачеев Урахинского джамаата. О размерах его землевладения говорит тот факт, что при выдаче замуж дочери, он выделил ей такой же участок пахоты, какие дал всем четырем сыновьям, хотя по шарияту ей положена была третья часть мужского пая.

---

⁶⁹ Полевой материал, собранный нами в 1965—1966 гг.

⁷⁰ А. Далгат, Указ. соч., стр. 68.

Крупными землевладельцами являлись ШягІбанхъали. Земли их были разбросаны повсюду. Даже в селении Кичи-Гамри имели они купленные у местных жителей мульки.

Одним из участков, принадлежавших раньше им в селении Урахи, являлось пахотное поле под названием «Хъота хъу», где сейчас более десяти хозяйств совхоза «Урахинский» имеют свои приусадебные участки площадью по 0,08—0,10 га.

Большим богачем в XVIII в. являлся ХъанцІа НурбагІанд — основатель тухума «ГъинчІухъали». В его собственности находилось много земель в местностях «ХІябкъай» (на 10 барха засева), «Омаршала хъяр» (на 15—20 барха засева), «Чакалла гІиниз» (на 25 барха засева), «БахІла гІилала» (на 20 барха засева, который до сих пор носит название «ГъинчІухъала гІярни»), в «Хола хІяллишила» (на 7 барха засева), «Къольялишила» (на 10 барха засева), «ГІяхим хъу» (на 20 барха засева), «ЧІугІясла къада» и т. д.

Еще при жизни Нурбаганд завещал в пользу джамаата («хасарбат») большое пахотное поле под названием «ХъанцІала хъу», на котором сеял магар. На пожертвованном участке Урахинский джамаат должен был хоронить умерших от чумы. В настоящее время — это заброшенное кладбище, расположенное рядом с кварталом «УргІа хІялла къвотІ», основанным тухумом «ГъинчІухъали».

Как и другие богачи, Нурбаганд, выдавая замуж единственную дочку по имени Ханум, дал ей много земли. В местности «Чакалла гІиниз» он дал ей участок пахоты — «Чакалла гІинизла хъу» площадью на 12 барха засева.

В собственности Нурбаганда имелось также много скота. Только одних буйволов было у него 18 голов⁷¹.

Большая площадь земли под названием «Ургуба» вплоть до Октябрьской революции находилась в собственности нескольких многоземельных семей Урахинского общества⁷².

Среди жителей Урахинского общества большие мульки

⁷¹ Полсвой материал, собранный нами в 1965 г.

⁷² Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 168.

ки (по 2—3 десятины) имели также Халимбеков Магомед, Магомед-Кади, Гасан-Кади, Холал Нурбаганд, Баганд-Чупан, Мангу-Баганд, Кадила Муртузали, Сиргала Газимагомед, Халимбейла Гасан и др.⁷³. «Довольно значительные посевы», — как об этом писал Г.-М. Амиров, имелись и у его отца⁷⁴.

Подобная картина наблюдалась и в других обществах союза Каба-Дарго. Здесь также богатые члены общества сосредоточили в своих руках основной земельный фонд. Это была местная феодализирующаяся знать, занимавшая в то же время высшие административные должности, которые позволяли ей еще больше обогащаться за счет рядовых общинников. В этом сказывалась роль собственности, выполнявшей «политическую и социальную функцию».

Так, в селении Мургук одним из богатеев являлся бек (талхъан), который являлся одновременно и старшиной Мургукского общества. Были ли раньше XVIII—XIX вв. беки в этом обществе — нет сведений. Только известно, что бек был поставлен в Мургук старшиной уцмием Кайтагским. Первым беком, посланным старшиной, как показали поверенные Мургука в 1884 г., был Гирей-бек, после него старшиной стал его сын Айди-бек. Примерно до конца 70-х годов XIX в. старшиной Мургука был сын Айди-бека Гирей-бек. После него остались один сын по имени Мутай-бек и четыре дочери, которые жили в Губдене и Карабудахкенте⁷⁵.

В собственности мургукских беков имелись большие земельные владения в местности «Лаг хІяри» (3 гектара), «БукІазила» (20 гектаров) и т. д.⁷⁶. «Земли для своих посевов, — говорится в одном нашем документе, — бек покупал у наших (мургукских—Б. А.) и башлинских узденей и такие купленные им земли были его мюльками»⁷⁷.

В зависимости и подчинении у мургукских беков находились рабы или кулы. Их было 4 хозяйства, всего 30 или 35 душ обоего пола⁷⁸. Бекские рабы жили отдельно

---

⁷³ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.; А. Далгат. Указ. соч., стр. 66—68.

⁷⁴ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 76.

⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, лл. 1, 2.

⁷⁶ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

⁷⁷ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1.

⁷⁸ Там же.

от свободных общинников — узденей. Они выполняли все необходимые в хозяйстве бека работы. Однако и само население Мургукского общества несло в пользу бека определенные повинности. Поверенные этого общества показали в сословно-поземельной комиссии, что «для этого бекского дома... работали всегда два дня, один день пахали и один день жали на его полях»⁷⁹. При этом бек только угощал мургукцев, но не оплачивал их труд. Мургукцы перестали работать на бека «с того времени, как освободили рабов, кулл бекских»⁸⁰.

Помимо всего этого, как и старшины других обществ, мургукский бек получал еще и половину всех штрафов, взимаемых с мургукцев⁸¹.

Разбогатевшая феодализирующаяся знать сосредоточила в своих руках не только пахотные и покосные земли, но и лесные участки. Таким владельцем, например, в Нижне-Мулебкинском обществе являлся Чапала Сулейман. Это был богатый человек, занимавший должность старшины Нижне-Мулебкинского общества. Отец его купил у Нижне-Мулебкинского джамаата, когда последнему необходимы были деньги, участок земли в 2 гектара, где росли маленькие деревья. Со временем здесь вырос большой лес и сын его Сулейман получил этот лес по наследству⁸². Этот лесной участок был расположен напротив хутора Ханц-Карка-Махи в местности под названием «Ганзурбаула».

В обществах, где наряду с земледелием ведущей отраслью хозяйства было животноводство, имущественная дифференциация узденей была по существу дифференциацией по количеству владения скотом. Разбогатевшая местная знать имела по сотни и тысячи овец и много крупного рогатого скота.

В противоположность феодализирующейся знати подавляющее большинство населения союза Каба-Дарго составляло узденство, которое с трудом сводило концы с концами. Среди них находилось значительное число и таких общинников, чья земельная собственность совсем не обеспечивала им средств существования.

---

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, л. 2.

⁸¹ Там же.

⁸² Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

Переходя по наследству из поколения в поколение, мульки общинников—узденей все больше и больше дробились на мелкие клочки, в то время как зажиточные хозяйства имели возможность дольше сохранить имущество в неразделенном виде и тем самым не дробить хозяйство и рабочие силы семьи. Как пишет А. Д. Давыдов в своем исследовании, посвященном афганской деревне, «уже самая практика раздела семейной недвижимости по наследству таит в себе возможность того, что размеры наследуемых участков окажутся недостаточными для ведения хозяйства и не обеспечивающими их владельцам даже минимума жизненных средств. В таком случае наследник вынужден продать или заложить свой участок или же уступить его брату и уйти на заработки»⁸³. Тем самым разорившиеся общинники отрывались от своих общин.

Но были и другие причины, заставлявшие бедняка расстаться со своим последним клочком земли: смерть взрослого члена семьи, на похороны и поминки которого нужны были большие расходы, равные по меньшей мере стоимости двух быков, сборы приданого при выдаче замуж дочерей, женитьба сыновей и т. д.⁸⁴. В результате они лишались последней экономической опоры, ибо, как отметили выше, в Урахинском и других обществах Каба-Дарго почти вся пахотная земля и сенокосы находились в частной собственности, а во владении общин не было земель, передаваемых между его членами.

Так, малоземельные из года в год пополняли ряды безземельных общинников—узденей. Дифференциация узденей в XIX в. достаточно заметна. Она все более и более углублялась, в связи с чем понижался социальный вес узденской массы. По данным комиссии для разбора сословно-поземельных прав населения Дагестанской области во второй половине XIX в. из 1065 хозяйств третья часть Урахинского общества вовсе не имела своих собственных земель⁸⁵. Такую же картину мы наблюдаем и в других обществах Каба-Дарго. Третья часть дворов не имела мульков также в Мулебкинском (более 180 хозяйств из 561) и Кана-Сирагинском (более 60 хозяйств

---

⁸³ А. Д. Давыдов. Указ. соч., стр. 47.

⁸⁴ А. Далгат. Указ. соч., стр. 44.

⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 7.

из 183) джамаатах⁸⁶; в селениях Мугри (более 70 хозяйств из 159), Цурай (более 50 хозяйств из 102), Цизгари (около 50 хозяйств из 93), Дейбуке (130 хозяйств из 259) не имела земельной собственности половина дворов; в селении Мургук не имела земли четвертая часть жителей⁸⁷ и т. д.

О наличии безземельных в Урахинском обществе пишет и Г.-М. Амиров. Описывая жителей, пришедших со своими жалобами к наibu, он говорит об одном жителе, который просил освободить его от «подати, так как у него нет ни дома, ни земли и никакого имущества. Это действительно была правда»⁸⁸.

Безземельными в Урахинском обществе являлись также и братья Омарази и Газихан, братья Булкадар и Джанайла Баганд, Вакла Курбан, Мирзадакала Муса, Нуллайла Магомед, Куртла Алибей, Рабада Алибей, Айбатиркали, Галдуев Арслан и др.⁸⁹.

Разорение и обнищание самостоятельного и независимого общинника — узденя и рост крупного хозяйства богачей являлись следствием наличия свободно отчуждаемой частной земельной собственности и наступления феодализирующейся знати, при которых часть крестьян быстро теряла свою земельную собственность. «Там, где уже имеется налицо отделение членов общины, как частных собственников, — пишет К. Маркс, — ... там появляются также и такие условия, в силу которых отдельный человек может лишиться своей собственности, т. е. может лишиться того двоякого отношения, которое делает его, с одной стороны, равноправным гражданином, членом общины, а с другой — собственником»⁹⁰.

Именно в силу того, что уздени лишались земельной собственности, становились они и неравноправными, и объектом эксплуатации со стороны феодализирующейся знати.

Лишившись земли, общинник искал пути и средства обеспечения жизни. Так, по свидетельству Г.-М. Амирова в 60-е годы XIX в. около них «жило одно семейство, состоящее из мужа (Буханд-Али), жены и троих сыновей.

⁸⁶ Там же, л. 2, 7.

⁸⁷ Там же, л. 7.

⁸⁸ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 70—71.

⁸⁹ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

⁹⁰ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 484.

Оно жило довольно счастливо и было обеспечено в материальном отношении, хотя у него не было поземельной собственности. Буханд-Али занимался производством седел, деревянных подносов, повозок, ящичков и т. п. Два старших сына доставали себе заработок, а мать их также не оставалась сложа руки. Словом, они имели свой уголок и свой кусок хлеба»⁹¹.

Однако не все так могли устроить свою жизнь и основная масса безземельных и малоземельных общинников — это сельская беднота, жившая либо на случайные заработки и за счет отхожих промыслов, либо арендующая землю у местных богачей или же в других владениях Дагестана.

В основном безземельные общинники не имели и скота, так как не имея покосов, они не имели возможность и содержать скот. В результате многие общинники доходили до полной обездоленности и бедности.

Особо не отличались от совершенно безземельных общинников и те, которые еще сохранили незначительные земельные участки. Имеющиеся в их собственности клочки земли не могли обеспечить им необходимых средств существования.

Так описывает одного из таких малоземельных общинников Урахинского общества Г.-М. Амиров. Это «был старик, — пишет он, — одетый очень плохо, с бледным, сухощавым лицом. Он сказал, что у него есть поземельная собственность, но она столь незначительна, что не может прокормить его в продолжении шести месяцев. Он сказал, что в прошлом году был неурожай и у него не было вовсе хлеба, к тому же у него околел бык и поэтому он не мог в нынешнем году засеять поле»⁹².

Таким образом, приведенные материалы показывают, что мульки в обществах союза Каба-Дарго были разных размеров. Это маленькие участки малоземельных общинников и крупные земельные участки феодализирующей общинной знати, расположенные в разных местах.

У восточных даргинцев, как и в обществах, входивших в Акуша-Дарго⁹³, и маленькие, и большие мульки, как форма землевладения, не отличались друг от друга —

⁹¹ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 60.

⁹² Там же, стр. 70—71.

⁹³ См. Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

это частные земельные владения. Владельцы их в равной степени имели по отношению к ним одинаковые права. Однако по форме пользования ими, т. е. по их сущности — это фактически две разные категории земель. Мульки малоземельных общинников — это земли, которые обрабатывались непосредственно своими владельцами, юридически свободными общинниками — узденями. Собственность и хозяйство рядового узденя — это мелкое земледельческое хозяйство. Мульки же крупных землевладельцев — это земли, в обработке которых применялась и чужая рабочая сила — как труд юридически свободных, но обнищавших узденей — односельчан (как путем сдачи земли в аренду, так и путем найма в период сельскохозяйственных работ), так и труд наемных рабочих из других обществ.

Аренда земли производилась или на половинных началах, или же за отработки. В одних случаях арендатор получал от землевладельца только землю, в других же — как землю, так и семена и рабочих быков.

Внешне, т. е. с формально-юридической стороны, здесь вроде и не было эксплуатации. На самом же деле под внешней оболочкой соглашения между землевладельцем и арендатором — безземельным или малоземельным узденем выступала одна из форм феодальной эксплуатации, напоминающая издольную систему. Выражалась эта эксплуатирующая в присвоении землевладельцем результатов неоплаченного труда общинника — арендатора. «Нужда в земле, — писал В. И. Ленин, — вызывает необыкновенно разнообразные формы кабальных отношений на этой почве»⁹⁴. Притом, как указывает далее В. И. Ленин, «натуральные аренды (т. е. аренды не за деньги, а исполу или за отработки) по общему правилу везде дороже денежных, и притом значительно дороже, иногда вдвое;... натуральные аренды развиты **всего сильнее в беднейших группах крестьянства**»⁹⁵.

Чем беднее был арендагор, тем больше подвергался он эксплуатации со стороны собственника земли, так как, пользуясь его безвыходным положением, последний мог навязать ему любые кабальные условия за аренду земли. Чтобы прокормить семью, беднота вынуждена была соглашаться с условиями землевладельца. Такую аренду

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 85.

⁹⁵ Там же, стр. 85—86.

В. И. Ленин назвал «арендой из нужды», «арендой ка-
бальной». «Арендатор, стоящий в подобных условиях,—
указывал В. И. Ленин,— не может не превращаться
в орудие эксплуатации посредством отработков, зимней
наемки, ссуды денег и т. д.»⁹⁶.

Эксплуататорская сущность аренды очевидна, так
как она способствовала присвоению прибавочного про-
дукта непосредственных производителей в хозяйстве соб-
ственника (или владельца) средств производства. Поэто-
му владелец земли—это не только «трудящийся субъект»,
но и эксплуататор, так как его средства производства
превратились, говоря словами В. И. Ленина, в «орудие
эксплуатации».

В хозяйстве крупных землевладельцев применялся
труд как батраков — «хъубзуры» — буквально «пахари»
или «работающие на поле», так и труд наемных сезонных
рабочих. К таким богачам, например, в Урахинском об-
ществе относились Абдулкерим, его сын Магомед, Гази-
бей и др.⁹⁷.

Кадры наемных рабочих в основном составляли разо-
рившиеся уздени.

По сообщению Исаева Лукмана его дедушка Абдулке-
рим помимо взрослых батраков держал у себя еще двух
ребят — Шахшуната и Гусейна, которых он после испол-
нения им по 30 лет женил и, дав землю, отпустил на жи-
тельство на хутор Ая-Махи. В период детства информа-
тора они были глубокими стариками⁹⁸.

Система найма батраков ярко иллюстрирует процесс
расслоения общинников.

К применению труда наемных рабочих многоземель-
ные члены общин прибегали главным образом в период
уборки урожая. Хорошо описал наем сельскохозяйствен-
ных рабочих землевладельцами Урахинского общества
Г.-М. Амиров. С наступлением периода жатвы «рано ут-
ром,—писал он,—крики рабочих, которые ищут нани-
мателя, оглушают аул. Они кричат: «аршихана игул»
(т. е. кому угодно (нанять) жнеца)?»⁹⁹.

⁹⁶ Там же, стр. 88.

⁹⁷ А. Далгат. Указ. соч., стр. 68—69; полевой материал, соб-
ранный нами в 1965 г.

⁹⁸ Полевой материал, собранный нами в 1965 г. Сообщение
Исаева Лукмана 1882 г.

⁹⁹ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 74.

Нанимались как местные жители, так и иносельцы. «Рабочие, которые предлагают свои услуги по утрам,— продолжает далее Г.-М. Амиров,— бывают иноаульцы. А местные рабочие находят себе работу еще до наступления времени жатвы»¹⁰⁰.

Жатва продолжалась до вечера. С наступлением сумерек рабочие возвращались домой, где их ожидал горячий хинкал в доме нанимателя. После хинкала местные рабочие расходились по своим домам, а иноаульские оставались у того, кто их нанимал на дневную работу¹⁰¹.

Несмотря на изнурительный тяжелый труд, продолжавшийся с рассвета и до самого вечера, наемные рабочие получали мизерную плату. «Рабочая плата у нас самая ничтожная,— писал Г.-М. Амиров. Она равняется 15—30 копеек на хозяйском корме, который обходится не дороже 10 копеек. Иногда работник нанимается на целый год. Он берется управлять всем хозяйством, работая более 14 часов в сутки, и за это он получает только **восемь рублей в год** (от 5 руб. до 12 р.) при хозяйских харчах и одежде; даже считаются счастливцами те, кто хоть на этих условиях найдет себе работу»¹⁰².

Как и при сдаче в аренду земли, землевладелец при найме рабочих получал прибавочный продукт в виде неоплаченного труда наемного рабочего. «В земледелии 1—2 рабочих,— указывал В. И. Ленин,— даже если бы они работали только летом,— вовсе не мало. А главное не то, много это или мало, а то, что к найму рабочих прибегают именно наиболее зажиточные, состоятельные хозяева»¹⁰³.

Многоземельные богатеи эксплуатировали рядовых общинников и с помощью родовой формы взаимопомощи, называемой у урахинцев «бухъа». По описанию Г.-М. Амирова «бухъа» в XIX в. устраивалась следующим образом: хозяин приготавливал бузу и водку, резал несколько баранов и потом давал знать, что завтра будет «бухъа» и желающие могут участвовать. Желающие вечером приходили к хозяину и изъявляли желание участвовать. Хозяин принимал услуги стольких лиц, сколько ему было нужно. Утром приглашенные собирались к дому хозяина и, по

---

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, стр. 75.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 190.

указанию его, отправлялись на поле. При крике и шуме, они (иногда числом 100 человек) работают до 12 часов, затем возвращаются в дом хозяина, и здесь начинался пир (той), при звуках зурны и стуке барабана. Пир продолжался до вечера, а вечером все расходились домой. Кроме угощений, хозяин не давал участникам «бухъа» ничего.

«Обычай этот, — продолжает описание «бухъа» Г.-М. Амиров, — очень развит среди горцев. Устраиваемый «вуку» бывает не в убытке, но и не в барыше, потому что у него на пир идет столько же, сколько пошло бы на наем рабочих»¹⁰⁴.

Как указали выше, наем рабочих обходился хозяину земли очень дешево, так как они получали маленькую плату за весь сезон. Однако даже при таких одинаковых расходах, надо полагать, что хозяину даже было выгоднее устраивать «бухъа» и за один день завершить работу по сбору урожая, чем нанимать рабочих.

Также как и при найме рабочих, при проведении «бухъа» землевладелец присваивал результаты неоплаченного труда его участников. Следовательно, «бухъа», будучи порождением родового строя, в условиях разделения общества на богатых и бедных, из первоначальной формы родовой взаимопомощи, сохраняя эту внешнюю форму, фактически превратилась в средство эксплуатации сородичей и сельской бедноты. В условиях разделения общества на богатых и бедных «бухъа», став формой односторонней помощи, по своей сущности выступала как отработочная форма эксплуатации свободных общинников. «Это по существу повинность, — пишет профессор И. П. Петрушевский, — довольно обычная в условиях раннефеодальных отношений»¹⁰⁵.

В животноводческих обществах союза Каба-Дарго, в особенности там, где арендовались летние и зимние пастбища в других обществах и владениях Дагестана, эксплуатации общинников со стороны феодализирующейся знати способствовала также форма ведения отгонной системы овцеводства. Сами мелкие овцеводы не имели возможности арендовать пастбища для своих овец из-за

¹⁰⁴ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 77.

¹⁰⁵ И. П. Петрушевский. Социальная структура Джаро-Белокавказских вольных обществ накануне российского завоевания. «Исторический сборник», 1. Изд-во АН СССР. Л., 1934, стр. 224.

высокой арендной платы. Поэтому, как правило, они присоединяли своих овец к отарам крупных барановодов, за что последние получали от них определенную часть приплода, шерсти, молока и брынзы.

Другая форма эксплуатации — это наем мелких барановодов в качестве чабанов за разрешение присоединить их овец к отарам крупных барановодов. В этом случае крупные барановоды получали бесплатную рабочую силу.

Зачастую богатые члены общин использовали для ухода за скотом обедневших родственников. При этом эксплуатация чужого труда часто прикрывалась различными патриархально-родовыми пережитками.

Феодализирующаяся знать эксплуатировала общинников и с помощью общинной формы найма пастухов для содержания крупного рогатого скота. Как указывалось во второй главе, наиболее распространенной формой содержания крупного рогатого скота была пастьба по очереди, называемая «ирга», при которой каждый член общины ходил за стадом столько дней, сколько голов его скота входило в стадо. Однако, — как пишет Г. Г. Османов, — «во многих горных аулах, где патриархальщина была наиболее живуча, каждый член джамаата выпасал общественное стадо независимо от того, сколько голов его скота находилось в стаде. В этом случае старая система явно служила новому нарождающемуся классу, обеспечивая ему даровую рабочую силу»¹⁰⁶.

Одним из средств существования обедневших и разорившихся общинников являлся отхожий промысел. Урахинцы, например, «с давних времен вынуждены были уходить на заработки»¹⁰⁷. В основном они батрачили на кумыкской плоскости, «за кусок хлеба ходили за скотом». В конце 80-х годов XIX в. Б. К. Далгат писал об урахинцах следующее: «на отхожие промыслы, на плоскость, обыкновенно отправляются бедняки. Они осенью, зимой и весной там работают, а летом обыкновенно возвращаются на родину. Отходники обыкновенно уходят в Таркаму, приморскую полосу, в район Дербента, в Кизляр и другие места наниматься в работники к крупным хозяевам: жать хлеб, смотреть за скотиной, оберегать сады

---

¹⁰⁶ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 52.

¹⁰⁷ А. Далгат. Указ. соч., стр. 45.

и пр.»¹⁰⁸. Говорит об отходниках из Урахинского джамаата и В. Вильер де Лиль-Адам. Он писал также, что «зарабатывают они весьма мало»¹⁰⁹.

К концу XIX в. много отходников стало идти на железную дорогу, главным образом на Северный Кавказ, где работали в основном разнорабочими, и на нефтяные промыслы Грозного. Кроме того, к этому времени появились и такие, которые постепенно оседали на промышленных предприятиях Петровска и Дербента, на бакинских и грозненских нефтяных промыслах, на транспорте¹¹⁰.

Все это, таким образом, говорит о том, что даргинское общество Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. не только прошло в своем развитии общинно-родовой строй, этап господства сельской общины, но в него стали проникать элементы капиталистического уклада.

Однако при всем сказанном к исследуемому периоду в самих обществах союза Каба-Дарго, как и в обществах других союзов сельских обществ даргинцев¹¹¹, еще не сложился полностью эксплуатируемый класс, хотя и были известные предпосылки для этого (разорение и обнищание части узденства, правовая необеспеченность, фактическая гражданская неполноправность и т. д.). Во всех указанных выше случаях применения чужого труда (при арендной системе, найме местных и иноаульных рабочих и при «бухъа») общинники юридически были лично свободны. При этом положение узденя отличалось и от раба, и от крепостного, и от пролетария. Заключалось это отличие в том, что эксплуатируемый (общинник) — в особенности при наемной системе — являлся работником в чужом хозяйстве. Стать работником в чужом хозяйстве его заставляла не сила, внеэкономического принуждения, а нужда порожденная отсутствием у него необходимых средств производства. Но в то же время, становясь работником в чужом хозяйстве, общинник в какой-то мере терял право распоряжаться своей личностью. Нанявший-

---

¹⁰⁸ Б. К. Далгат. Указ. соч., — Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы). Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968, стр. 79.

¹⁰⁹ В. Вильер де Лиль-Адам. Указ. соч., стр. 3.

¹¹⁰ А. Далгат. Указ. соч., стр. 45.

¹¹¹ См. Б. Г. Алиев. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории). Канд. дисс. Махачкала, 1966, л. 181.

ся за определенную плату и на определенный срок в чужое хозяйство, попадал на этот срок и в определенную, иногда значительную личную зависимость от нанимателя, хотя она никогда не является полной¹¹².

И при аренде земли общинник неизбежно попадал в определенную зависимость от землевладельца, в особенности при невыполнении условий аренды. Однако аренда общинниками земли у своих богатых сородичей и односельчан носила краткосрочный характер и здесь нет внеэкономического принуждения, что говорит о слабости и незавершенности процесса классового образования у даргинцев, протекавшего в условиях наличия ряда пережиточных институтов патриархально-родового строя и сильного сопротивления со стороны общины. Развитие феодальных отношений в обществах Каба-Дарго, как и в других сельских обществах горного Дагестана, задерживалось внутренней общинной системой. Права узденей поддерживались и охранялись адатом и самой общиной. «Община (как государство), — указывал К. Маркс, — с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время она их гарантия»¹¹³.

Однако, хотя в Каба-Дарго мы и не наблюдаем юридического закрепощения, в конечном счете рядовые общинники становились зависимыми от сельской знати, так как решающее значение в социальной действительности имел не закон, формально признававший личную свободу узденей, а право сильного, т. е. богатого, влиятельного и родовитого собственника. Место узденя среди других определялось прежде всего его экономической силой, обширностью его земельных владений, знатностью тухума, а не формальной свободой и равенством, под которыми скрывались новые отношения членов общины. Классики марксизма-ленинизма подчеркивают, что не всегда личная зависимость выливается в форму юридического закрепощения. «...ясно, — писал К. Маркс, — что во всех формах, при которых непосредственный работник оста-

---

¹¹² Ю. И. Семенов. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — Разложение родового строя и формирование классового общества. Изд-во «Наука». М., 1968, стр. 259—260, 287.

¹¹³ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 466.

ся «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный»¹¹⁴.

В эпоху становления феодализма развитие кабальных отношений шло по линии перерастания их в феодальные¹¹⁵.

Все это говорит о том, что экономическая (поземельная) зависимость разорившихся и обедневших узденей в сочетании со всевозможными формами эксплуатации их со стороны общинной администрации и богатеев ставила их в положение основной массы трудящихся в средние века.

Как и повсеместно в Дагестане, в обществах союза Каба-Дарго имелись и полностью бесправные (рабы), называемые у даргинцев лагъями. Но рабство у восточных даргинцев, как и у других народов Дагестана, было своего рода домашним, которое, по определению Ф. Энгельса, «не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом»¹¹⁶.

Первоначальным и притом основным источником рабства в обществах Каба-Дарго, как и во всем Дагестане, являлись военнопленные — ясыры. «Класс рабов..., — говорится в официальном документе, посвященном народам Дагестана, — образовался большей частью из пленных»¹¹⁷. Однако со временем война перестала быть единственным источником рабства. Нередко в рабов превращались неплатежеспособный должник, кровник и другие преступники и нарушители, на которых, согласно адатам, налагались высокие судебные штрафы или которые должны были возместить ущерб пострадавшему. «Эти два источника рабства, — писал М. М. Ковалевский, — известны были издревле и дагестанским горцам»¹¹⁸. Но основной контингент рабов составляли военнопленные. Как

¹¹⁴ К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 353.

¹¹⁵ Ю. И. Семенов. Указ. соч., стр. 288.

¹¹⁶ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 451.

¹¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 7-а, л. 3.

¹¹⁸ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. 1, стр. 226.

и другие горцы Дагестана, восточные даргинцы участвовали в набегах феодалов за пределы Дагестана, откуда увозили пленников, которые и становились рабами. В памяти народа сохранился ряд сведений о вылазках в Закавказье. Одну из таких вылазок восточные даргинцы совершили вместе с жителями Акуша-Дарго в местность Къядани. В Урахинском обществе были известны пленники Бери, Бечлу, Тамаза, Шагьдина, Шихали, Зураби, Парат, Жяй и другие¹¹⁹. Эти имена говорят о том, что в рабство попадали в основном инородцы.

Очевидно, социальное положение долгового раба отличалось от статуса раба—пленника, который являлся объектом купли-продажи, дарения, наследования. Но под термином лагъ понимались все рабы независимо от их происхождения.

Рабы выполняли ту же самую работу, что и рядовые общинники—убирали хлеб, заготавливали сено, пасли скот, вывозили на поля удобрения и т. д. У наиболее богатой части населения рабы составляли домашнюю прислугу.

Первоначально рабы не составляли особых семейно-родственных групп, а жили вместе со своими хозяевами. Но с увеличением количества рабов образовались целые рабские тухумы, которые были поселены отдельно от общинников. Рабы находились в бесправном и приниженном положении по сравнению с остальными членами сельского населения. «Кулы и каравашы (рабы и рабыни), — говорится в одном нашем документе, — совершенно одинаковы по безправности и полной зависимости от своих владельцев...; они составляют домашнюю прислугу при дворах и обязаны исполнять все требования последних без всякого ограничения»¹²⁰. За людей рабского происхождения общинники не выдавали замуж своих девушек и не вступали в брак с рабынями. Даже после освобождения, хотя формально рабы имели одинаковые права с узденями, фактически политическое положение их было не одинаковое с остальными членами общин. «Потомки бывших рабов, — пишет профессор Г. Г. Османов, — почти повсеместно подвергались политической и экономической дискриминации»¹²¹.

¹¹⁹ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

¹²⁰ Материалы о видах лично-зависимых сословий в Дагестане. ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 21, стр. 1.

¹²¹ Г. Г. Османов. Указ. соч., стр. 53.

Такое бесправное и приниженное общественное положение рабов по сравнению с остальной массой сельского населения нашло отражение и в адатно-правовых нормах даргинцев. В общих адатах даргинцев говорится, что «за убийство кула и каравашки (раба и рабыни — Б. А.) делается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство кулом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы (кровным врагом, который изгонялся из селения — Б. А.) родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кула из крепостной зависимости, и тогда кул, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»¹²². Отсюда видно, что за убийство раба хозяин его получал вознаграждение только как за вред, нанесенный его имуществу, в то время как убийца узденя считался кровным врагом родственников убитого и до примирения подвергался кровомщению.

По общим адатам даргинцев «кулы и каравашки» не допускались вовсе в свидетели пока они состояли в рабстве¹²³.

Рабство в союзе Каба-Дарго в основном было развито в Урахинском обществе. Но и здесь оно было мелкое, так как большое количество рабов не могло быть применено в хозяйстве. Поэтому у восточных даргинцев рабство, по-видимому, говоря словами А. М. Решетова, даже как уклад никогда не играло существенной роли в обществе. Специфика патриархального рабства, очевидно, в том и состоит, что оно не является какой-то определенной стадией рабовладельческой формации или даже уклада, а представляет собой одну из форм эксплуатации, степень которой могла быть различной¹²⁴. Однако в какой бы форме ни было развито рабство, рабовладение в Каба-Дарго ускоряло процесс классовой дифференциации внутри сельской общины. Принадлежали рабы главным образом общинной знати и они служили для них источником дополнительных доходов. Последние не только применяли труд рабов в своем хозяйстве, но и продавали

---

¹²² Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 15—16.

¹²³ Там же, стр. 7.

¹²⁴ Община и социальная организация у народов восточной и юго-восточной Азии. Изд-во «Наука». Л., 1967, стр. 55.

их в центрах работорговли Дагестана — Дербенте и Эндери.

Освобождены были рабы во второй половине XIX в. В ряде случаев джамаат давал им земли, но в основном они сами приобретали их. «Теперь они,—говорится в одном нашем документе, составленном в 80-х годах XIX в., о рабах Мургукского общества, — освобождены и сами некоторые приобрели себе земли для своего хозяйства по купку, а некоторым дал земли джамаат наш и теперь живут на одинаковых с нами узденями правах»¹²⁵.

Все это говорит о наличии в обществах союза Каба-Дарго различных слоев населения и несостоятельности утверждений дореволюционных авторов об отсутствии в союзах сельских обществ Дагестана различных групп, различающихся как по экономическому, так и правовому положению. То, что все население общин называлось узденями, не являлось показателем равенства всех. Действительно, даргинцы называли сами себя свободными узденями (нуша азадти уздентира). Однако, как нам кажется, применялся этот термин только для того, чтобы показать, что они свободны от ханской власти, что у них нет ханов, от которых они зависели бы как население феодальных владений Дагестана.

Но само даргинское общество давно было разделено на имущих и неимущих. Хотя в Каба-Дарго (как и в других союзах сельских обществ¹²⁶) и не было четко выраженной феодально-сословной иерархии, как в феодальных владениях, но зато здесь уже были сложные социальные отношения, основанные на экономическом и политическом неравенстве. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что в «предшествующие (докапиталистические — Б. А.) исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений»¹²⁷. В процессе складывания классовых отношений нарушается соответствие свободы и собственности. По адатам даргинцев все члены общества считались равными и свободными. В то же время мы наблюдаем резкое имущественное

¹²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.

¹²⁶ Б. Алиев, Ш. Ахмедов, М.-С. Умаханов. Указ. соч., стр. 169—170.

¹²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 424—425.

и фактически правовое неравенство. Отсюда и то несоответствие сословного разделения общества с имущественным и правовым положением различных его членов, ибо все они независимо от их богатства и прав входили в одно сословие и считались свободными узденями. Это обстоятельство как раз и породило у исследователей ошибочное представление о равенстве всех слоев населения и сохранении в «вольных» обществах Дагестана вплоть до Октябрьской революции общинно-родового строя.

Таковы были отношения внутри общества восточных даргинцев, которые исходили из свободно отчуждаемой частной земельной собственности.

Частное землевладение охранялось адатом не только от самовольного захвата, но и от потрав. Адатное право считало, что частное землевладение, как и любой другой вид собственности, является неприкосновенным. В соответствии с этим адаты обществ союза Каба-Дарго предусматривали полное удовлетворение собственника. Приведем несколько статей из адатов Урахинского общества, подтверждающих это: «За выпуск скотины на пашни до сбора посевов, если еще не показались колосья, в пользу хозяина пашни взыскивается за каждую лошадь, буйвола и катера одна саба, за быка 1/2 сабы, за корову и эшака два саха, за теленка, барана и козла один сах. Взыскание это делается только в том случае, если скотина задержана хозяином пашни, без различия, была ли поправа, или только истоптаны скотиною посевы.

Если же на посевах есть колосья, то платится убыток по цене в таком только случае, когда была поправа.

Сверх того, если при скотине будет хозяин оной или пастух, или если будет доказано, что она выпущена на пашню с умыслом, или же хотя она зашла на пашню и от недосмотра хозяина, но если будет задержана тургаком (исполнителем — Б. А.), то в пользу тургаков делается взыскание, определенное выше в пользу хозяина пашни, на которой еще не было колосьев. Штраф этот взыскивается без различия, были ли колосья на пашне, или нет»¹²⁸.

В другой статье адатов сказано: «Если же зайдет на пашню одна или несколько штук скота, взыскивается с хозяина оного за каждую лошадь, катера, буйвола

---

¹²⁸ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873, стр. 96.

и быка по 1 рублю, за каждую корову и эшака по 50 коп., но в таком случае, если скотина будет задержана тургаком.

Если скотина зайдет на чужое покосное место, то в пользу хозяина покоса взыскивается по цене убытков, и в пользу тургаков штраф 3 рубля. Штраф этот взыскивается в тех же случаях, как и за выпуск скота на пашню»¹²⁹.

Все это было на руку многоземельным общинникам, земли которых были разбросаны во многих местах, отчего охрана их собственными силами была затруднена. Поэтому-то в их интересах приняты указанные статьи, как адатно-правовые нормы, которыми должны были руководствоваться все члены джамаата.

После снятия урожая и сбора сена все члены общины имели право беспрепятственно пастись свой скот на чужих мульках. Однако фактически этим правом могли пользоваться те члены общества, которые владели большим количеством овец и крупного рогатого скота.

Таковы были формы пользования частновладельческими землями.

Характерным в пользовании мечетскими землями являлось то, что вакуфы обрабатывались, как правило, не самим духовенством, а членами джамаата.

Мечетские земли сдавались в аренду на разных условиях. Наиболее распространенной являлась исполная аренда, при которой половину урожая арендатор оставлял себе, половину отдавал мечети.

Сдача вакуфа в аренду на половинных началах осуществлялась не только в результате решения джамаата или духовенства. В ряде случаев собственники земель сами определяли, на каких условиях они жертвуют определенные участки земли в пользу мечети. Так, житель селения Урахи Мустапа-кади пожертвовал в пользу мечети квартала «Г'ялзи кьотI» (Нижний аул) участок земли на 3 мерки (барха) засева в местности «Къада гьуни» на условиях обработки его на половинных началах¹³⁰. Такой же участок находился в местности «БухIна диркья» на 10 барха засева.

Нередко мечетская земля сдавалась в аренду на условиях одной трети, а иногда и одной шестой части уро-

¹²⁹ Там же, стр. 97.

¹³⁰ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

жая¹³¹. Наиболее отдаленные от селения вакуфные земли сдавались в аренду общинникам на условиях отдачи мечети зерна в размере высева. Это были наиболее приемлемые условия для бедняков, имевших в собственности упряжку быков.

В целом надо отметить, что вакуфные земли являлись источником обогащения духовенства и их в обществах Каба-Дарго, как и в любом другом союзе сельских обществ Дагестана¹³², было много.

Но духовенство эксплуатировало общинников не только с помощью мечетской земли. «Одной из наиболее тяжелых повинностей, которую несли крестьяне в пользу мечети, был закат или мечетская десятина»¹³³.

Земли, специально пожертвованные землевладельцами или же выделенные по решению джамаата в пользование духовных служителей, также сдавались в аренду на различных условиях. Но это бывало в основном тогда, когда служителями мечетей были крупные землевладельцы. Так, в первой половине XIX в. кадию селения Урахи Малла Баганд-Кадии джамаат выделил земли около нынешнего селения Ая-Махи площадью в 30 мерок (барха) засева, которые он сдавал в аренду. После его смерти эти земли перешли по наследству к сыну Абдусалам-кадию¹³⁴.

Пользование коллективной землей и угодьями регулировалось обычным правом. Прежде всего надо отметить, что общинные земли были разделены по частям селений, а внутри каждой части (если селение было большое) — по кварталам. Такое поквартальное разделение общинных земель существовало исстари. Возникновение этой формы пользования общинной землей было связано с тем, что территориальные селения, как указывалось в первой главе работы, образовались из нескольких «родовых» или тухумных поселений, каждое из которых и образовало в этих территориальных селениях отдельный квартал. Жители тухумных поселений, переселившись на новое место, в основном сохранили за собой и те земли,

---

¹³¹ Г. Г. Османов. Указ. соч., стр. 51.

¹³² Р. М. Магомедов. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Дагучпедгиз. Махачкала, 1968, стр. 241.

¹³³ Г. Г. Османов. Указ. соч., стр. 49.

¹³⁴ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

которыми они пользовались или имели в собственности. Возьмем для примера Урахинское общество. Как было сказано в первой главе, селение Урахи образовалось в результате объединения с поселением «ДахIша» других четырех поселений, находившихся вокруг него. Хотя поселения и объединились в одно селение, в собственности их жителей остались те же земли, которыми они владели до объединения. Так, жители квартала «ГIялзи кьотI» (Нижний аул) владели землями, находившимися около бывшего поселения в местности «Кьукьяра» и «ЧIабази-Махи», т. е. там, откуда они переселились в квартал селения Урахи «ГIялзи кьотI»; жители другого квартала Нижнего аула под названием «Хьар кьотI» имели земли около бывшего поселения «Мулиги», откуда переселились их предки в селение Урахи. Там же имели земли и жители Верхнего аула. Жителям кварталов Нижнего аула принадлежали пастбищные места, называемые «Дамшулла кьада» (квартал «Хьар кьотI»), «Мурдалиги кьада» (квартал «ГIялзи кьотI»), «КьартIашила» (квартал «Хьар кьотI»), «Забла хьа диркья», «Гьургьалиги», «МяхIги», «Хузи кьакьри». А жителям Верхнего аула принадлежали пастбища — «Арау кьада» (квартал «Гьала бяхI»), «ХIвора ше кьада» (квартал «ГIила кьотI») и т. д.¹³⁵.

В каждом обществе союза Каба-Дарго было определено, в какой местности пасти стада коров, волов, телят, овец и т. д. Так, в Урахинском обществе местность «Забла хьа диркья» являлась пастбищем для телят. То же самое мы наблюдаем и в пользовании общими пастбищами всех жителей селения Урахи. В местности «Дацела бахIла гIилала» пасли быков, в местности «Сирса гIилала» — лошадей и овец, в местности «Ирау» — неотелившихся буйволов, в местности «Кьвялцнаула» — коров и т. д.¹³⁶.

В обществе селения Кана-Сираги коров пасли в местностях под названием «Кьаркьализи» и «Ургадубура»; телят пасли на пастбище «БурхIела»; рабочих быков и лошадей — в местности «Ургадубура»; овец — на горе

---

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Г.-М. Амиров писал: табун (лошадей) и стада рогатого скота (кроме дойных коров) пасутся в 8 верстах от аула. Указ. соч., стр. 34.

«Цябтаки». В селении Мургук коров пасли в местности «Къадала диркья», волов — в «Жунубургела» (квартал «Хъарша»), «Гела къотІла балтІни» (квартал «Гела къотІ»), «Гъунибак» (квартал «Гинзи къотІ»), «Дуге»; овец пасли на горе под названием «Чалладар». В Бурдекинском обществе коров и буйволов пасли в местности «Халкъая къада», телят — в «Нугрела къада» и «Джангала къада», волов — в «Кьолла шулла ки», лошадей — в «Гъумла гъала» и «Гпяямци», овец — в «Зигъанаг» и т. д.¹³⁷

Однако в необходимых случаях и в особенности; когда надо было поддерживать рабочий скот, сельская община принимала решение о переводе стад с одних пастбищ на другие. Решение на этот счет принимала и сельская администрация и потом через мангуша оно объявлялось всем жителям общины. Одно из таких решений сельской администрации Урахинского общества описал Г.-М. Амиров. В один из летних дней, — писал он, — когда многие жители собрались на «кумае» «с самой возвышенной части аула раздался крик «мангуша» (чауш, крикун сельский): «слушайте, о жители!.. Старшина, кадий и судьи... извещают, что с завтрашнего дня все стада быков и три стада (из шести) баранов не будут пастись в Ирау, а перейдут на Чавази (плоские возвышенности, принадлежащие аулу и назначенные для пастбищ)»¹³⁸.

Принятие такого решения объяснялось тем, что в тот год «по причине засухи, трава не выросла и высохла очень скоро, где она появилась; от этого скот рабочий слабее, чем когда-нибудь, и не в состоянии будет вынести тяжелых работ, если не позаботиться об нем во время». «Поэтому, — объяснил на джамаате кадий селения, — мы распорядились, чтобы стада покинули Ирау, где до осени может вырасти хорошая трава и куда мы погоним тогда исключительно только рабочий скот, так что он может до зимы значительно поправиться и без труда перенести зиму». Джамаат одобрил это решение сельской администрации¹³⁹.

За нарушение решений джамаата виновные подвергались штрафу. «За выгон на общественное покосное или

---

¹³⁷ Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

¹³⁸ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 36.

¹³⁹ Там же, стр. 38.

пастбищное место общественного стада не в дозволенное время, — говорится в адатах урахинцев, — взыскивается с пастухов в пользу тургаков: за баранов — два лучших барана, за рогатую скотину — один бык в 5 рублей»¹⁴⁰.

Кроме того, для предупреждения возможных потрав, в летнее время джамаат не разрешал содержать дома как крупный рогатый скот, так и овец больше установленной нормы.

В адатах Урахинского общества на этот счет имеются следующие статьи:

1) Ни один хозяин не имеет права держать в деревне более одного барана или одного козла. За другого барана с него взыскивается в пользу тургаков (куалти—Б. А.) один сах пшеницы или ячменя. Если же кто будет держать более двух баранов или козлов, то тургаки имеют право зарезать их.

2) Когда лошади находятся в табуне, то хозяин не имеет права держать в копышне лошадь более 3-х дней. За продержку сверх этого времени с хозяина взыскивается штраф в пользу тургаков—3 рубля.

3) Когда скотина ходит в стаде, то с каждого хозяина, не выгнавшего в стадо скотину, взыскивается: за быка и буйвола 1 рубль, за корову и ишака 1/2 сабы и за теленка 1 сах пшеницы¹⁴¹.

Решения о дозволенном количестве скота, которое имели право держать хозяева дома, принимались административными лицами и утверждались на сельском сходе (джамаате). По свидетельству Г.-М. Амирова летом 1873 г. по решению старшины, кадия и судей жителям Урахинского общества было запрещено: 1) держать дома больше двух баранов, 2) держать дома быков, когда нет в них надобности. Кто нарушал это решение, тот подвергался штрафу в 5 рублей¹⁴².

В Мургуком обществе за пастьбу овец в недозволенных местах взыскивался штраф один или более баранов в зависимости от формы нарушения адата. В летний период не разрешалось в селении держать более 5 овец¹⁴³.

---

140 Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 96—97.

141 Там же, стр. 97.

142 Г.-М. Амиров. Указ, соч., стр. 36.

143 Полевой материал, собранный нами в 1965 г.

Подобные адаты были характерны и для других обществ Каба-Дарго.

Итак, в пользовании общинными пастбищами и выгонами не было ограничений. Хотя время пастбы скота и выбор места определялись сельской администрацией и джамаатом в целом, считалось, что каждый член общины обладает равными правами на коллективное владение джамаата. Но в действительности этого права не существовало, так как за этим внешним равноправием в условиях разделения общества на богатых и бедных скрывалось нарушение былого равноправия в пользовании общинными землями, так как не все в одинаковой степени могли пользоваться ими. Феодализирующаяся общинная знать, кроме крупных земельных владений, имела большое количество скота. Поэтому, хотя по адатам все члены джамаата могли пользоваться пастбищами и выгонами на одинаковых правах, в действительности это право превратилось в формальность, в фикцию для тех членов общины, которые не имели скота или имели его в небольшом количестве. В то время как немущие или маломощные общинники в силу отсутствия у них скота не могли воспользоваться своим юридическим правом пользования пастбищами, другая часть многоскотных людей «использовала эти пастбища в усиленных размерах». Поэтому, хотя пастбищные угодья считались собственностью всей общины, в действительности настоящими хозяевами их являлись владельцы многочисленных стад, в особенности там, где преобладающее значение в экономике имело животноводство.

Находившиеся в общинной собственности отдельные пахотные участки, как указывалось и выше, имели различные источники происхождения. В связи с этим и формы пользования ими были различны.

Общественная пахота, предназначенная для нужд сельского общества, а также пожертвованные собственниками участки для строительства и ремонта мостов, дорог, общественных зданий и т. д. обрабатывались общинниками по решению джамаата.

Арендуемые же у других обществ пахотные земли подлежали уравнительному переделу. Так, арендуемые Урахинским обществом у Утемышского общества пахотные земли в местности «Ирау» подлежали уравнительному

переделу по семьям каждые 3—4 года¹⁴⁴. Арендовало эти земли сельское общество, и поэтому они считались во владении всего джамаата.

Однако со временем арендатором этих земель становится зажиточная часть Урахинского общества, а не сама сельская община, как было раньше. И поэтому и земля из общинного владения, каковой она являлась за весь период аренды, переходит во владение отдельных зажиточных членов общины. В связи с этим изменилась и форма пользования этой землей: арендаторы — зажиточная верхушка общины обрабатывала только небольшую часть этой земли. Остальную же землю зажиточные урахинцы сами сдавали, как правило, на половинных началах в аренду своим более бедным сородичам мелкими участками¹⁴⁵, в результате чего рядовые уздени попадали в еще большую зависимость от общинной знати.

Арендовали земли и другие общества союза Каба-Дарго, которые не имели достаточного количества своих земель. Особенно много земель приходилось арендовать Кичи-Гамринскому обществу, у которого не было в достатке ни одного вида земель — ни пахоты, ни сенокосов, ни пастбищ, ни леса, что объяснялось тем, что их земли после разрушения Гамри-Дарго были захвачены соседними обществами — Башлы и Утемышом и новое селение Кичи-Гамри имело в собственности только те земли, которые были расположены непосредственно вблизи селения. Поэтому кичигамринцы каждый год за определенную плату арендовали и сенокосы, и пастбища, и леса. Так, у Утемышского общества они арендовали местность, известную у местного населения под названием «Хямри диркья» («Гамринская равнина»), за что каждое хозяйство кичигамринцев давало утемышскому кадию и старшине по одной мерке (барха) зерна и каждые три хозяйства — по одной арбе дров из леса, принадлежащего Утемышскому обществу. А сенокосные места «Сага мурби» и «Мяхлела авараг» кичигамринцы арендовали у Утемышского общества на половинных началах. Они косили

---

¹⁴⁴ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилла АН СССР, ф. 3, оп. 2, д. 128, л. 30; полевой материал, собранный нами в 1965 г.

¹⁴⁵ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 53.

На этих землях сено, сушили, а затем делили его с утмышцами пополам. За пастьбу скота на утмышских пастбищах «Мурби» и «Ваца» каждое хозяйство кичигамринцев также платило по одной мерке (барха) зерна.

У Башлинского общества кичигамринцы арендовали лес под названием «Гябли». За пользование этим лесом каждое хозяйство Кичи-Гамри должно было привозить по одной арбе дров, которые делили между собой кадий и старшины Башлинского общества.

На таких же условиях пользовались землями Утмышского и Башлинского обществ и жители селения Маммаул, у которого также не было своих земель¹⁴⁶.

В результате всего этого эти общества находились в поземельной (экономической) зависимости от селений Утмыш и Башлы. Сосредоточив в своей собственности излишки земель, последние путем реализации их получали дополнительный доход, что являлось одной из форм эксплуатации ряда обществ Каба-Дарго.

Выплачиваемая даргинскими обществами арендная плата здесь выступает как одна из форм феодальной ренты, так как общества, которые сдавали в аренду свои земельные владения, сами были давно вовлечены в феодальные отношения. Однако здесь общинники, арендующие землю, не сознавали своей зависимости, так как она носила замаскированный характер — форму взаимных обязательств: земля сдается в аренду за определенные ответные услуги. Поэтому и в этом случае нет какого-либо внеэкономического принуждения. Однако сам факт захвата одними обществами земельных владений ставило в зависимое положение другие общества, которые не имели своих земель.

В пользовании общинным лесом до и после присоединения Дагестана к России были свои особенности. Раньше каждый общинник в тех джамаатах, где было много леса, с разрешения последнего имел право в любое время года рубить необходимое количество дров и строительного леса. Так было, например, в Урахинском обществе. С присоединением к России ряд хороших участков леса, о чем было сказано выше, был отнят у Урахинского общества. Кроме того, местные власти официально закрепили право пользования лесом за некоторыми другими

---

¹⁴⁶ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

близлежащими обществами. Все это намного уменьшило лесные владения Урахинского общества и пользование лесом было строго ограничено. «За самовольную рубку леса, — говорится в адатах Урахинского общества, — взывается штраф в пользу тургаков один бык»¹⁴⁷.

Сельская администрация строго следила за соблюдением этого адата. По сообщению старожилы селения Урахи, когда батрак урахинского кадия Абдулкадира срезал палку в общинном лесу под названием «Нагъзала Гилала», чтобы погонять быков хозяина, последний сам сдал своего быка в качестве штрафа и, зарезав его, раздал мясо общинникам¹⁴⁸.

Участок леса «Гинцила» Урахинского джамаата делили между членами общины только через 10—15 лет. Притом, каждому хозяйству выделяли по жребью только по 5 деревьев¹⁴⁹.

В других обществах союза Каба-Дарго, где лесных участков было мало, и до присоединения к России пользование отдельными участками было строго ограничено. Так, в селении Кана-Сираги на участке леса «ГъаргъатI» вообще нельзя было рубить деревья; в Мургукском обществе были участки, которыми пользовались только через 5—10 и даже через 15—20 лет. Другие же участки леса находились в свободном пользовании. В Бурдекинском обществе лесной участок под названием «Буцри вацIа» также находился под строгим контролем джамаата. Только через 5—10—15 лет можно было пользоваться им по решению джамаата¹⁵⁰.

В обществах союза Каба-Дарго имелись и такие земли, которые находились в совместном пользовании жителей двух джамаатов. Такие земли общего пользования имелись у урахинцев и нижнемулебкинцев, у гергинцев и нижнемулебкинцев, о чем было заявлено сословно-поземельной комиссии представителями этих обществ¹⁵¹.

---

¹⁴⁷ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 97.

¹⁴⁸ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Акты и рапорты землемеров о нанесении на планшеты границ казенных, частных и общественных земель Кюринского, К.—Табасаранского и Даргинского округов. ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 14-а, л. 100, 104.

В совместном пользовании Меусишинского и Мугринского обществ находились пастбищная гора Дзеля-келя¹⁵² и местность Калакила¹⁵³; в совместном пользовании Меусишинского и Уркарахского обществ находились горы Каба и Уркиша¹⁵⁴.

Много было в совместном пользовании лесных участков: меусишинцы и мугринцы имели совместные участки под названиями Баалха-улала и Гатби; меусишинцы и канасирагинцы — участок Уркари-дурки; меусишинцы и цураинцы — участок Кичи-баула и т. д.¹⁵⁵.

Таким образом, приведенный материал показывает, что частная собственность в союзе Каба-Дарго, как и в других частях Дагестана, возникла задолго до XVIII—XIX вв. С возникновением частной собственности, которое было связано с дальнейшим процессом социально-экономического развития, меняются и остальные формы собственности. После образования территориально-«родовых» поселений и распространения ислама мы наблюдаем три формы собственности на землю: частная, мечетская и общинная.

Указанные формы собственности на землю не являлись неизменными. С одной стороны происходило постепенное уменьшение общинных земель, с другой — увеличение земельной собственности феодализирующейся знати, что являлось одним из характерных явлений в процессе феодализации. В результате в XVIII—XIX вв. уже были налицо владельцы больших земель. В XIX в. в связи с более ускоренным процессом развития товарно-денежных отношений происходит и дальнейшее ускорение дифференциации внутри общины, в результате чего многие общинники дошли до полного разорения, лишившись своей земельной собственности.

Разнообразие форм собственности на землю вызвало и различные формы пользования ею и эксплуатации рядовых членов сельской общины со стороны местной феодализирующейся знати.

---

¹⁵² Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887, стр. 55.

¹⁵³ Там же, стр. 59.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

Сложившиеся к исследуемому периоду в союзе Каба-Дарго общественно-экономические отношения нашли отражение и в адатно-правовых нормах. Адаты ставят в привилегированное положение общинную знать в лице административно-должностных лиц. Так, по адатам Урахинского общества на кадия и старшин не допускались претензии по подозрению. Показания кадия без присяги считались наравне с показаниями двух свидетелей «за присягою» и т. д.¹⁵⁶.

В непосредственной связи с изменениями, происшедшими в характере производственных отношений, с усилением социального и имущественного неравенства, с процессом увеличения богатства феодализирующейся знати находились и статьи адата по имущественным преступлениям, которые, будучи направлены на защиту частной собственности, выражали прежде всего интересы правящей верхушки. Адаты общества Каба-Дарго защищали имущество от воровства, грабежа, поджогов, порчи и т. д. Так, по адатам Урахинского общества, кроме возврата «уворованного», взыскивались сверх того: за воровство лошади или буйвола — один бык; за воровство быка — один бычок; за воровство коровы или ишака — 3 рубля. Если же «уворованную» скотину не находили, то хозяин получал равнозначную скотину по своему выбору и сверх того «девять подобных, одной цены с уворованною».

За воровство баранов взыскивалось по десяти баранов за каждого¹⁵⁷.

Кроме того, согласно адатам Урахинского общества, если воровство было «сделано из дому или со двора, то, сверх определенного за воровство взыскания, в пользу хозяина» взыскивался еще за приход вора во двор трехгодовалый бычок¹⁵⁸.

Во всех случаях, если обвинение бывало доказано, то сверх указанных взысканий в пользу потерпевшего взыскивались в пользу джамаата два быка по 8 рублей каждый и в пользу исполнителей один бык¹⁵⁹.

За поджог хлеба на корню или в стогах, по адатам

---

¹⁵⁶ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1875, стр. 83, 84, 86, 89—90.

¹⁵⁷ Там же, стр. 93.

¹⁵⁸ Там же, стр. 94.

¹⁵⁹ Там же.

Урахинского общества, убытки взыскивались в десятикратном размере¹⁶⁰.

Обвиненный в порче чужой собственности обязан был исправить порчу и сверх того с него взыскивался штраф за порчу: в пользу джамаата два быка и в пользу исполнителей один бык¹⁶¹. Даже за обрез хвоста лошади с виновного в пользу хозяина взыскивался один бык и штраф в пользу исполнителей один бык¹⁶².

Приведенные статьи адата наглядно показывают как адатное право не только зафиксировало полное господство у восточных даргинцев частной собственности на движимое и недвижимое имущество, но и неприкосновенность ее. И не случайно адаты принимались на сходах под непосредственным влиянием административно-должностных лиц, являвшихся самыми крупными собственниками земли и разнообразного богатства.

Следовательно, адаты, хотя и продолжали сохранять форму вековых народных обычаев, так как они возникли еще в условиях господства первобытнообщинного строя, в исследуемое время в результате происшедших социально-экономических изменений, которые привели к господству частной собственности, имущественной дифференциации и выделению знати, как правило, стали выражать интересы последних.

Изменения, происшедшие в характере производственных отношений, нашли отражение и в адатах, посвященных кровной мести. Как известно, при родовом строе кровная месть, как средство самозащиты рода от внешних посягателей, являлась неограниченной обязанностью и необходимостью для рода. Убийство члена рода задевало интересы целого рода, и поэтому все члены рода имели право на месть не только по отношению к самому убийце, но и по отношению к любому члену рода, к которому принадлежал убийца. В исследуемое же время сфера действия кровной мести намного сократилась. Теперь она распространялась только на определенное число ближайших родственников. «Претензии об удовлетворении за кровь убитого, — говорится в общих адатах дар-

---

¹⁶⁰ Там же, стр. 95.

¹⁶¹ Там же, стр. 96.

¹⁶² Там же.

гинских обществ,—предъявляются ближайшими его родственниками»¹⁶³.

Согласно адатам Урахинского общества, вместе с убийцей, который до примирения с родственниками убитого подвергался кровомщению, кровными врагами считались не все родственники, входившие в тухум, а всего три ближайших¹⁶⁴.

Вторая и главная особенность действия кровной мести в исследуемые века — это то, что в кровомщении наряду с родовой мстью начинают выступать и мотивы материальной заинтересованности. Теперь адатное право взамен обязательной кровной мести допускает возможность имущественных компенсаций, что ставило в неравное положение членов общины, так как это было на руку богатым и влиятельным членам джамаата. «Чем строже были законы охранявшие неприкосновенность собственности и безопасность личности, тем спокойнее чувствовали себя имущие слои населения, так как в огромном большинстве случаев закон карал не их, а преступления против них и имел своей основной целью охрану интересов имущих. Вся тяжесть материальных взысканий, конечно, падала на малоимущих людей, которых нередко нужда заставляла нарушать права частной собственности и посягать на чужую безопасность. В руках состоятельных людей, и прежде всего знати, большие виры и пени сделались средством обуздания и в то же время закрепощения массы»¹⁶⁵.

Насколько высоки были взыскания за убийство видно из статей адатов, записанных в XIX в.

Особыми статьями выкупа с убийцы при совершении убийства (хИкиб) у восточных даргинцев, как и даргинцев, входивших в состав других политических образований, являлись «бухъ» (алум) — плата, взыскиваемая с убийцы в пользу родственников убитого вскоре после совершения убийства и «дият» — вознаграждение или условная плата, за которую родственники убитого, имеющие право на кровомщение, соглашались простить убий-

---

¹⁶³ Там же, стр. 12.

¹⁶⁴ Там же, стр. 85.

¹⁶⁵ Н. П. Грацианский. О материальных взысканиях в варварских правах. — Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. Изд-во АН СССР. М., 1960, стр. 304.

цу и примириться с ним и с его родственниками ¹⁶⁶.

По адатам Урахинского общества за убийство взыскивался «алум» наследникам убитого—8 быков, притом вместо 2 быков брались по 8 рублей за каждого, вместо 4 быков—5 саб пшеницы, один ковер местной работы в 2 рубля, один котел в 2 рубля, один баран, один козел, 14 кары ¹⁶⁷ бязи. Вместо остальных четырех быков брали пахотное поле, которое соответствовало стоимости четырех быков. Кроме того, в пользу сельских исполнителей взыскивался штраф — один бык ¹⁶⁸.

Защита собственности от посягательства нашла отражение и в своеобразном порядке взимания долга (ишкиля), называемого у даргинцев «хеш» ¹⁶⁹, по которому взаимодавец в случае отказа уплаты долга имел право насильственного взыскания его путем захвата имущества должника. Порядок насильственного захвата, производимого самим потерпевшим из имущества обидчика,—писал еще в конце XIX в. М. М. Ковалевский, —«встречается в праве всех вообще народностей, переходящих или только что перешедших от родовой к государственной форме общегития» ¹⁷⁰. Профессор Р. М. Магомедов пишет, что право собственника на возврат своей собственности с помощью силы «могло существовать не при господстве прочно сохранившихся общинных отношений, а при разложении их, когда индивидуальная собственность начинала приобретать все больший удельный вес в системе джамаата» ¹⁷¹.

Процесс социально-экономического развития восточных даргинцев происходил в условиях окружения, постоянного соприкосновения и связей с феодальными владениями Дагестана. Поэтому, изучая общественное развитие восточных даргинцев, нельзя рассматривать их изолированно от окружающих политических единиц. При оценке

---

¹⁶⁶ Алум (или алым)—тюркское слово, означающее «взятое». «Днят» — арабское слово, означающее вознаграждение.

¹⁶⁷ Одна кара равна 3/4 аршина.

¹⁶⁸ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 85—86.

¹⁶⁹ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957, стр. 134.

¹⁷⁰ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 131.

¹⁷¹ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 135.

уровня общественного развития союза Каба-Дарго, необходимо исходить из того факта, что он был вовлечен в те отношения, которые были характерны для окружающих его феодальных владений Дагестана.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения дают нам основание говорить о наличии наиболее активных взаимоотношений Урахинского союза прежде всего с Кайтагским уцмийством. До начала XIX в. многие общества союза Каба-Дарго, как указывалось в первой главе работы, входили в состав Кайтагского уцмийства, общественно-экономические отношения которого стояли на более высоком уровне. Общества союза Каба-Дарго, естественно, подвергались их влиянию и эти отношения ускоряюще действовали на развитие социальной жизни восточных даргинцев. Они были вовлечены в сферу феодальных отношений, которые являлись господствующими в уцмийстве. Как указывается в официальных документах, «эти деревни» Каба-Дарго «с несколькими другими деревнями, известными под общим именем Журкальского магала (Шуркант—Б. А.) и также находившимися в зависимости уцмья, платили ему подать ячменем, пшеницею и баранами»¹⁷². В другом документе конца XIX в. также указывается, что кайтагскому уцмию положено было «с жителей Каба-Дарго пшеница и ячмень»¹⁷³.

Однако, хотя в указанных документах и говорится, что дань платили «эти деревни» или «жители магала», из них не ясно, относится это ко всем селениям Каба-Дарго или же только к части из них.

Но факт остается фактом. Эти подати являлись феодальной повинностью в пользу уцмья, выступавшего по отношению к обществам союза Каба-Дарго в роли верховного феодала. Основой отношений между уцмием, как феодалом, и массой населения обществ союза Каба-Дарго являлась выплата подати. Отношения эти основывались на «внеэкономическом принуждении — на подчинении крестьянина административно-судебной власти фео-

---

¹⁷² Сведения о податях, повинностях и других налогах, лежащих на жителях Дагестанской области. Октябрь 1864 г. — Феодальные отношения в Дагестане XIX-начало XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969, стр. 16.

¹⁷³ Доклад члена комиссии о сословно-поземельных отношениях, существовавших в Южном Дагестане. ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, д. 5, л. 1. см. также ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 4.

дала» (уцмия). «По призыву уцмия, — говорится в документе, — ...уздени обязаны были ополчаться на войну... обращались к суду уцмия»¹⁷⁴, больше того, «гаттым (наследник) уцмия один раз в год объезжал все узденские селения и производил суд»¹⁷⁵. «В пользу уцмия поступали штрафы, взыскивающиеся за убийство, воровство и увоз женщин»¹⁷⁶. Как свидетельствует «Записка о сословном и поземельном строе» в Кайтаге, уздени нагорного Кайтага «сами считали уцмия как бы своим естественным предводителем и защитником»¹⁷⁷.

Кроме того, известно, что даже те общества, которые не платили подати в пользу уцмия, находились от него в определенной поземельной зависимости. Из-за недостатка или отсутствия своих зимних пастбищ, ряд обществ союза Каба-Дарго, как об этом указывалось во второй главе работы, вынужден был арендовать их у уцмия Кайтагского, за что платили последнему определенную ренту.

Конечно, при всем сказанном надо иметь в виду, что эксплуатация общинников союза Каба-Дарго, повинности их в пользу феодала (уцмия) были ограничены благодаря тому, что они составляли одно политическое объединение — союз сельских обществ, которое, безусловно, в какой-то мере было способно ограничить притязания уцмия. Препятствовали притязаниям уцмия и сами сельские общества, которые, как указывал К. Маркс, «с одной стороны, есть взаимное отношение между... свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира; в то же время... их гарантия»¹⁷⁸. Профессор И. П. Петрушевский пишет, что «сельская община, даже подневольная, феодально-зависимая, все же давала крестьянам известную защиту, сплачивая их в коллектив»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 24, л. 5. Г. Г. Османов. О социальном строе Дагестана в конце XVIII—начале XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1950, стр. 163.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 466.

¹⁷⁹ И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960, стр. 308.

Как можно судить из материалов сословно-поземельной комиссии и фольклора урахинцев, последние вынуждены были арендовать пастбищные горы и в шамхальстве. Известно, что даргинцы издавна пользовались горой, известной под названием «Шамхал тав» или «Шамхалла дубура». Прямых данных, говорящих о том, что восточные даргинцы до XIX в. пользовались вместе с жителями Акуша-Дарго этой горой, нет. Однако источники говорят о том, что во второй половине XIX в. они пользовались этой горой¹⁸⁰. Притом, при разбирательстве тяжбы между Урахинским обществом, с одной стороны, и верхнедаргинцами, с другой, ряд официальных лиц, разбиравших это дело, доказали, что урахинцы имели раньше на «Шамхалла дубура» такие же права, как и жители Акуша-Дарго. Нам кажется, что указанная тяжба возникла не случайно. Если бы урахинцы не пользовались этой горой и раньше, вряд ли им позволили бы пользоваться ею в XIX в. и вряд ли обратились бы они с жалобой в суд. Из этого следует, что урахинцы, как и верхнедаргинцы, в прошлом находились в определенных поземельных отношениях и с шамхалом. Подтверждается это и документами XIX в. В письме к генералу Ермолову в 1826 г. «Даргинского общества», куда в начале XIX в. вошел и Урахинский союз, говорилось следующее: «...Знай, что мы люди вольные; между нами нет эмира, нет могущественного владельца в наших деревнях; мы только племя, называющееся узденями Шамхала Мегди (подч. нами— Б. А.). Он во всякое время дает нам совет, желает нам добра и спокойствия»¹⁸¹.

Такие отношения между обществами, считавшими себя «вольными», и феодальным владельцем сложились неспроста. Основой их могла быть именно нужда даргинцев в пастбищных местах, которыми располагал шамхал и которые он отдавал первым в аренду на определенных условиях.

Из фольклора известно также об аренде урахицами пастбищных гор и в других феодальных владениях Дагестана. Так, в одной из урахинских песен говорится:

---

¹⁸⁰ Циркуляры наместника Кавказа и журналы о раскладке поземельных сборов. ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 13, лл. 87, 90, 96.

¹⁸¹ Письмо Даргинского общества к ген. Ермолову, от 1-го сафара 1242 (1826) года. АКАК, т. VI, ч. II. Тифлис, 1875, стр. 85.

Когда горы Сурхай-хана
Покроются белым снегом,
Своих пятнистых коров,
Где будешь пасти?

Очевидно, арендные отношения между урахинцами, как и другими даргинцами (жителями Акуша-Дарго), с одной стороны, и шамхалами, с другой, сложились еще тогда, когда последние жили в Казикумухе. По традиции и после перехода шамхалов в Тарки даргинцы арендовали пастбищные горы как непосредственно у самого шамхала, так и в бывшем его владении, т. е. на территории Лакин.

Будучи собственниками земель, феодальные владельцы — уцмии, шамхалы и ханы реализовывали их путем отдачи в аренду, в результате чего присваивали себе ренту, которая выступала в виде арендной платы за временное пользование пастбищами. «...Присвоение ренты, — писал К. Маркс, — есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, ... земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли»¹⁸².

Внешне отношения между феодальными правителями, как собственниками земли, и восточными даргинцами носили взаимообязывающий характер. Собственники земли дают ее в аренду, а арендаторы уплачивают им арендную плату. Здесь вроде и нет внеэкономического принуждения. Однако, как указывал В. И. Ленин, форма и степени этого принуждения могут быть самые различные — от крепостного состояния до сословного неполноправия¹⁸³.

Сам факт присвоения и сосредоточения в руках уцмиев, шамхалов и ханов основных зимних пастбищ Дагестана уже являлся одним из наиболее действенных средств экономического принуждения. Это принуждение достигалось путем реализации собственности феодала на землю и создания тем самым экономической зависимости. Если бы не было феодальной собственности на землю, не могло бы быть и экономической (поземельной)

---

¹⁸² К. Маркс. Капитал, т. 3, ч. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 183.

¹⁸³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

зависимости восточных даргинцев от уцмиев и шамхалов. Собственность феодалов на землю, создающая эту зависимость, являлась основой основ феодального строя. Поэтому эти собственники земли (феодалы-правители) по отношению к обществам Каба-Дарго выступали в роли верховных землевладельцев, от которых жители Каба-Дарго находились в определенной поземельной зависимости. «...почти все лично свободные уздени, — пишет профессор Г. Г. Османов о жителях горных обществ вообще, — безусловно признавали сословные привилегии феодальной верхушки и находились в поземельной зависимости от нее»¹⁸⁴.

В этом отношении большой интерес представляет, например, такой факт: когда в селениях Каба-Дарго проходил даже малолетний представитель уцмиевского рода, то все — вплоть до седобородых стариков — вставали, снимали шапки и провожали его до края селения, в чем проскальзывает сословное неполноправие или признание узденями сословных привилегий уцмий.

Все это говорит о том, что восточные даргинцы были вовлечены в господствовавшие в уцмийстве, шамхальстве и других ханствах Дагестана феодальные отношения.

О социальной борьбе внутри самих сельских обществ союза Каба-Дарго сведения не сохранились. Конечно, в силу незавершенности классообразования социальные противоречия в Каба-Дарго не достигли той остроты, каковы они были в более развитых феодальных владениях Дагестана. В условиях многоукладности, говоря словами Ю. В. Бромлея, относящимися к средневековой Хорватии, «сложное переплетение взаимосталкивающихся интересов и стремлений различных общественных слоев и групп сочеталось... с недостаточно обнаженным антагонизмом между основной массой свободных общинников»¹⁸⁵ и феодализирующей знатью.

Однако не может быть сомнения, что систематическое ущемление прав и интересов общинников — узденей, разорение и обнищание их за счет увеличения богатства и земельной собственности знати не вызывали недоволь-

---

¹⁸⁴ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 23.

¹⁸⁵ Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 386.

ства попадавших в фактическую зависимость общинников.

Социальные противоречия в обществах союза Каба-Дарго выступали в различной форме, одной из которых являлся протест против произвола, насилия и эксплуатации, о чем свидетельствует материал фольклора. В народных сказках, песнях, поговорках, пословицах, сравнениях, баснях не только высмеиваются местные «богатеи» (кадии, судьи, старшины), но и выражена ненависть к угнетателям вообще. Все это является одним из видов недовольства народных масс, формой выражения социальных противоречий и народного протеста.

В условиях главенства в Союзе одного общества, являющегося крупнее и сильнее других и часто диктующего свою волю, конечно, не могло быть равенства всех его членов. А это, безусловно, вызывало недовольство со стороны сельских обществ против главного селения. Они выражали протест против диктата и произвола верхов Урахинского общества, что также нашло подтверждение в устном народном творчестве. В одной из урахинских песен, записанной П. К. Усларом и посвященной некоему Мусе из селения Мургук, которого казнили в Урахи за совершенное им убийство, урахинские верхи названы насильниками, издевателями («хГурхъила зулмукарти») ¹⁸⁶.

К сожалению, других аналогичных сведений по исследуемому периоду не сохранилось. Но не может быть сомнения, что урахинская верхушка в качестве администрации Урахи и Союза в целом допускала своеволие и насильственные меры по отношению к другим обществам Каба-Дарго, что, естественно, не могло не вызывать недовольства со стороны последних.

Особенно остро классовые противоречия выразились во взаимоотношениях кабадаргинцев с уцмием Кайтагским. Здесь уже мы сталкиваемся с высшей формой классовой борьбы — открытым вооруженным выступлением против уцмий как феодала. Примером этому могут служить события, происшедшие в конце XVIII—начале XIX вв. Если исходить из имеющихся сведений, эксплуатация и притеснения обществ союза Каба-Дарго, находящихся в непосредственной зависимости от уцмий, были

---

¹⁸⁶ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюрклинский язык. Тифлис, 1892, стр. 368.

тяжелыми. При этом надо иметь ввиду не только прямые подати, которые платили кабадаргинцы, но и указанные выше разнообразные обязанности их по отношению к уцмью. Именно этим можно объяснить то, что «воспользовавшись ослаблением уцмья» в конце XVIII в. против него восстало 11 селений союза Каба-Дарго. А ослаблению уцмья послужило то, что в середине 70-х годов XVIII в. после того, как объединенные силы шамхала Тарковского, уцмья Кайтагского и Казикумухского хана в 1774 г. разгромили Кубинского владетеля Фет-Али-хана, царское правительство, не желая усиления дагестанских владетелей, решило поддержать Фет-Али-хана. С этой целью Екатерина II послала в Дагестан отряд войск. В результате Дербент был освобожден и отобран, а отряд царских войск во главе с генералом де Медем два раза 4 марта и 10 мая 1775 г. разгромил войско уцмья Кайтагского. Именно после этого кабадаргинцы выступили против уцмья. После семилетней войны они освободились от власти уцмья и перестали платить ему дань. «С уничтожением в 1820 г. уцмийского достоинства, — говорится в одном документе, — разные доходы его (уцмья — Б. А.), в том числе и сборы с магалов Кабадарга и Журкаль (Шуркант — Б. А.), обращены были в казну»¹⁸⁷.

Как видно из того же документа, в денежном выражении эти подати с обоих обществ составляли всего 93 рубля¹⁸⁸. Конкретно какая часть из этой суммы приходилась на общества союза Каба-Дарго неизвестно. Однако из этих сведений видно, что прямые подати, лежащие на кабадаргинцах, не были большими. Тем не менее они являлись одной из главных причин вооруженного выступления кабадаргинцев против уцмья.

instituteofhistory.ru

---

¹⁸⁷ Сведения о податях, повинностях и других налогах, лежащих на жителях Дагестанской области. Октябрь 1864 г. — Феодальные отношения в Дагестане XIX—начало XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969, стр. 16.

¹⁸⁸ Там же.

ГЛАВА IV

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Как указывалось в первой главе работы, в состав союза Каба-Дарго одновременно входило от 8 до 18 обществ. Каждое сельское общество в исследуемые века составляло низовую политическую ячейку союза Каба-Дарго. Сельское общество у восточных даргинцев, как и у других горцев, обозначалось арабским термином «джамаат». Кроме того, у даргинцев существовал и свой термин для обозначения сельской общины, которым являлось слово «шанти» — в смысле народ, люди, жители селения, сельчане. Образовался этот термин от даргинского слова «ши» — селение.

Каждый джамаат, входивший в состав Союза, имел свою территорию, население, составляющее общество, свои органы управления и обычаи, имеющие большое сходство с адатами других даргинских джамаатов. Состоял джамаат из тухумов. Тухумы являлись общественными коллективами, которые состояли из малых индивидуальных семей, связанных между собой родственными узами и составляющих низовую хозяйственную ячейку джамаата. По своему происхождению тухумы являлись выходцами из разных мест. Объяснялось это тем обстоятельством, что территориальные селения образовались из нескольких «родовых» или тухумных поселений.

Первоначально тухумы были расселены поквартально. Но со временем, в процессе дальнейшего разложения патриархальных отношений, ослабления родственных связей заселение кварталов становится смешанным. Характерно было это и для исследуемого периода. В сельских обществах Дагестана, — писал М. М. Ковалевский, — «бок о бок живут члены разных тухумов»¹.

---

¹ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 159.

И далее, исследуя XIX в., он писал, что «общин родовых, т. е. таких, в которых бы все население принадлежало к одной и той же кровной группе, в настоящее время в Дагестане не встречаем»².

Говорит об этом прежде всего то, что в каждом селении Каба-Дарго находилось по несколько тухумов — в больших селениях их было больше, в маленьких — меньше. Маленькие селения, как правило, состояли из трех частей, называемых Хъарша (Верхнее селение), Дайша (Среднее селение), Хъарша (Нижнее селение). В более ранние периоды истории они были заселены определенными тухумами. В больших же селениях каждая часть разделялась еще на несколько кварталов и соответственно этому в них было столько же или даже больше тухумов. Так, в селении Қана-Сираги было 4 квартала и около 10 тухумов, которые первоначально были расселены поквартально: тухум «Бигишила ГЯлихъали» занимал квартал «Гинзи къотІ»; тухум «Минагорти» (по происхождению из сел. Мекеги и поэтому названный так; на даргинском языке «минагорти» означает безместные) занимал квартал «Ирхъяй къотІ»; квартал «Бархи къотІ» заселяли тухумы «Вайжинс» и «ГЯлишихъали»; квартал «Урга къотІ» занимали тухумы «ШихГЯлихъали», «Дарасамхъали» и «Хъяркхъали». Селение Урахи в XIX в. распалось на две части — Верхний аул («Хъарша») и Нижний аул («Хъарша»). В обеих частях было 6 кварталов³. Кварталы Нижнего аула заселяли тухумы: «Накърахъала», «Патхъала», «Жижайхъала», «Қъазхъала», «Қъижимхъали» и др., а Верхний аул заселяли тухумы «Қуртхъали», «Гадай-Жанайхъали», «ГинчІухъали», «Будо БахІяндхъали». В селении Мургук в «Хъарша» жили представители тухумов «ХІямзала Ражабхъали» и «Гъшимкъадихъали»; в «Хъарша» — «Магъдихъали» и т. д. В селении Меусиша раньше было 4 квартала: «ГЯбхъи къотІ», «БухІи къотІ», «Гинци къотІ» и «Шурмиуркалант», в которых жили представители 9 тухумов: «Багъажихъали», «ГЯлибейла ГЯмархъали», «Герейхъали», «Шапихъали», «Магъримхъали», «Зуллахъали», «ХІарела БахІяммахъали», «Табжихъали» и «Қъадражахъали» или «Алашахъали»⁴.

² Там же.

³ Г.-М.. Амиров. Указ. соч., стр. 13.

⁴ Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

Как указывалось выше, тухумы состояли из нескольких поколений родственных семей. Кровное родство обозначалось следующими терминами: «ада» — отец; «адай», «ава» — мать; «адала ада» — дед по отцу; «авала ада» — дед по матери; «адава ава» — бабушка по отцу; «авала ава» — бабушка по матери; «удзи» — брат; «рудзи» — сестра; «удзикар» — двоюродный брат, «рудзикар» — двоюродная сестра; «кариган» — троюродный брат или сестра; «гариган» — четверюродный брат или сестра; «туриган» — пятиродный брат или сестра; «чутхапях» — шестюродный брат или сестра; «дирхахус» — семюродный брат или сестра; «харкихан» — восьмюродный брат или сестра; «адала удзи» — дядя по отцу; «авала удзи» — дядя по матери; «удзихла урши» — племянник (сын брата); «удзила урше урши» — сын племянника; «урши» — сын; «урше урши» — внук; «урше урше урши» — правнук и т. д.⁵

Однако, как совершенно справедливо указывал профессор С. В. Юшков, на практике самое родство далее 4-й и 5-й степени никакого значения не имело⁶. И на самом деле, действительные родственные связи существовали лишь в группе семей ближайших родственников, в первую очередь по отцовской линии. Подтверждается сказанное и приведенными выше названиями степеней родства. Последние три названия шестой, седьмой и восьмой степеней родства говорят не столько о самом родстве, сколько о дальности его. Слово «чутхапях» («чутхъапяхъ») означает человек, которого коснулась или ударила чутхъа (женский головной убор); «дирхахус» означает таскающий палку; «харкихан» (xIарkИхъан) — переходящий реку. Третье название из них показывает на такую дальность родства, которое сравнивается с человеком, живущим в другом селении (иносельцем), находящемся по другую сторону реки.

Сказанное находит подтверждение также в наличии, кроме общего названия родства (тухум), терминов для обозначения близкого родства — «удзи-урши», «кицти», «халавти тухум». В понятие «удзи-урши», представляющее сочетание слов «брат» и «сын», входят только

⁵ Б. Далгат. Материалы по обычному праву даргинцев. Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 28, стр. 7; полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁶ С. В. Юшков. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. 1 (исторический). Свердловск, 1938, стр. 66.

родственники нескольких первых колен, включая троюродных братьев. «...первые 3 поколения считаются близкими родственниками, а остальные не такими близкими», — писал об урахинцах Б. Далгат⁷. Понятие «кицти» означает близкие, а «халавти тухум» — близкие родственники.

Родство вообще как по нисходящей, так и по восходящей линии, обозначалось терминами «тухум» и «вукур». «Словом «тухумдиш», — писал Б. Далгат, — не обозначают определенной группы лиц, стоящих с кем-либо в родственной связи, а есть понятие родственной связи вообще»⁸.

Дальнее родство у урахинцев обозначалось термином «характи тухум», что переводится буквально как отдаленные родственники.

В состав тухума входили индивидуальные семьи, которые имели в частной собственности земли, скот, имущество и т. д. и занимали различное экономическое и политическое положение в сельской общине.

Каждый тухум имел свое название, большинство из которых происходило от имени действительного видного предка. А им, как правило, мог быть «знаменитейший из предков, лицо, прославившее род (читай тухум — Б. А.) или своею храбростью, или благочестием, или мудростью»⁹. Однако тухум не имел характерного для рода тотемного названия, не имел тухумного культа. Название тухума могло меняться с появлением более знаменитых и авторитетных лиц. Сказанное профессором М. М. Ковалевским о тухумах Акушинского общества имеет прямое отношение и к тухумам обществ союза Каба-Дарго. «Родовых названий, — писал он, — здесь тохумы не имеют, а обозначаются обыкновенно по имени того лица, которое приобрело почему-либо известность в народе. Его именем они величают себя до тех пор, пока из их рода не выступит новый, еще более известный «герой»¹⁰.

Название тухума могло возникнуть и от особенностей, отличающих его от других тухумов — от характера деятельности лиц, которые входили в него, от склонностей и склонностей к чему-либо, от местности, откуда вышел тухум и т. д. «Не все роды (читай тухумы — Б. А.), — писал М. М. Ковалевский, — носят генетические наименова-

⁷ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 6.

⁸ Там же, стр. 5 об.

⁹ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 149.

¹⁰ Там же.

ния; многие принимают те или иные прозвища, смотря по характеру их занятий, или по месту происхождения»¹¹. Так, один из тухумов селения Кана-Сираги назывался «Минагорти». Происхождение этого названия было связано с тем, что это был переселенческий тухум из сел. Мекеги и поэтому не имел своего места. Слово минагорти или мерагорти означает безместные. В селении Меусиша тухум «Къадражахъали» называли еще и «Алашахъали», что, очевидно, было связано с тем, что члены его были небольшого роста. Алаша на даргинском языке означает маленький, невысокий. Название тухума из селения Урахи «ГъинчIухъали» произошло, очевидно, от даргинского слова «гъинчI» — улыбка; название тухума этого же селения «Будо БахIяндхъала» произошло от имени БахIянд, который являлся сыном служителя мечети — будуна (помощника кадия).

Каждый тухум имел своего главу. «Звание это, — говорится в цитируемой М. М. Ковалевским записке, составленной русской администрацией во второй половине XIX в., — достигается путем свободного выбора, но часто бывает и наследственным; вообще же в главы тохума выбирается лицо, славящееся энергией, добропорядочностью, красноречием и хлебосольством. Если наследник умершего главы соответствует сказанным условиям, то он бесспорно становится его преемником; в особенности в том случае, если два, три поколения уже пользовались наследственно этим влиянием»¹².

К главе тухума обращались во всех важных случаях жизни: браках детей, ссорах, недоразумениях, торговых сделках, кровомщениях, примирениях и т. д. Глава тухума следил за поведением членов тухума, давал им советы и наставления. Виновный в чем-либо член тухума подвергался осуждению и презрению всего тухума. Высшей мерой наказания являлось изгнание из тухума.

Для решения общих вопросов, касающихся всего тухума, созывались тухумные сходы. На этих сходах глава тухума занимал первое место, хотя бы в числе присутствующих были и лица, старше по возрасту¹³.

---

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 151—152.

¹³ П. Кушнер (Кнышев). Первобытное и родовое общество. М., 1925, стр. 227.

Тухум оберегал свое достоинство, старался ни в чем не уступать и не делать никакого снисхождения по отношению к другим тухумам. Во всех случаях, когда задевались интересы тухума, последний заступался за своего члена. Но в случаях, когда проступки отдельных членов позорили или наносили ущерб тухуму, виновные несли суровое наказание.

Дореволюционные исследователи сравнивали дагестанский тухум с классическим родом. Однако вряд ли это верно для XVIII—XIX вв. Как известно, экономической основой рода является родовая собственность на средства производства и в первую очередь на землю. Тухум же восточных даргинцев, как и даргинцев других политических единиц, в исследуемые века не имел родовой собственности на средства производства. Рода ни как политической, ни как экономической организации нет уже. Верховным собственником общинных земель являлась сельская община, состоявшая из тухумов, вышедших из разных мест, что не являлось характерным для родовой общины.

Тухум, хотя по своему происхождению и являлся категорией родового строя, но в исследуемые века сохранил лишь некоторые организационные формы патриархально-родового строя. Но нет у тухума ни коллективной собственности на землю, ни коллективного производства, ни коллективного потребления. Как указывалось в третьей главе работы, основной формой собственности на землю в Каба-Дарго являлась частная. Следовательно, и труд из всеобщего, коллективного, что могло быть только при родовом строе, когда, по словам К. Маркса, родовая община «не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом»¹⁴, превратился давно в индивидуальный. А это могло быть тогда, когда не только «средства труда», но и «внешние условия труда» принадлежали частным лицам¹⁵.

В обществах союза Каба-Дарго в исследуемый период низовой хозяйственной ячейкой являлся не тухум, а индивидуальная семья, которая давно превратилась в субъект производства, в самостоятельную экономическую ячейку сельской общины. «При существовании семейной

¹⁴ К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 13, стр. 20.

¹⁵ К. Маркс. Капитал, т. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 770—771.

общины, — писал М. М. Ковалевский, — нет, очевидно, простора для развития частной собственности на землю»¹⁶.

Однако и в исследуемый период, как об этом свидетельствует Б. Далгат, в Урахинском обществе находилось еще «несколько семей, состоящих из нескольких членов», у которых были общий дом, мельница и общий сенокос, который не был разделен как у других, а косился вместе всеми, а сено делили между собой¹⁷. Это уже пережитки большой семьи или семейной общины, главными признаками которой, как «общественной формы», являлись общинно-семейная собственность, коллективное производство и потребление. Патриархально-семейная община, по словам Ф. Энгельса, являлась «переходной ступенью, из которой развилась сельская община, или община-марка, с индивидуальной обработкой земли отдельными семьями и первоначально периодическим, а затем окончательным разделом пахотной земли и лугов»¹⁸. Поэтому, являясь переходной ступенью, домашняя община не могла быть ликвидирована сразу с разложением родовых отношений. В течение длительного периода пережитки домашней общины продолжали существовать в сельской общине, приспособляясь к ней и испытывая на себе влияние процессов, происходящих внутри общины. Известный советский этнограф, профессор М. О. Косвен, посвятивший ряд своих трудов изучению семейной общины (патронимии), писал, что она является исторической общественной формой, которая «свойственна патриархальному родовому строю, но весьма устойчиво сохраняется у многих народов в распадае этого строя, нередко и в условиях классового строя, подвергаясь тогда, конечно, классовому метаморфозу. В качестве особой общественной формы патронимия играла крупную и разностороннюю роль в родовом быту и в известной мере эту роль сохраняла не только с распадом родового строя, но и с полным исчезновением рода»¹⁹.

Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением дореволюционных исследователей, что дагестанский ту-

¹⁶ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. 1, стр. 206.

¹⁷ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 54.

¹⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 21, стр. 63.

¹⁹ М. О. Косвен. Патронимия и проблема структуры рода. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 257.

хум — это род²⁰, на основе чего они делали и вывод о господстве в Дагестане родового строя.

Из приведенного выше примера по Урахинскому обществу видно, что сохранившиеся пережитки — это характерные особенности семейной или домашней общины, из которой и развилась сельская община. Кроме общего дома, мельницы и сенокоса у указанной выше семьи Урахинского общества не было ничего. Как указывал Б. Далгат, «во всех же других делах и хозяйствах эти члены семьи находятся совершенно отдельно. Хотя дом у них общий, но стол не общий»²¹, т. е. и у них потребление уже было индивидуальным. Следовательно, тухум восточных даргинцев в XVIII—XIX вв. — это пережиточная форма былой семейной общины или патриархальной большой семьи, являвшейся в свою очередь продуктом распада родовой общины. В исследуемый период тухумы распадались на ряд семей, которые владели всеми орудиями и средствами производства и самостоятельно вели свое хозяйство. Тухумы же не представляли ни территориальной, ни экономической общности.

К интересному выводу пришел профессор Р. М. Маргомедов, исследуя тухум даргинцев. «Очевидно, — пишет он, — с усилением имущественных различий внутри тухума, с одной стороны, и с процессом распада тухума на малые семьи, с другой, следует связать и возникновение у даргинцев «махурби» — отселков, хуторов, в которых поселялись отдельные семьи, выделившиеся из тухума. Следствием всего этого явились изменения и самого родственного характера тухума. Раньше родство тухума строго ограничивалось, а теперь в значительных масштабах наблюдается расширение рамок этого родства. Так, общее понятие о родственной связи урахинского тухума выражалось следующими названиями: «тухумдиш» — родство; «удзи-урши» — братья-сыновья; «вукурти» — родственники; «нушила джинс» и «нушила ахлу» — наш круг людей; «нушила алавти» — за нами находящиеся, стоящие; «нушала кицти» — наши близкие; «нушила ур-

---

²⁰ М. М. Ковалевский писал, что «жители Дагестана обозначают существующую в их среде родовую организацию» словом тухум. «Им выражают понятие рода, как общее правило: и в Табасарани, и в Кайтаге, и в Даргинском округе, и в Кюринском, и во всех горных аулах, занятых лезгинской народностью». См. указ. соч., т. II, стр. 146.

²¹ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 54.

гавти» — наша среда, между нами находящиеся; «нушила вухнавти» — внутри нас находящиеся; «халавти тухум» — близкие родственники²².

Далее Р. М. Магомедов пишет о тухуме урахинцев, что если «раньше родство тухума исчислялось только по мужской линии», то в XVIII—XIX вв. «наряду с этим, родня тухума исчисляется и по женской линии. Это видно из того, что родня у урахинцев делится на «уршвала алавти» — по мужской линии и «урсвала алавти» — по женской линии. Единственная разница между ними заключалась в том, что кровное родство по мужской линии по традиции считалось ближе, чем по женской, или родственникам по отцу придавалось большее значение, чем родственникам по матери»²³.

Изменения, происшедшие в тухуме в XVIII—XIX вв. хорошо видны и в трансформации тухумных обычаев, сохранившихся больше как пережиточные нормы периода господства патриархально-семейной общины, которые, говоря словами А. Д. Давыдова, «базируются на сравнительно позднем патриархально-семейном или даже уже патронимическом, а не древнем первобытнородовом обычном праве». Таков «узкий круг действия кровной мести с системой компенсаций за увечье и убийство, различные виды родственной взаимопомощи: при сборе большого калыма, компенсации за убийство, при ссорах и столкновениях и т. д. Хотя происхождение всех этих институтов уходит далеко в глубь веков, восходя к пережиткам первобытного группового и парного брака и родовой экзогамии, но они уже настолько изменены, что узнать их трудно»²⁴.

Таковы были структура и органы управления тухума, совокупность которых составляла джамаат или сельскую общину.

С образованием территориальных общин и нарушением родового принципа расселения изменяется и форма управления общиной. «Пока общинники принадлежат к одному роду, — пишет П. Кушнер (Кнышев), — регулирование их совместной жизни производится родовыми

²² Р. М. Магомедов. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской Базы Академии наук Союза ССР. Махач-Кала, 1949, стр. 92. См. также Б. Далгат. Указ. соч., стр. 5.

²³ Там же.

²⁴ А. Д. Давыдов. Указ. соч., стр. 56.

старейшинами и советом семейных старшин. С появлением в составе общинных хозяйств чужих родов, прежняя форма управления общиной становится несовместимой с новым хозяйственным укладом. Создается новая общинная администрация, не родовая, а *сельская*—сельские старшины, сельские собрания, сельские сходы, которые или уничтожают родовое представительство, или существуют помимо него»²⁵.

Нарушение родового принципа расселения, — писал М. М. Ковалевский, — необходимо должно было вызвать к жизни образование, наряду с родовой (читай тухумной — Б. А.), особой сельской администрации, сложившейся, по видимому, по типу первой²⁶. И далее, говоря конкретно об общинной администрации, М. М. Ковалевский писал: «Подобно тому, как тохум имеет своего старейшину и свои родовые (тухумные — Б. А.) собрания, так точно община имеет своего старшину и свой общинный сбор, к участию в котором призываются все совершеннолетние мужского пола. Факт позднейшего происхождения общинного устройства, по мере естественного или искусственного скучивания нескольких тохумов в одних и тех же местах, с наглядностью выступает из того обстоятельства, что старшина селения нередко выбирается исключительно из членов одного какого-нибудь рода (тухума — Б. А.), как бы велико ни было число последних в округе»²⁷. Это было характерно почти для каждого сельского общества, являвшегося совокупностью нескольких тохумов.

В то же время образование союза обществ на основе объединения восточных даргинцев вокруг Урахинского общества, как наиболее крупного и сильного, других окружающих его обществ, вызвало появление и общесоюзных органов управления, каковыми являлись органы власти и управления Урахинского общества, являвшегося центром союза Каба-Дарго. Как и в других союзах сельских обществ Дагестана, являвшихся военно-политическими и территориальными объединениями, в союзе Каба-Дарго сложилось такое положение, когда, по словам М. М. Ковалевского, «процесс развития государственнос-

---

²⁵ П. Кушнер (Кнышев). Очерки развития общественных форм, изд. 7-е. М., 1921, стр. 213.

²⁶ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 159.

²⁷ Там же, стр. 159—160.

ти не ограничился... созданием... общинной организации. Общины не сохраняли всегда полной независимости друг от друга. Древнейшему и обыкновенно могущественнейшему аулу удавалось, путем нередко молчаливо заключенных союзов, взять на себя руководство судьбами соседних с ним обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредоточивал в своих руках право судебного разбирательства и вне пределов общины»²⁸.

Описывая прошлую историю селения Урахи, автор весьма интересной книги А. Далгат пишет о союзе Каба-Дарго следующее: «Все аулы этого союза во всех своих делах ориентировались на Урахи, следовали обычаям и традициям, установленным этим аулом. В вопросах войны и мира, во внешних отношениях, при разборе земельных споров — во всех важнейших вопросах решение Урахинского джамаата являлось обязательным для Совета Старейшин всего Урахинского Союза. В период распространения ислама и начала господства шариата и института кадиев, решения урахинского кадия были обязательны для всех аулов Союза и кадиями в эти аулы в большинстве случаев назначались урахинцы»²⁹.

Главенство Урахинского общества особенно проявлялось по отношению к отселкам, которые были образованы выходцами из селения Урахи. В Даргинском округе, — писал А. Комаров, — «в каждом обществе одно селение считается главным, остальное все считается выселками и подчинялось управлению главного селения до такой степени, что отселки, весьма значительные по числу дворов и имевшие по несколько мечетей, не имели права хоронить мертвых иначе как на кладбище главного селения. Этот порядок отчасти сохранился и до настоящего времени»³⁰.

Руководящая роль Урахинского общества по отношению к другим селениям выражалась не только в решении общесоюзных вопросов и споров, возникавших между обществами Союза, но и в решении вопросов внутренней

²⁸ Там же, стр. 162.

²⁹ А. Далгат. Указ. соч., стр. 5—6.

³⁰ А. Комаров. Списки населенных мест Дагестанской области. — «Сборник статистических сведений о Кавказе». Издание КОРГО т. I. Тифлис, 1869, стр. 13. Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. III. Тифлис, 1870, стр. 32.

жизни этих обществ, что особенно наглядно можно проследить на примере Мургукского общества. Как указывалось во второй главе работы, в Мургукском обществе жила бекская семья, представители которой являлись старшинами этого джамаата. Но они ставились на эту должность «только с позволения Урахинского джамаата»³¹.

Когда один из представителей этого бекского рода Айди-бек, прогнанный недовольным его поведением Мургукским обществом, захотел вернуться обратно из селения Башлы, куда он бежал от мургуковцев, последние потребовали от бека, чтобы он взял разрешение на возвращение у Урахинского общества³².

Как и в Акуша-Дарго, кадий и старшины главного селения (Урахинского общества) являлись высшими административными лицами союза Каба-Дарго. К урахинскому кадию апеллировали по всем спорным вопросам, которые разбирались духовными и гражданскими судами сельских обществ. «Недовольные решением сельских карттов и кадия, — говорится в одном из цитируемых документов, — обращались к Урахинскому, а потом или Акушинскому кадиям»³³.

Не только кадий и старшины Урахинского общества являлись высшими административными лицами союза Каба-Дарго. Функции союзных административных лиц выполняли также мангуш и исполнители Урахинского общества. Через них кадий и старшины Урахинского общества оповещали в необходимых случаях жителей других обществ о том или ином мероприятии и решении. Из среды исполнителей специально назначались так называемые «чапары», т. е. бегуны, которые обходили общества Союза и передавали приказания высших администраторов Урахинского общества.

Но в Урахинском союзе в отличие от Акуша-Дарго не было общесоюзного схода и в выборе главного кадия не принимали участия другие общества, входившие в состав союза Каба-Дарго. Объяснялось это, по-видимому, тем, что если Акуша-Дарго состояло из пяти больших союзов сельских обществ, то в составе Урахинского союза

---

31 ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 2.

32 Там же, л. 1.

33 Там же.

не было крупных сельских обществ, подобных Урахинскому. Поэтому Урахинское общество и взяло на себя руководство судьбами соседних с ним даргинских обществ.

Каждое сельское общество, входившее в состав союза Каба-Дарго, имело свои местные органы власти и управления. Управление в джамаатах сложилось по тому же типу, что и управление тухумов. Подобно тому, как тухумы являлись подразделениями джамаатов, сельские общества являлись низшими административными подразделениями в составе союза Каба-Дарго.

Как и в других даргинских селениях, в населенных пунктах Каба-Дарго до распространения ислама главными административно-должностными лицами в сельских обществах являлись старшины, которые назывались «ше холати», что значит «сельские старшины». Слово «ше» образовалось от слова «ши» — селение, а «холати» — старшие, большие. В функции власти старшин входило решение всех вопросов хозяйственной и общественной жизни джамаата, руководствовались они при этом существующими адатно-правовыми нормами. Старшины являлись также и судьями, в результате чего с распространением ислама и образованием института мусульманских кадиев за старшинами сохранились именно функции судей. Но, как и прежде, они у даргинцев назывались «ше холати» и представляли в сельских обществах светское управление, основанное на адатно-правовых нормах. Как правило, в каждом сельском обществе выбиралось несколько старшин в зависимости от величины его. Связано было это с тем, что каждое большое территориальное селение было образовано в результате объединения нескольких «родовых» или тухумных поселений и в управлении его были представлены представители каждого поселения. Поэтому и после введения института мусульманских кадиев количество старшин в каждом обществе осталось таким же, каким оно было прежде.

В начале XVIII в. Д. Ф. Еропкин писал, что у горцев Дагестана «есть в каждой деревне по нескольку старшин»³⁴. В начале 70-х годов XVIII в. академик И. А. Гюльденштедт писал, что «множайшие из них

---

³⁴ Д. Ф. Еропкин. Реестр горским владельцам. 1732 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958, стр. 123.

(«округов» Дагестана—Б. А.) ни от кого не зависимы и управляются собственными старшинами»³⁵. Так, в Урахинском обществе было 4 старшины³⁶, в Нижне-Мулебинском обществе—5 и т. д.³⁷.

Такое же положение мы наблюдаем и после присоединения Дагестана к России. В середине XIX века И. Березин писал: «Независевшие... от Беков деревни находились в заведывании старшин и кадиев»³⁸. Указывали на это и авторы более позднего периода. Так, во второй половине XIX в. Н. Ф. Дубровин писал, что управление в «вольных» обществах «отдельно по обществам, руководствуясь при этом своими древними обычаями. Каждое селение, смотря по числу жителей, управлялось одним или несколькими старшинами..., избираемыми или на всю жизнь, или на известный определенный срок. Старшины наблюдали за порядком в селениях, собирали, в случае надобности, сходки, назначали места собрания и входили в сношения с соседними племенами; они же были и судьями. За свою службу старшины получали известную часть штрафных денег и пользовались некоторыми льготами.

Ежедневно, каждое утро, старшины, выбираемые по одному из каждого тухума, выходили на площадь или к мечети, словом на место, избираемое для суда, и там производили суд. При разборе и решении дел, руководствовались преимущественно **адатом**»³⁹.

Выбирались старшины на сельских сходах. В селении Урахи, как и других административных лиц, старшин выбирали после проведения праздника первой борозды — после «андживаха» в ближайшую пятницу⁴⁰.

Судьи, как и другие светские административные лица, после присоединения к России не получали никакой платы. Однако до этого повсеместно они получали половину

---

³⁵ И. А. Гюльденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из «Путешествия Г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах» СПб., 1809, стр. 116.

³⁶ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 37.

³⁷ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

³⁸ И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью, ч. II. Изд. 2-е. Казань, 1850, стр. 52.

³⁹ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб., 1871, стр. 606.

⁴⁰ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 42.

всех штрафов⁴¹. А по свидетельству Г.-М. Амирова, они, как и мангуш и исполнители, «в прежнее время все-таки обогащались в продолжении одного года. Доходная статья их — штрафы». Брели судьи также и взятки⁴².

После принятия ислама главными административными лицами становятся кадии. / Как указывалось выше, кадий Урахинского общества являлся и главным кадием союза Каба-Дарго. Как и в других крупных даргинских обществах, урахинский кадий «управлял народом» всего Союза. «В Акушах, Цудахаре, Урахи, — пишет профессор Р. М. Магомедов, — не было в обычае избирать себе предводителей перед военным походом. По свидетельству автора «Тарихи Дагестана», Бакиханова, Гасана Алкадари, у даргинцев во всех делах в роли предводителей выступали кадии. Их власть была обширна в военное время и ограничивалась она в мирное время деятельностью народных собраний»⁴³.

Кадии имелись также во всех обществах союза Каба-Дарго. «В каждом большом селении и в нескольких малых, — писал А. В. Комаров о народах Дагестана, — для разбора дел по шариату и исполнения духовных треб и службы при главной мечети, избирается один кадий из числа лиц, известных своею ученостью, знанием Корана и хорошею нравственностью»⁴⁴.

Избирались кадии на народном сходе на определенное время⁴⁵. Так, в селении Н.-Мулебки кадий избирался на три года, в Урахи и Кана-Сираги — на один год и т. д.⁴⁶

Кадий в сельских обществах вершил суд по шариату, являвшемуся мусульманской юрисдикцией, где регламентируются все стороны общественной, семейной и личной жизни мусульман. Кроме того, вместе со старшинами, кадии сельских обществ возглавляли и всю общественную и хозяйственную жизнь своих джамаатов.

В связи с этим интересно отметить, что во власти кадия наблюдается мирное уживание адата и шариата.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1 об.

⁴² Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 38.

⁴³ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957, стр. 117.

⁴⁴ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 74--75.

⁴⁵ Там же, стр. 74.

⁴⁶ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 37; полевой материал, собранный нами в 1967 г.

В целом, конечно, для исследуемого периода характерным являлось усиление роли шариата. Однако, если даже, как писал М. М. Ковалевский, «многое, что считается в Дагестане продуктом туземного обычая, имеет на самом деле источником писанное право, то из этого не следует однако, чтобы народные юридические воззрения совершенно исчезли из тех сфер, в которых... Шариат одержал победу над адатом»⁴⁷. Более того, он писал далее, что «если не говорить о вещном и обязательственном праве, все стороны юридической жизни Дагестана сохраняли еще недавно и сохраняют и теперь следы всестороннего регулирования их обычаем»⁴⁸.

О причинах сосуществования адата и шариата в исторической литературе дано объяснение. Конкретно о народах Дагестана профессор И. П. Петрушевский пишет следующее: «Соединение черт раннефеодального строя с многочисленными пережитками родового строя привело к тому, что здесь существовали рядом с нормами домусульманского обычного права (адат) и мусульманский шариат»⁴⁹. Далее, указывая на позиции шариата, И. П. Петрушевский пишет: «Право семейное, вещное, уголовное основывалось еще на господстве адата, но уже подвергнувшись значительному влиянию шариата. Это влияние сказывается особенно в семейном и наследственном праве»⁵⁰. Здесь же И. П. Петрушевский указывает на причины ослабления адата и усиления позиций шариата. «Усиление значения шариата может быть понято в связи с разложением патриархально-родового строя и развитием процесса феодализации»⁵¹, — пишет он. Но в то же время вслед за М. М. Ковалевским И. П. Петрушевский говорит и о той роли, которую все еще играл даже в XIX в. адат. Шариат, — пишет он, — не только не убил адатное право, но даже не лишил его преобладающего значения, а лишь пронизал своим влиянием. Они чаще всего уживались мирно до распространения мюридизма (20-е годы XIX в.). Мусульманские кадии, которые должны были бы быть хранителями шариата, принимали

⁴⁷ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. II, стр. 129.

⁴⁸ Там же, стр. 127.

⁴⁹ И. П. Петрушевский. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания. — «Исторический сборник», I. Л., 1934, стр. 213.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

участие в выполнении судебных решений на основании адатного права.

Шариат укреплялся, как право феодальных верхов, по мере постепенного разложения родового строя у народов Дагестана, феодалы стремились приспособлять к своим интересам пережитки родовых отношений. Таким путем адат и некоторые институты тухумного строя превратились в такое же орудие господствовавшей классовой группы, каким был и сам шариат. Следовательно, в начале XIX в. адат был не столько пережитком родовых отношений, сколько формой раннефеодального права⁵².

После присоединения к России и в особенности после завершения Кавказской войны и образования новых административно-территориальных единиц адат и шариат стали терять свое былое значение. Как писал Г.-М. Амиров, жители Урахинского общества «весьма часто» стали обращаться к «наибскому суду»⁵³. Соответственно этому падало значение старшин и кадиев.

За свою службу кадии получали определенную плату. Указывая на это, А. В. Комаров писал следующее: «Кадии эти пользуются определенной платою за разбор дел по шариату, за похороны и свадьбы. Освобождены от податей и повинностей и получают определенную часть из заката, собираемого на содержание мечетей и учеников»⁵⁴.

Однако доходы кадиев не ограничивались указанными сборами. Кроме этих индивидуальных оплат, являвшихся в основном вознаграждением за разбирательство личных вопросов, сельские кадии за свою должность получали известную плату и от джамаатов в целом. Формы и размеры вознаграждения со стороны общества зависели от решения сельского схода. Так, в Урахинском обществе каждый из 12 исполнителей должен был давать кадию своего селения по 10 мерок (барха) зерна в год. Всего в течение только одного года урахинский кадий получал 180 пудов пшеницы⁵⁵. В Меусишинском обществе ежегодно 12 исполнителей давали своему кадию 36 мерок

⁵² Там же.

⁵³ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 37.

⁵⁴ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 75.

⁵⁵ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 38.

(барха) пшеницы, т. е. по три мерки каждый⁵⁶. В Мур-гукском обществе каждое хозяйство давало сельскому кадию по 2 мерки (сах) зерна; в селении Кана-Сираги — по 3 саха зерна; в Кичи-Гамри — по 3 саха и т. д.⁵⁷

Сельские общества выделяли для своих кадиев и определенные пахотные и сенокосные участки. Так, большие земли были выделены для кадия в Урахинском обществе. Известно, что кадий Абдулкадир (XIX в.) получил пахотное поле от Урахинского джамаата около современного селения Ванаши-Махи. В Бурдекинском обществе для кадия в местности «Джагъаннабла къада» выделяли пахотный участок на 7 мерок (барха) засева, урожай с которого для него собирали сами общинники. Кроме того, из зерна, собираемого с вакуфных земель, давали кадию еще 40 мерок (барха) зерна. В селении Кичи-Гамри сельскохозяйственные работы за кадия выполняли общинники⁵⁸.

Вознаграждение, получаемое административными лицами, создавало для них прибавочный продукт. Этого не могло быть при родовом строе, когда народ поддерживал административных лиц материально как своих представителей в общественном управлении. Вознаграждение административным лицам тогда являлось лишь «эквивалентом их общественно-полезных функций»⁵⁹. Но с разделением общества на имущих и бедных этот обычай стал доходной статьей первых, так как они фактически узурпировали право выбора на административные должности. В результате в условиях захвата знатью общинного управления вознаграждение административным лицам трансформировалось в постоянный налог или в подать в пользу местных богачей.

А земельные участки, выделяемые для исключительного пользования административных лиц, не подлежали переделу и постепенно становились личными и наследственными владениями их, в особенности, если административную должность долго занимало одно и то же лицо.

С присоединением союза Каба-Дарго к России и образованием Даргинского округа в сельских обществах

---

⁵⁶ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Н. М. Никольский. Община в древнем Двуречье. ВДИ, 4(5). ОГИЗ. Соцэргиз. М., 1938, стр. 78.

стали назначаться юзбаши. Они, как правило, были из местного населения, но утверждались начальником Даргинского округа, который находился в селении Леваши. «Юзбаши, или старшина, — писал Г.-М. Амиров, — лицо назначаемое правительством; он контролирует решение суда и наблюдает за правильным ходом дел в нем; без его подписи решение кадия и судей не считается действительным. Но все это больше номинально, чем действительно. Эта должность введена недавно и не успела пустить еще корни в народе. Обыкновенно, юзбаши только присутствуют в суде, сохраняя молчание и предоставляя полную волю кадию и судьям, так что дела и их исполнение находятся собственно в руках кадия и четырех судей»⁶⁰.

Но в дальнейшем власть юзбаши усиливается. От сельских общин они не получали никакой платы.

У юзбаши были помощники, которые назывались муинами.

Помощниками кадиев в сельских обществах являлись будуны, которые, как и кадии, находились при главной мечети. Обязанностью будунов являлось чтение Корана в мечети, призыв на молитву, наблюдение за порядком в мечети и вероисповеданием членов джамаата, а также за хозяйством и имуществом мечети. Во время отсутствия кадия будун, как помощник, выполнял его функции.

В квартальных мечетях находились муллы. Как будун в главной мечети, квартальные муллы отправляли службу в своих мечетях. Они обязаны были призывать на молитву в установленное время жителей своих кварталов.

Будуны и муллы выбирались на сельских сходах, как и кадии, «из людей ученых» на определенный срок.

Муллы и будуны, как и кадии, получали «содержание от общества, из заката» или же пользовались «частью доходов с имущества, завещанного в пользу мечетей»⁶¹, ибо они сами распоряжались им. В ведении будуна находилась также «напака»⁶².

Вот как описал «напака» главной мечети селения Урахи Г.-М. Амиров: «Желая сделать богоугодное дело, горец обязуется вносить в пользу мечети известное ко-

⁶⁰ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 37.

⁶¹ А. В. Комаров. Указ. соч., стр. 78.

⁶² «Напака» — это часть, вносимого в пользу мечети зерна, которая назначалась на содержание мутаалимов.

личество из пшеницы, добытой с известного поля пахотной земли. Таким образом в мечеть возносится ежегодно пшеница от 200 до 300 мерок. Большая часть этого количества назначается для содержания мутаалимов, а меньшая раздается бедным. Мутаалимская часть называется «напака». Напакою заведует «будун»⁶³.

Кроме указанных доходов, будуну и муллы получали также определенное количество зерна от каждого хозяйства — будуну от всех хозяйств сельской общины, а муллы — от каждого хозяйства своих кварталов. Так, в Нижне-Мулебском обществе будун главной мечети получал от каждого хозяйства по одной мерки (сахы) пшеницы в год; такое же количество зерна давало своему будуну каждое хозяйство Мургукского общества⁶⁴.

Кроме того, будуну, как и кадии, получали и определенный пахотный участок от своего джамаата. Так, будун Нижне-Мулебкинского общества получал вакуфные земли в местности «Къакъашурми» площадью на 2 мерки (барха) засева; в Урахинском обществе будун главной мечети получал от джамаата два пахотных участка, расположенные в разных местах⁶⁵. В Меусишинском обществе будуну мечети ХІябки къотІ давали два пахотных участка, находившиеся в местности «ХІябхъи» (на 10 мерок засева) и «Къакълиула» (на 8 мерок засева); будун главной мечети (Хола мискит) имел мельницу в местности «Шилкъа къадди», доход с которой шел в его пользу⁶⁶.

Из светских административных лиц после старшин («ше холати») по занимаемому положению находился мангуш (глашатай). До присоединения к России в ряде обществ они назначались кадиями. Затем они стали назначаться старшинами (юзбаши) или же выбираться на сельском сходе сроком до одного года⁶⁷. Обязанностью мангуша было объявление криком приказаний и решений кадиев и старшин и приведение в исполнение их распоряжений. Мангуш также созывал народ на сельский сход, оглашал решения, принятые на нем, объявлял очередность сельских исполнителей. За свою службу мангуш получал «различное вознаграждение»⁶⁸.

63 Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 45.

64 Полевой материал, собранный нами в 1966—1967 гг.

65 Там же.

66 Там же.

67 Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 38.

68 А. В. Комаров. Указ. соч., стр. 78.

Мангуш стоял также во главе исполнителей, выполнявших как бы полицейские функции. Вместе с мангушем они входили в исполнительные органы власти в сельских обществах, которые претворяли в жизнь решения сельских сходов, старшин и кадиев.

Исполнители назначались джамаатом по очереди сроком на один год. Исполнителем должен был служить каждый взрослый мужчина. Назывались исполнители в каждом обществе по-разному: в Урахи назывались они «хъуалти», что значит «охраняющие поля» или «объезжающие поля»; в Нижнем-Мулебки исполнители назывались «хъулгьулти» (значение то же, что и в Урахи); в селениях Кана-Сираги, Мургуке и других они назывались «келми» или «челми» и т. д.

Количество исполнителей, как и количество старшин, зависело от величины селения. Так в Урахинском, Меусишинском, Нижне-Мулебкинском, Мургукском и Кана-Сирагинском обществах на каждый год назначалось по 12 исполнителей. В других обществах их было меньше, так как они были меньше, чем перечисленные общества.

У исполнителей были чисто полицейские функции. Они исполняли приказания кадия и старшин, наблюдали за порядком, за общественными и частными землями, за посевами, созывали людей на сельский сход. Из числа исполнителей назначались так называемые «чапары» или бегуны (рассыльные), которые в необходимых случаях посылались в другие общества.

Исполнители, как и мангуш, получали определенную часть штрафов при разборе дел по адату⁶⁹. А в отдельных обществах джамаат выделял исполнителям еще дополнительные пахотные участки. Так, в Бурдекинском обществе в местности «Джагъаннабла къада» каждому из трех исполнителей давали пахотные участки на три мерки (барха) засева. Посеянное количество зерна после сбора урожая с этих участков отдавалось в пользу джамаата, а остальную часть исполнители («келми») оставляли себе. В Меусишинском обществе все 12 исполнителей, кроме определенной части штрафов, получали от джамаата и навоз, который собирали на месте содержа-

---

⁶⁹ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 38; см. также. Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873.

ния джамаатских быков — в местности «Хиуриҗима гИяйни»⁷⁰.

Для обсуждения наиболее важных вопросов созывались народные сходы или джамааты, на которых присутствовали все совершеннолетние мужчины. Созывали народные сходы маиғуши и исполнители по приказу старшин и кадиев. Местом сбора джамаата являлись специально отведенные для этого места. Народное собрание или «вече,—писал М. М. Ковалевский, — собиралось обыкновенно в окрестностях главной поселения или же вблизи мечети, особенно прославленной своей древностью или богатством»⁷¹. В селении Урахи, например, народное собрание созывалось около главной мечети; в селении Нижние-Мулебки — на поляне «Диркья», где сейчас находится здание школы и сад; в Мургуке — в местности «Шурайла хЯри», где сейчас построен родник; в Меусиша — в местности «ХьаршибахI» и т. д.⁷².

Основными вопросами, которые обсуждались на народных сходах, являлись вопросы войны и мира, заключение союзов, решение пограничных и других споров между обществами, а также хозяйственные и административные вопросы: распределение общественных сенокосов, вопросы, связанные с выпасом скота и началом различных сельскохозяйственных работ, организацией и проведением общественных работ (строительство и ремонт дорог, мостов, оград, общественных зданий и т. д.), выборы сельских административно-должностных лиц и т. д.

Решения принимались голосованием, которое выражалось или в поднятии рук, или же в отходе в разные стороны согласных и не согласных с принимаемым решением. Принималось решение по большинству голосов. Вот как описал Г.-М. Амиров работу народного собрания селения Урахи, на котором выбирались административно-должностные лица. После праздника первой борозды, — пишет он, — «по выходе из мечети все остаются на площади. Какой-нибудь старик спрашивает жителей, довольны ли они кадием, судьями и проч. Всякий имеет право голоса: одни нападают, другие защищают. На чьей стороне больше голосов, та и берет вверх. Если новоиз-

⁷⁰ Полевой материал, собранный нами в 1966—1967 гг.

⁷¹ М. М. Ковалевский. Указ, соч., т. II, стр. 160.

⁷² Полевой материал, собранный нами в 1965—1967 гг.

бранный кадий принадлежит к верхней части аула, то мангуша выбирают из нижней части. Из остальных четырех кварталов выбирали по судье. Кроме того, выбирают в этот день «будуна»⁷³. Однако, как пишет далее Г.-М. Амиров, после присоединения к России «по причине частых смещений сельских должностных лиц, не всегда выборы их приходится на праздник весны; даже иногда не бывает вовсе выборов. Но нет сомнения, что прежде с праздником этим связаны были непременно и выборы»⁷⁴.

Хотя, как указывает Г.-М. Амиров, решение принималось путем голосования, однако исход его, как правило, зависел от позиции влиятельных членов джамаата, являвшихся представителями богатых тухумов. Они заранее и намечали свои кандидатуры на занятие административных должностей, и поэтому, естественно, на джамаатах шла борьба за проведение своих людей. И в конечном счете побеждали, конечно, представители общинной знати. Поэтому, хотя формально должности старшин, кадиев и мангушей являлись выборными, фактически избирались они в основном из представителей богатых тухумов. Они в сущности узурпировали право быть избранным или занимать административные должности.

Следовательно, сельский сход фактически не являлся носителем функций народной власти, выразителем народной воли. Если раньше он «управлял всеми делами аула», то в условиях разложения патриархально-родовых отношений роль и значение его все больше и больше суживалась по мере усиления феодализирующейся знати и падения политического значения рядовых свободных узденей—общинников. Решающее слово в народном собрании принадлежало не народу, а феодализирующимся элементам, местной знати. На деле знать узурпировала право народного собрания. Она-то и регулировала внутреннюю жизнь общин в своих интересах.

Почти повсеместно помимо общенародных сходов существовали и советы стариков, которые условно можно назвать малыми джамаатами. Они обсуждали вопросы, требующие неотложного решения. Созывались они также по приказу кадиев и старшин мангушом. Вот как описал такой джамаат Урахинского общества Г.-М. Амиров. После оглашения ряда приказаний сельского начальства

---

⁷³ Г.-М. Амиров. Указ. соч., стр. 42—43.

⁷⁴ Там же, стр. 43.

мангуш объявил: «Старшина, кадий и судьи («ше холати»—Б. А.) приглашают джамаат (стариков) в «диван-хана» (место заседания сельского начальства), для обсуждения нужных дел». Присутствовать там имел право кто хотел. Диван-хана, — пишет далее Г.-М. Амиров, — простая комната. «Кругом, вдоль стены, поставлены деревянные скамейки, назначенные для сиденья стариков. А для лиц сельского управления отведено отдельное место, также со скамейками и столом, на котором находится чернильница, перо (камыш) и клочки бумаги. У стола сидит кадий; с правой стороны его старшина (юзбаши—сотенный начальник), а с левой — четверо судей («ше холати» — Б. А.). Немного в стороне от них стоят «куалти» (сельская полиция), в главе которой находится мангуш. Последний имеет в руках палку. Затем располагаются по старшинству члены джамаата»⁷⁵.

Исходя из всего сказанного мы не можем согласиться с утверждениями дореволюционных авторов о господстве полной демократии или отсутствии в союзах сельских обществ Дагестана исполнительной власти. Так, И. Березин писал, что «в вольных обществах... не существует исполнительной власти, а только одна административная»⁷⁶. В 80-е годы XIX в. М. Владыкин писал: «Лезгины... (народы Дагестана вообще — Б. А.)... (за исключением Аварского и Казикумухского ханств)... имели у себя устройство совершенно демократическое, в котором полнейшее равенство было неперемнным условием... Вообще же все общества кавказских горцев, — писал он далее, — представляют любопытный пример векового существования без всяких политических и административных властей. Что горцы дикари — в этом нет спора»⁷⁷.

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что система управления в союзах сельских обществ в исследуемый период, как и всякая политическая надстройка, отставала от развития экономики их. Однако нельзя согласиться с указанными и другими дореволюционными авторами, которые не разобрались в сущности административно-по-

---

⁷⁵ Там же, стр. 36, 37.

⁷⁶ И. Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е. Казань, 1850, стр. 92.

⁷⁷ М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Изд-е 2-е, дополненное и исправленное, ч. I. М., 1885, стр. 40—41.

литической структуры союзов сельских обществ, явления, имевшие формальное значение, выдавали за действительность и не видели или даже не хотели видеть тех изменений, которые претерпели в своем развитии народы Кавказа в XVIII—XIX вв.

Административные лица (кадии, судьи) в союзе Каба-Дарго, как и в других сельских обществах Дагестана, составляли складывающийся слой феодалов. Они пользовались рядом преимуществ и привилегий, закрепленных за ними адатом. Община охраняла свою администрацию. Так, по адатам Урахинского общества за убийство своего кадия избирались 7 баш-канлы из участвовавших в убийстве, в то время как за убийство других членов джамаата избирались всего 3 мал-канлы. С убийц кадия взыскивались 7 алумов и штраф 8 быков, 7 домов канлы или их родственников разорялись до основания.

За убийство старшины взыскивались алум в двойном размере и штраф 8 быков⁷⁸.

За нанесение раны кадию и старшине с виновного делалось взыскание в два раза больше, чем за нанесение раны рядовому члену джамаата. Сверх того в пользу «хъуалти» (исполнителей) взыскивался штраф 8 быков.

За нанесение раны исполнителю делалось двойное удовлетворение раненому и взыскивался штраф в два раза больше, чем за нанесение раны рядовому общиннику.

За избиение старшины с виновного взыскивались 2 быка, за избиение исполнителя — один бык. В обоих случаях взыскание делалось в пользу сельских исполнителей⁷⁹.

Штрафы взыскивались также за непослушание административным лицам.

Аналогичные адаты имелись и в других обществах союза Каба-Дарго.

Итак, изучив административное устройство союза Каба-Дарго, можно заключить, что, как и в других союзах так называемых «вольных» обществ, здесь было организованное административное управление. Главные или высшие административно-должностные лица и органы управления Урахинского джамаата являлись одновременно органами управления всего союза Каба-Дарго.

⁷⁸ Адаты даргинских обществ. ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873, стр. 86.

⁷⁹ Там же, стр. 89—90.

На местах, т. е. в сельских обществах существовали свои органы власти и управления. Характерным для них являлась выборность на сельских сходах. Сельские сходы созывались для решения основных вопросов экономической и политической жизни общин и в прошлом играли ведущую роль во всей системе управления сельских общин. В исследуемый период деятельность сельских сходов ограничивалась за счет фактической узурпации общинного управления феодализирующей знатью.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа имеющихся и приведенных в работе разнообразных источников по социально-политической истории союза Каба-Дарго можно сделать следующие выводы.

Территория союза Каба-Дарго была заселена с древнейших времен. Здесь сохранились памятники, относящиеся к заключительному или позднему этапу бронзового века, культура которого известна под названием каякентско-хорочоевской (1400—1100 гг. до н. э.).

В раннем средневековье, как и повсеместно в Дагестане, на территории Каба-Дарго находилось множество «родовых» или тухумных поселений. В условиях усиления процесса разложения общинных отношений и в целях защиты от внешних притязателей «родовые» поселения объединились в большие территориальные села.

В раннесредневековый период территория Каба-Дарго входила в состав государственного образования Шандан, после распада которого на территории даргинцев образуется ряд территориальных военно-политических объединений или союзов сельских обществ. Союз Каба-Дарго образовался из территориальных обществ восточных даргинцев, во главе которых встало селение Урахи, являвшееся самым большим и сильным обществом среди них.

Разновременно в состав союза Каба-Дарго входило от 8 до 18 сельских обществ.

Вплоть до начала XIX века общества союза Каба-Дарго находились под влиянием и в определенной зависимости от уцмийства Кайтагского, в состав которого Каба-Дарго входило как одна из «округ», что, видимо, было связано с ослаблением Союза в результате отхода от него ряда обществ, что в свою очередь являлось след-

ствием наступления на «свободные» общины феодальных владений.

Союз Каба-Дарго и в особенности центр его селение Урахи и другие большие общества принимали активное участие в политической жизни Дагестана. Он был вовлечен как в события, связанные с борьбой народов Дагестана против иноземных завоевателей, так и во внутриадагестанские дела.

В начале XIX в. после семилетней борьбы общества Каба-Дарго окончательно отделились от уцмийства и во главе с селением Урахи присоединились к Акуша-Дарго. Последнее после присоединения к России в первой четверти XIX века вошло в состав Даргинского округа, существовавшего вплоть до районирования Дагестана после установления советской власти.

Основным занятием населения союза Каба-Дарго являлись земледелие и животноводство. Восточные даргинцы выращивали пшеницу, ячмень, голозерный ячмень, овес, просо, коноплю, лен.

Полевые работы в каждом обществе проводились в определенные в зависимости от природных условий сроки, которые строго регламентировались выработанным издавна народным сельскохозяйственным календарем.

В животноводстве преобладающее значение имел крупный рогатый скот, хотя по количеству поголовья овец было намного больше. Крупный рогатый скот обеспечивал горца мясомолочными продуктами и являлся основной тягловой силой. Основное количество овец находилось в собственности феодализирующей знати, в то время как основная масса населения имела овец всего по несколько голов или вовсе не имела их.

Хозяйство являлось натуральным, в рамках которого были развиты домашние промыслы по переработке продуктов земледелия и животноводства. Основными видами промыслов являлись обработка шерсти, конопли, кож, шкур, железа, дерева, камня. Ряд из них в связи с появлением более устойчивых сношений и рынков выделился в самостоятельные отрасли ремесленного производства.

Торговля являлась в основном меновой. Известным торговым центром союза Каба-Дарго являлось селение Урахи, где в каждую среду регулярно собирался базар, куда приезжали для торговых сделок жители как из обществ союза Каба-Дарго, так и из других владений Да-

гестана. Большую роль в развитии торговли в Каба-Дарго играли армяне и евреи, которые постоянно приезжали в общества Союза. С усилением товарно-денежных отношений торговля в экономической жизни населения Каба-Дарго в особенности со второй половины XIX века стала играть еще большую роль.

Территория союза Каба-Дарго внутри и с другими частями Дагестана была связана тропинками и колесными дорогами.

В обществах союза Каба-Дарго в исследуемый период были три формы собственности на землю — частная, мечетская и общинная.

Частное землевладение являлось основной формой собственности. Аллодиальная собственность сложилась задолго до исследуемого периода. В своем развитии она прошла две стадии (возникновение частной собственности на пахоту, а затем и на сенокос) и находилась в преддверии третьей стадии, т. е. распространялась и на отдельные пастбищные места, выгоны и леса. Хотя этот процесс еще не стал характерным явлением, приведенные в работе отдельные примеры говорят о начале этого процесса. Конечно, община по возможности противодействовала захвату своей собственности. Однако в случаях отчуждения общинной земли она вынуждена была примириться и согласиться с совершившимся фактом, т. е. считаться с силой, властью и авторитетом общинной знати или отдельной персоны.

В частной собственности находились основные и притом наиболее хорошие земли. Частная земля находилась в полной и неограниченной собственности хозяина. Собственник земли имел право свободного распоряжения своим муьком, чего не могло быть при господстве общинной собственности на землю. Институт предпочтительной покупки земли являлся как показателем наличия частной собственности с правом отчуждения, так и концентрации земель в руках отдельных представителей общин, заинтересованных в запрете отчуждения земель за пределы общины. Они-то и являлись основными притязателями на отчуждаемую землю. На частное землевладение община имела только косвенные права, заключавшиеся в регламентации полевых сельскохозяйственных работ и в свободной пастьбе скота после жатвы и сбора сена на муьках общинников. В полной собственности

сельской общины (в коллективном владении всех членов) оставались только необрабатываемые угодья и леса.

Наличие частного землевладения с правом отчуждения являлось главной предпосылкой роста имущественной дифференциации, важнейшим средством обезземеливания одной части общинников, сосредоточения земли в руках общинной феодализирующейся знати и развития на этой основе феодальных отношений и различных форм зависимости общинников.

Для исследуемого периода главной особенностью частного землевладения являлась неравномерность распределения земли. Основная масса частнособственнических земель находилась в руках феодализирующейся знати. Мелкая собственность не играла особой роли в общем балансе частного землевладения, хотя количество мелких собственников было намного больше, чем крупных.

Приводимый в работе фактический материал иллюстрирует сосредоточение в XVIII—XIX вв. в руках феодализирующейся общинной верхушки больших земель и огромного количества скота. Феодализирующаяся знать становилась и фактическим владельцем общинных угодий, так как только она имела возможность активно пользоваться ими, имея в собственности много скота.

Основная масса общинников либо имела в собственности только маленькие мульки, которые не могли обеспечить ее жизненные потребности, либо вовсе не имела земли. Слой безземельных общинников увеличивался из года в год. В результате к концу XIX века почти половина населения союза Каба-Дарго не имела своей земли. Все это привело к тому, что одна часть общины лишилась собственных средств производства, а другая часть приобрела возможность получения прибавочного продукта, что являлось главной предпосылкой для эксплуатации человека человеком.

Лишившись земельной собственности, безземельные становились объектом эксплуатации со стороны феодализирующейся знати и фактически неравноправными в социальном и правовом отношении.

Эксплуатировались малоземельные и безземельные общинники как при помощи кабальных условий аренды земли и применения наемного труда в хозяйстве многоземельных и многоскотных богатеев, так и при помощи патриархально-родовой формы взаимопомощи.

Положение основной массы общинников, разорившихся и попавших в определенную зависимость от феодализирующей знати, сближалось с положением феодально-зависимых производителей, в чем и заключалась противоречивость между юридическим и фактическим положением узденей. В состав узденства входила и новая феодализирующаяся общинная верхушка, и основная масса населения — среднее и бедное узденство. Последние были юридически свободны, имели право на пользование общинными землями и участие в управлении общиной. Однако в исследуемые века всеми этими правами практически пользовалась общинная знать. Налицо была та самая сословная неполноправность крестьянина, которую В. И. Ленин называл одной из форм внеэкономического принуждения¹.

Все это говорит о несостоятельности утверждений, что в так называемых «вольных» обществах Дагестана население было представлено только одними свободными узденями. В них существовала своеобразная социальная структура, которая обуславливалась в конечном счете размерами земельных владений, количеством скота и политическим положением.

В обществе союза Каба-Дарго уже были следующие социальные группы: феодализирующаяся или патриархально-феодалная знать, имевшая в собственности большие земельные угодья и скот; уздени, владевшие средствами производства (пахотные и покосные земли и скот); уздени, лишенные средств производства, которые подвергались эксплуатации и попадали в различные формы зависимости от знати; рабы, лишенные всяких средств производства и политических прав.

Но развитие классовых отношений в обществах союза Каба-Дарго не было завершено. Существование указанных различных слоев населения говорит о том, что в процессе общественного развития феодальные отношения у восточных даргинцев не достигли зрелости. Медленное общественное развитие, объясняемое наряду с другими пережитками патриархально-родового строя наличием общественной собственности, не дало возможности освободиться им от патриархальной оболочки.

В Каба-Дарго, как и в других союзах сельских обществ Дагестана, еще не было четкого классового деления

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 185.

общества, не было здесь еще феодалов в полном смысле слова, которые имели бы право внеэкономического принуждения по отношению к общинникам и права юрисдикции. Общественный строй Каба-Дарго все еще характеризовался наличием коллективной формы землевладения (общинная собственность на неподделенные угодья — пастбища, выгоны и леса), лично свободных общинников, отсутствием барщинного хозяйства и т. д.

И все-таки рядом с пережиточными институтами патриархально-родового строя в обществах союза Каба-Дарго развивались феодальные отношения, показателем чего являлись наличие соседской общины и элементов патриархального рабства, выделение из домашнего производства отдельных видов ремесла, расширение обмена и торговли, господство частного землевладения, наличие имущественной и фактически социальной дифференциации, сосредоточение больших земельных угодий в руках общинной верхушки, экономическая зависимость общинников от «богатеев» и т. д.

Такого рода производственные отношения в исторической литературе принято считать раннефеодальными, полупатриархально-полуфеодальными или патриархально-феодальными. Это был еще незрелый антагонистический способ производства, где сочетались признаки общинного строя, «социального уклада, представленного свободными общинниками — аллодистами», домашнего рабства и феодализма.

Однако все развитие Каба-Дарго вело к дальнейшему разложению общинных, развитию, расширению и укреплению феодальных производственных отношений.

Разложение общины и дальнейшее развитие феодальных отношений отразились и на политическом строе обществ союза Каба-Дарго. Конечно, система управления, как и всякая политическая надстройка, отставала от развития экономики. Характерной особенностью административной структуры являлось сохранение внешней формы народоправства, выборность административно-должностных лиц. Но это было выгодно феодализирующейся знати, которая фактически захватила общинное управление.

Имеющиеся еще формы и институты общинного строя все более и более приспособлялись к новым общественным отношениям. Как пишет А. Д. Давыдов, «при господ-

стве частной собственности, как правило, наиболее живучими оказываются лишь те пережитки прежних отношений, те старые общественные формы, в которых вполне укладывается новое содержание»².

Свое политическое господство феодализирующая знать осуществляла путем захвата в свои руки органов народного управления, путем того, что она заставляла служить эти органы своим целям. В результате они постепенно теряли свое первоначальное назначение, становились выразителями интересов не всего народа, а патриархально-феодальной знати, которая через органы общинного управления диктовала им свою волю.

Административные лица и другие сельские богачи составляли складывающийся слой феодалов.

Изменения, происшедшие в сельских обществах, нашли отражение и в адатно-правовых нормах даргинцев. Феодализирующая знать в лице административно-должностных лиц пользовалась рядом преимуществ и привилегий, закрепленных за ними адатом.

Развитие Каба-Дарго вело к тому, что, если бы не присоединение к России, то на месте его, как и на месте других союзов сельских обществ Дагестана, со временем, по-видимому, образовалось бы небольшое развитое феодальное владение.

С присоединением к России развитие союза Каба-Дарго, как и других союзов «вольных» обществ Дагестана, пошло по другому пути: развиваются товарно-денежные отношения, усиливается имущественная и социальная дифференциация. В незавершенные феодальные отношения стали проникать элементы мелкотоварного хозяйства. Общества союза Каба-Дарго были вовлечены в общее русло экономического развития России, в результате чего хозяйство стало терять свой натуральный характер.

Все это говорит о наличии в обществах союза Каба-Дарго в конце XIX века, так же как и в других частях Дагестана³, элементов различных общественно-экономических укладов: патриархального, феодального, мелкотоварного и даже капиталистического. Как пишет Ю. В. Бромлей, «... в реальном процессе исторического

---

² Л. Д. Давыдов. Указ. соч., стр. 131.

³ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука» М., 1965, стр. 133—135.

развития ни одна антагонистическая формация не существовала в чистом виде: в каждой из них имеются остатки предшествующего способа производства и зародыши новых производственных отношений. При этом в силу известного закона диалектики новые отношения нередко сохраняют старую форму»⁴.

Основными из указанных укладов являлись патриархальный, который был представлен мелким натуральным хозяйством свободных общинников и феодальный, представленный феодализирующейся или патриархально-феодальной верхушкой, имевшей в собственности большое количество земли и скота и эксплуатировавшей общинников патриархальными и феодальными методами.

Усиление связей с рынком, все большее развитие арендных отношений и применение наемного труда в земледелии и овцеводстве являлись элементами капиталистических отношений.

В таком состоянии застала восточных даргинцев социалистическая революция, которая через незавершенные феодальные отношения повела союз Каба-Дарго, как и другие «вольные» общества Дагестана, по социалистическому пути развития.

---

⁴ Ю. В. Бромлей. Указ. соч., стр. 330.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Произведения классиков марксизма-ленинизма

Маркс К. Капитал, т. 1, 3. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, тт. 23, 25, ч. II.

Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 13.

Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Маркс К. Письмо П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 27.

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 2 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28.

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 14 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. I.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 4.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 20.

Энгельс Ф. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21.

Энгельс Ф. Письмо к Марксу от 6 июня 1853 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 28.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 21.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Энгельс Ф. Франкский период. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 19.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России. Полное собрание сочинений, т. 17.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критика Маркса». Полное собрание сочинений, т. 5.

Ленин В. И. Государство и революция. Полное собрание сочинений, т. 33.

Ленин В. И. О государстве. Полное собрание сочинений, т. 39.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Полное собрание сочинений, т. 1.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений, т. 3.

Материалы ЦГА ДАССР

Акты и рапорты землемеров о нанесении на планшеты границ казенных, частных и общественных земель Кюринского, К.-Табасаранского и Даргинского округов, ф. 2, оп. 3, д. 14-а.

Ведомости семей Уркарахского и Сев.-Табасаранского участков К.-Табасаранского округа. Ведомость о количестве земли частного владения по угодьям Даргинского и К.-Табасаранского округа, ф. 80, оп. 3, д. 6.

Доклад члена комиссии о сословно-поземельных отношениях, существовавших в южном Дагестане, ф. 90, оп. 1, д. 5.

Журнал заседания комиссии для разбора сословно-поземельных прав туземного населения Дагестанской области, 4 сентября 1886 года, ф. 90, оп. 1, д. 3.

Журнал заседаний южно-дагестанской сословно-поземельной комиссии с декабря 1879 по 11 января 1880 г., ч. 4, ф. 150, оп. 1, д. 16-а.

Материалы о видах лично-зависимых сословий в Дагестане, ф. 90, оп. 2, ед. хр. 21.

Отчеты начальников Андийского, Даргинского, Казии-Кумухского и Гунибского округов, ф. 21, оп. 3, д. 4.

Отчет начальника Даргинского округа о состоянии округа за 1897 г., ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14.

Отчеты начальников о состоянии вверенных им округов с списками населения, ф. 21, оп. 3, д. 5.

Переписка с комиссией по окончанию сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края по прошениям и жалобам жителей и сельских обществ по спорным земельным вопросам, ф. 2, оп. 3, д. 143-в.

Положение об управлении Дагестанской областью, ф. 126, оп. 2, д. 7-а.

Посемейный список жителей Мекегинского наибства Даргинского округа, ф. 21, оп. 5, д. 105.

Посемейный список жителей Н.-Кайтагского наибства К.-Табасаранского округа, ч. 3, ф. 21, оп. 5, д. 41.

Протоколы заседаний сословно-поземельной комиссии по Даргинскому округу, ф. 90, оп. 1, д. 7.

Циркуляры наместника Кавказа и журналы о раскладке казенных сборов, ф. 80, оп. 1, д. 13.

Материалы Рукописного фонда Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР

Адаты и обычаи даргинцев, ф. 5, оп. 1, д. 35.

Алиев Б. Г. Землевладение и землепользование в Урахинском союзе сельских обществ в XVII—XIX вв., ф. 3, оп. 1, д. 132.

Алиев Б. Г. Социально-экономическое развитие Урахинского союза сельских обществ, ф. 3, оп. 1, д. 149.

Алиев Б. Г. История аулов Верхнего Кайтага. (История сел. общества Гапш), инв. № 3978.

Алиев Б. Г. Полевой материал, собранный в даргинских районах в 1962—1967 гг.

Ахмедов Ш. М. Социально-экономическое и политическое развитие раннесредневекового Дагестана (V—IX вв.). Рукопись кандидатской диссертации. Махачкала, 1970, ф. 3, оп. 1, д. 221.

Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Рукопись кандидатской диссертации, М., 1941, ф. 3, оп. 1, д. 4.

Бутаев Д. Б. Дагестан. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность и местонахождение, ф. 3, оп. 3, д. 8.

Гасанов А. Древняя и новая история Дагестана, ф. 3, оп. 3, д. 18.

Далгат Б. Героические песни, сказки и пословицы (даргинский язык), ф. 9, оп. 1, д. 117.

Далгат Б. Материалы по обычному праву даргинцев, ф. 5, оп. 1, д. 28.

Далгат Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана, ф. 5, оп. 1, д. 22.

Даргинские сказки, собранные А. Алиевым, ф. 9, оп. 1, д. 118

Даргинские пословицы, поговорки, загадки, собранные Б. Магомедовым, ф. 9, оп. 1, д. 237.

Даргинский фольклор, собранный С. Абдуллаевым, ф. 9, оп. 1, д. 115.

Копии документов, извлеченных из фондов ЦГАДА, относящихся к истории России, Персии, Кавказа и в особенности Дагестана первой половины XVIII в., ф. 1, оп. 1, д. 59.

Материалы из ЦГИА Груз. ССР по истории Дагестана XIX в., ф. 1, оп. 1, д. 383.

Материалы по истории Дагестана XVII, XVIII, XIX вв., ф. 1, оп. 1, д. 44.

Микрофильмы архивных документов, извлеченных из АВФП МИД СССР В. Г. Гаджиевым, инв. № 3141.

Омаров А. С. Общественный быт Нагорного Дагестана по материалам обычного права (до присоединения Дагестана к России). ф. 3, оп. 3, д. 84.

Османов Г. Г. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Рукопись докторской диссертации. Махачкала 1963, ф. 3, оп. 2, д. 128.

✓ Османов М. О. Поселения даргинцев в XIX в., ф. 3, оп. 3, д. 108

Османов М. О. Хозяйство даргинцев в XIX в., ф. 3, оп. 3, д. 115

Отрывки из «Путешествия» Эвлия Челеби, ф. 1, оп. 1, д. 37.

Пикуль М. И. Отчет о работе северного отряда ДАЭ 1953 г. ф. 3, оп. 3, д. 42.

Пикуль М. И. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Дагестане, ф. 3, оп. 3, д. 129.

Рукопись с перевода рассказа Кади-Магомед-оглы, жителя селения Усиша, Даргинского округа, ф. 1, оп. 1, д. 397.

Сборник адатов Даргинского округа, ф. 1, оп. 1, д. 188.

Соболева О. В. Социально-экономические отношения в Аварском ханстве в конце XVIII—начале XIX вв. Рукопись канд. дисс. М. 1955, ф. 3, оп. 1, д. 23.

Урахинские песни, собранные А. Алиевым, ф. 9, п. 1, д. 116.

Шихсаидов А. Р. Отчет о командировке в даргинские районы инв. № 3936.

Юшков С. В. Рукопись по истории Дагестана, ф. 1, оп. 1, д. 42

Литература и источники

Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. ЖМГИ. ч. 64, № 8, 1857.

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис 1899.

Адаты Даргинских обществ. ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, тт. 1—12. Тифлис, 1866—1904.

Алиев А. И., Никольская Э. А. Даргинцы. — «Народы Кавказа». т. 1. М., 1960.

Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории). Рукопись канд. дисс. Махачкала, 1966.

Алиев Б. Г. Памятники арабской письменности XVII—XVIII вв по истории Верхней Даргинии. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970.

Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

Алиев Б., Шихсаидова Р. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, т. XX (серия общественных наук). Махачкала, 1970.

Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Пер. и комментарии А. Гасанова. Махачкала, 1929.

Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста). ССКГ, вып. VII. Тифлис, 1873.

Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. Известия ИРГО, т. XX, вып. 4. СПб., 1884.

Атаев Д. М. Дагестан и Кавказская Албания. Тезисы докладов на научной сессии Института ИЯЛ Дагфилнала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

Ашрафян К. З. Аграрный строй северной Индии (XIII—середины XVIII в.). Изд-во «Наука». М., 1965.

Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

Бартольд В. В. К вопросу о феодализме в Иране. «Новый Восток», № 28, 1930.

Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924.

Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. СПб., 1903.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел, т. 1, 1578—1613 гг. М., 1889.

Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е. Казань, 1850.

Берез А. Прикаспийский край. КК на 1857 год. Тифлис, 1856.

Бокарев Е. А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала. 1949.

Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. Изд-во «Наука». М., 1964.

Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, чч. 1—2. М., 1823.

Брюханов П. А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. Сборник трудов Пятигорского госпединститута, вып. 1. Ставрополь, 1947.

Брюханов П. А. Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы. Рук. канд. дисс. М., 1941.

Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., чч. I—III. СПб., 1869.

Вавилов Н. В. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий. «Природа», № 2, 1936.

Вейденбаум Е. Г. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

Вильер де Лиль-Адам В. Две недели в Даргинском округе. (Путевые заметки). ССКГ, вып. VIII. Тифлис, 1875.

Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1959.

Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к 50-летию выхода книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.—Л., 1936.

Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Изд. 2-е, дополненное и исправленное, ч. 1. М., 1885.

Возникновение и развитие земледелия. Изд-во «Наука», М., 1967

Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, вып. III. Тифлис, 1870.

Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.

Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р. Старинный земледельческий календарь народов Дагестана (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1964.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. Изд-во «Наука». М., 1965.

Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. СМОМПК, вып. 40. Тифлис, 1909.

Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа XVIII—начала XIX в. СЭ, № 3, 1963.

Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. Изд-во «Наука». М., 1967.

Гене Ф. И. Сведения о горном Дагестане.—1835/1836 г.—История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение. Труды 2-й сессии Ассоциации арабистов. М.—Л., 1941.

Генко А. Н. О названиях плуга в северокавказских языках. Доклад АН СССР в 1930 г.

Географический атлас Дагестанской АССР. Дагучпедгиз. Махачкала, 1964.

Гербер И. Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г.—Сочинения и переводы к пользе и увеличению служащие. СПб., сентябрь 1760.

Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.—История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Гидулянов П. В. Сословно-поземельный вопрос и райягская зависимость в Дагестане.—Этнографическое обозрение, № 1—3. М., 1901.

Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе, ч. 3. СПб., 1785.

Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (независимая сельская община). Изд-во АН СССР. М., 1962.

Грацианский Н. П. О материальных взысканиях в варварских правдах.—Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. Изд-во АН СССР. М., 1960.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1946.

Горская летопись. ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869.

Гюль К., Власов С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957.

Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта чрез Россию по Кавказским горам в 1770—1773 годах». СПб., 1809.

Давыдов А. Д. Афганская деревня. Изд-во «Наука». М., 1969.

Далгат А. В огне революции. Воспоминания. Дагкнигоиздат. Махачкала, 1960.

Данилевский И. Кавказ и его горские жители. М., 1846.

Даргинские народные песни (на дарг. яз.). Под ред. Р. Нурова.

Даргинские пословицы, поговорки и загадки (на дарг. яз.). Составитель М. Х. Гамидов. Махачкала, 1965.

Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Издание Кавказского статистического комитета. Тифлис, 1887.

Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана, вып. 1. Под ред. А. В. Малькова. М.—Л., 1930.

Дирр А. М. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып. 40. Тифлис, 1909.

Добрынин Б. Ф. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926.

Добрынин Б. Ф. Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. Махачкала, 1927.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1. СПб., 1871.

Евецкий О. С. Статистическое описание Закавказского края СПб., 1835.

Ермолов А. П. Записки А. П. Ермолова с приложениями, ч. II (1816—1827 гг.). М., 1869.

Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам.—1732 г.—История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х-М. Хашаева. М., 1958.

З. Л. Административные отделы Кавказского края. Известия КОИРГО, т. V. Тифлис, 1877—1878.

Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом и этнографическом отношении, ч. 3. СПб., 1835.

Иванов А. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией.—Исторический журнал, № 2. М., 1940.

Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы) Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968.

Икаев. Кустарные промыслы в Дагестане.—Кавказское сельское хозяйство, №№ 34, 35, 38, 39. Тифлис, 1900.

Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. (Материалы к археологической карте). МАД, т. 1. Махачкала, 1959.

Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.

История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х-М. Хашаева. М., 1958.

История Дагестана, т. 1. М., 1967; т. II. М., 1968.

Кавказский этнографический сборник, вып. I. М., 1955; вып. II. М., 1959; вып. III. М.—Л., 1962.

Каянкатвацци М. История Агван. Перев. с древнеарм. К. Паткалова. СПб., 1861.

Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. XXXI. Тифлис, 1902; вып. XXXII. Тифлис, 1903; вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.

Кильчевская Э. В., Иванов А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

Кипиани М. З. От Кавказа до Эльбруса. Владикавказ, 1889.

Ковалевский М. М. Дагестанская «Народная правда». — Этнографическое обозрение, № 1. М., 1890.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, тт. I—II. М., 1890.

Ковалевский М. М. Родовое устройство Дагестана. — «Юридический вестник», т. 29, кн. 3. М., 1888.

Козубский Е. И. Дагестанский сборник, вып. 1—2. Темир-Хан-Шура, 1902, 1904.

Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895.

Комаров А. В. Адагы и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868.

Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой). Записки КОРГО, вып. VIII. Тифлис, 1873.

Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области. Сборник статистических сведений о Кавказе. Издание КОРГО. Тифлис, 1869.

Косвен М. О. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. Кавказский этнографический сборник, № 1. М.—Л., 1955.

Косвен М. О. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, № 2, 1946.

Косвен М. О. Патронимия и проблема структуры рода. — Вопросы этнографии Кавказа. Тифлис, 1952.

Косвен М. О. Проблема общественного строя горских народов в ранней русской этнографии. Труды Института этнографии АН СССР, т. XIV. М.—Л., 1951.

Косвен М. О. Родовой строй. СЭ, № 2, 1946.

Косвен М. О. Семейная община. Известия АН СССР, т. III, № 4. М., 1946.

Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследование и материалы. М., 1961.

Котович В. Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

Котович В. Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. IX. Махачкала, 1961.

Котович В. Г. О хозяйстве населения горного Дагестана. СЭ, № 3, 1965.

Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Работы в Прикаспийском Дагестане.— «Археологические открытия 1971 года». Изд-во «Наука», М., 1972.

Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. (Итоги и проблемы). Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. VIII. Махачкала, 1960.

Краткая записка о горских народах.— Северный архив. № 13, 1826.

Кушнер П. (Кнышев). Очерки развития общественных форм. Изд. 7-е. М., 1927.

Кушнер П. (Кнышев). Первобытное и родовое общество. М., 1925.

Лавров Л. И. Развитие земледелия на Северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.— «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, М., 1952.

Ландшафты Дагестана. Географический очерк с картой. — «Земледелие», т. XXVI, вып. I—II. М., 1924.

Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву северного и восточного Кавказа, вып. 2. Одесса, 1883

Магомедов Р. М. Адамы дагестанских горцев как исторический источник. (Доклад на XXI конгрессе востоковедов). М., 1960.

Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Дагучпедгиз. Махачкала, 1968.

Магомедов Р. М. К вопросу о семейной общине в Дагестане. Труды второй научной сессии Дагестанской Базы Академии наук Союза ССР. Махачкала, 1949.

Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957.

Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVIII века. Махачкала, 1964.

Магомедов Р. М. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии. Уч. зап. Даггосуниверситета им. В. И. Ленина, т. VI. Махачкала, 1960.

Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882.

Марков Е. Л. Очерки Кавказа. Картина кавказской жизни, природы и истории. СПб., 1887.

Маршаев Р. Г. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—нач. XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. III. Махачкала, 1957.

Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3. Махачкала, 1940.

- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков М., 1963.
- Морган Л. Г.* Древнее общество. Л., 1934.
- Мухаммед-Рафи.* Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, вып. V. Тифлис, 1871.
- Надеждин П.* Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895.
- Назаревич А. Ф.* Отобранные по крупицам. Из дагестанской коллекции пословиц и поговорок. Махачкала, 1958.
- Нахшуннов И. Р.* Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956.
- Н. В.* Научные известия. (Грамматические и филологические исследования Хюркилинского языка П. К. Услара). ССКГ, вып. II. Тифлис, 1869.
- Неверовский А. А.* Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847.
- Никольская З. А.* Этнографическое описание даргинского колхоза. (Доклад на сессии Института истории им. И. А. Джавахишвили 15—21 ноября 1949 г.) — «Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси. 1952.
- Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Горное пахотное орудие террасированных полей Дагестана. СЭ, № 4. М., 1952.
- Никольский Н. М.* Община в древнем Дворучье. ВДИ, 4(5). ОГИЗ, Соцэкгиз, М., 1938.
- Обзор о состоянии Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893.
- Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, ч. IV. Под ред. В. С. Легкобытова. СПб., 1836.
- Община и социальная организация у народов восточной и юго-восточной Азии. Изд-во «Наука». Л., 1967.
- Окольничий Н.* Перечень последних военных событий в Дагестане.— «Военный сборник», № 1—2, 1859.
- Ольшевский М. Я.* Кавказ с 1841 по 1861 год.— «Русская старина», 1893, № LXXVIII—LXXXII.
- Османов Г.* Аграрные отношения в Дагестане в период строительства социализма. Дагкнигоиздат. Махачкала, 1970.
- Османов Г. Г.* О социальном строе Дагестана в конце XVIII—начале XIX вв. Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. VII. Махачкала, 1960.
- Османов Г. Г.* Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. Изд-во «Наука», М., 1965.

Османов М. О. Даргинские пословицы и поговорки.— «Пословицы и поговорки народов Востока». М., 1961.

Османов М. О. Некоторые вопросы даргинской топонимики. (Материалы по названиям селений). Уч. зап. Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. XIV (серия историческая). Махачкала, 1965.

Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957.

Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Архивные материалы. Составитель Х.-М. Хашаев. М., 1965.

Пахомов Е. А. Монеты Азербайджана, вып. I. Баку, 1959.

Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—IV. Баку, 1926—1957.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1960.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XIX вв. Л., 1949.

Петрушевский И. П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне российского завоевания.— Исторический сборник, кн. I. Изд-во АН СССР, Л., 1934.

Пигулевская Н. В. Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке. Уч. зап. Института востоковедения Академии наук, т. XVI, 1958.

Пигулевская Н. В. К вопросу об азиатском способе производства. ВДИ, № 3, 1965.

Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967.

Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I, вып. I. СПб., 1887.

Постановления Кайтахского Уцмийа Рустем-Хана. ССКГ, вып. I. Тифлис, 1868.

Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. Изд-во «Наука», М., 1969.

Разложение родового строя и формирование классового общества. Изд-во «Наука», М., 1968.

Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

Рейснер М. А. Идеология Востока. Очерк восточной теократии. М.—Л., 1927.

Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Составитель Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

Саидова М. В. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным. Рук. канд. дисс. М., 1947.

Сведения о податях, повинностях и других налогах, лежащих на жителях Дагестанской области. Октябрь 1864 г.—«Феодальные отношения в Дагестане XIX—начало XX в. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1969.

Свидерский П. Ф. К антропологии даргинцев.—«Весь Кавказ», вып. 1. Тифлис, 1903.

Семенов Ю. И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации.—«Разложение родового строя и формирование классового общества». Изд-во «Наука», М., 1968.

Сокольский В. Архаические формы семейной организации у кавказских горцев. ЖМНП, ч. ССХVIII. СПб., 1881.

Струве В. В. Марксово определение раннеклассового общества. СЭ, III, 1940.

Тамай А. Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана.—«Революционный Восток», № 5, 1935.

Тарихи Дербент-наме. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941.

Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана.—1796 г.—История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

Томара М. Ислам и земельная собственность.—«Атенст», № 58, 1930.

Тревер В. И. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.—Л., 1959.

Удальцова З. В. Проблемы генезиса феодализма в новейших работах советских ученых.—«Вопросы истории», № 2, 1965.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892.

Фадеев А. В. Вопрос о социальном строе кавказских горцев XVIII—XIX вв. в новейших работах советских историков.—«Вопросы истории», № 5, 1958.

Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960.

Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана. Махачкала, 1959.

Хашаев Х.-М. К вопросу о тухумах, сельских общинах и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. Уч. зап. Института ИЯЛ Даг филиала АН СССР, т. 1. Махачкала, 1956.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

Чикобава А. С. Введение в языкознание, ч. 1. М., 1953.

Читая Г. Ф. Земледельческая система и пахотные орудия Гру-

зии.— «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952.

Чурсин Г. Ф. Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана.— «Известия Кавказского историко-археологического института», т. V. Тифлис, 1927.

Шихсаидов А. Р. Важные сведения.— «Колхозное знамя» (даг. яз.) от 14 ноября 1961 г.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

Щербина Ф. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев.— «Северный вестник». СПб., 1886.

Эсадзе С. Исторические записки об управлении Кавказом. Тифлис, 1907.

Юшков С. В. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Уч. зап. Свердловского госпединститута, вып. I (исторический). Свердловск, 1938.

Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании.— «Исторические записки», № 1, 1937.

Юшков С. В. К вопросу о феодальном (варварском) государстве.— «Вопросы истории», № 7, 1946.

Якубовский А. Ю. Рецензия на работу И. П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.»— Вопросы истории, № 1, 1950.

Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Л., 1932.

Якут. Алфавитный реестр стран. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXIX. Тифлис, 1901.

Ямпольский Э. И. Древняя Албания III—I вв. до н. э. Баку, 1962.

Ямпольский Э. И. Из истории Древней Кавказской Албании. М., 1949.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

АВПР МИД СССР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР, М.

АДОЗО — «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», Тифлис.

АКАК — «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», Тифлис.

ВДИ — «Вестник древней истории», М.

ВУА — Военно-ученый архив.

ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.

ЖМГИ — «Журнал Министерства государственных имуществ», СПб.

ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, Махачкала.

ИРГО — Императорское русское географическое общество, СПб.

КК — «Кавказский календарь», Тифлис.

КОРГО — Кавказское отделение русского географического общества, Тифлис.

СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.

ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.

СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.

Уч. зап. — Ученые записки.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов, М.

ЦГА ДАССР — Центральный государственный архив Дагестанской ССР, Махачкала.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив, М.

ЦГИА Груз. ССР — Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР, Тбилиси.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас I, иранский шах 38, 77
 Абд ал-Малик б. Хашим б. Су-
 рака, эмир Дербента 21
 Абельдяев Н., офицер 59
 Абдувагид, сын урахинского
 кадия Абдулкерима 112
 Абдулкадир, урахинский кадий
 111, 112, 139, 169
 Абдулкерим, урахинский кадий,
 сын Абдулкадира 112, 120
 Абдулмажид, житель сел. Ура-
 хи 98
 Абдулхаликов Магомед, житель
 сел. Мулни-Махи 102
 Абдурашид, сын урахинского
 кадия Абдулкадира 112
 Абдусалам, житель сел. Урахи
 94, 98
 Абдусалам-кадий, урахинский
 кадий 132
 Абу-л-Фаварис, помощник эми-
 ра ал-Баба 21
 Абу-Муслим, арабский полко-
 водец 18, 22
 Адзиев Нурбаганд, житель сел.
 Урахи 94, 100
 Айбатиркали, тухум сел. Урахи
 117
 Айди-бек, мургукский бек 114,
 163
 Айсамирза, житель сел. Урахи
 98
 Алашахъали, тухум сел. Меуси-
 ша 153, 156
 Алибейла Омархъали, тухум
 сел. Меусиша
 Алибек, житель сел. Урахи 98
 Али б. Хайсан, правитель Шир-
 вана 21
 Алигаджиев Магомед, житель
 сел. Ая-Махи 93
 Алиев А. И., проф., историк 7
 Алиев Б. Г., историк 36, 38, 52,
 106, 118, 124, 129
 Алиев Магомед, житель сел.
 Урахи 94
 Али Султан, кайтагский уцмий
 39
 Алиханов-Аварский А. М., ген.,
 краевед 16
 Алиших, житель сел. Ванаши-
 Махи 41
 Алкадари, Г.-Э., историк 166
 Амиров Г.-М., историк, общесг-
 венный деятель 7, 44, 57, 58,
 65, 73, 80, 81, 94, 102, 104,
 111, 114, 117, 118, 120—122,
 133—135, 153, 165, 166, 168,
 170—175
 Анучин Д. Н., акад., антропо-
 лог, географ, археолог и эт-
 нограф 5, 71, 82
 Атаев Д. М., археолог 14
 Ахъил Дадай, жительница сел.
 Урахи 103
 Ахмедов Ш. М., историк 11, 23,
 118, 129
 Ашрафян К. З., проф., историк
 109
 Ашурала Ибрагъмхъали, ту-
 хум сел. Урахи 41
 Баганд-Чупан, многоземельный
 урахинец 114
 Багъажихъали, тухум сел. Меу-
 сиша 153
 Багомед, житель сел. Урахи 93

- Бакиханов А.-К., азербайджанский историк 166
- Бахиянд, сын урахинского будуна 156
- Белазури, арабский историк 19, 46
- Березин И. Н., проф., востоковед 165, 175
- Берже А. П., акад., историк и этнограф 80
- Беру 127
- Бечлу 127
- Бигишила Гялихъали, тухум сел. Кана-Сираги 153
- Бромлей Ю. В., член-корр., историк 108, 109, 149, 184, 185
- Броневский С. М., офицер 71, 80
- Брюханов П. А., историк 7
- Бугъа-Магомед, житель сел. Меусиша 106
- Будо Бахияндхъали, тухум сел. Урахи 153, 156
- Булкадар, безземельный урахи-нец 117
- Буханд-Али, безземельный урахи-нец 73, 117, 118
- Ваклаки, житель сел. Кудагу 106**
- Вайжинс, тухум сел. Кана-Сираги 153
- Вакла Курбан, безземельный урахи-нец 117
- Вейденбаум Е. Г., кавказовед 41
- Вильер де Лиль-Адам В., путешественник, этнограф 5, 43, 44, 52—54, 71, 74, 75, 81, 101, 124
- Владыкин М. 175
61
- Воронов Н., историк и этнограф 162
- Гадай-Джанайхъали, тухум сел. Урахи 31, 153
- Гаджиев В. Г., проф., историк 7, 11, 76, 77
- Гаджиева С. Ш., проф., этнограф 13, 20, 25, 27, 47, 49, 52, 53, 55, 59, 64, 67, 68, 76
- Гъажар, жительница сел. Кичи-Гамри 94, 99
- Газибей, сын урахинского кадия Абдулкерима 112, 120
- Газихан, безземельный урахи-нец 117
- Галдуев Арслан, безземельный урахи-нец 117
- Гамидов М. Х., поэт, филолог 47
- Ган К. Ф., лингвист и этнограф 32
- Гарданов В. К., проф., историк и этнограф 6, 9
- Гасан-Кадн, многоземельный урахи-нец 114
- Гасанов М. Р., историк 11
- Гене Ф. И., офицер 5
- Гербер И. Г., полковник артиллерии 77
- Герейхъали, тухум сел. Меусиша 153
- Гъашимкъадихъали, тухум сел. Мургук 153
- Гъичлухъали, тухум сел. Урахи 113, 153, 156
- Гирей-бек, мургукский бек 114
- Гирган Рабазан, многоземельный урахи-нец 112
- Гмелли С. Г., акад., ботаник 81
- Горький А. М. 10
- Грацнанский Н. П., проф., историк 143
- Гусейн, батрак 120
- Гюль К. К., проф., географ 12
- Гюльденштедт И. А., акад., естествоиспытатель 164, 165
- Гялибейла Гямархъали, тухум сел. Меусиша 153
- Гялишихъали, тухум сел. Кана-Сираги 153
- Давыдов А. Д., историк 108, 116, 160, 183, 184
- Далгат А., активный участник гражданской войны, автор воспоминаний 8, 28, 29, 34, 35, 78, 103, 114, 116, 120, 123, 124, 158, 162
- Далгат Б. К., правовед, этнограф 9, 123, 124, 154, 155, 159
- Дарасамхъали, тухум сел. Кана-Сираги 153
- Джанаев Гусейн, житель сел. Урахи 94

- Джанайла Баганд, безземельный урахинец 117
- Джапарла Мутай, житель сел. Ванаша-Махи 41
- Дорн Б. А., акад., востоковед 17
- Дубровин Н. Ф., акад., историк 27—29, 165
- Евецкий О., журналист-историк 61
- Екатерина II 151
- Ермолов А. П., ген., командующий Кавказской армией 43, 44, 147
- Еропкин Д. Ф., ген., начальник Кизлярского края 164
- Жижайхъали, тухум сел. Урахи 153
- Жузе П. К., востоковед 17
- Жяй 127
- З. Л. (Загурский), кавказовед 41
- Засулчи В. И., революционерка 88
- Зубов П., офицер, историк 77, 83
- Зуллахъали, тухум сел. Меусиша 153
- Зураби, тухум сел. Урахи 127
- Зухадин БахӀямма, житель сел. Н.-Мулебки 98
- Ибн ал-Асир, арабский историк 17
- Идрисов Гасайни, житель сел. Ванаша-Махи 41
- Ипжилла Али, житель сел. Урахи 98
- Иса, сын урахинского кадия Абдулкерима 112
- Исаев Лукман, житель сел. Мулли-Махи 120
- Исаков М., краевед-археолог 13
- ИштӀал, житель сел. Кичи-Гамри 31
- Каганкатвацц Монсей, армянский историк 20
- Кадилла Муртузали, многоземельный урахинец 114
- Къадражахъали, тухум сел. Меусиша 153, 156
- Къазхъала, тухум сел. Урахи 153
- Караулов А. Н., востоковед 24
- Касум, житель сел. Кичи-Гамри 31
- Кембаров Шахбан, арабист из сел. Мекеги 38
- Къижимхъали, тухум сел. Урахи 153
- Кисин И. М., географ 12
- Ковалевский М. М., проф., социолог, правовед 5, 6, 95, 126, 144, 152, 155, 156, 158, 159, 161, 167, 173
- Козубский Е. И., буржуазный историк 30, 39—42, 49, 54, 61, 72, 73, 75, 80
- Комаров А. В., ген., историк и археолог 5, 40, 41, 107, 162, 166, 168, 170, 171
- Косвен М. О., проф., этнограф 5, 6, 77, 158, 163
- Котович В. Г., археолог 14, 16, 17, 46
- Котович В. М., археолог 17
- Крупнов Е. И., проф., археолог 4
- Кубад, сасанидский царь 16
- Куртла Алибей, безземельный урахинец 117
- Къуртхъали, тухум сел. Урахи 153
- Кушнер П. (Кнышев), историк 156, 160, 161
- Легкобытов В. С.** 35
- Ленин В. И. 8, 69, 70, 75, 119—121, 148, 182
- Леонтович Ф. И., правовед 6
- Магъдихъали, тухум сел. Мургук 153
- Магъримхъали, тухум сел. Меусиша 153
- Магомед, многоземельный урахинец, сын кадия Абдулкерима 112, 120
- Магомед-Кадн, многоземельный урахинец 114
- Магомедов Р. М., проф., исто-

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

902.7(Дар)
А50

АЛИМОВА Барият Магомедовна,
ЛУГУЕВ Сергей Абдулхаликович

ГОДОБЕРИНЦЫ:
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ.
XIX—нач. XX века.

instituteofhistory.ru

Махачкала 1997

рик 7, 8, 16, 22, 23, 33, 35, 41, 42, 132, 144, 159, 160, 166
Магомедов С. М., археолог 17
Малла Баганд-Кадн, урахинский кадий 132
Малламагомедов Муртузали, житель сел. Урахн 94
Мангу-Баганд, многоземельный урахинец 114
Маркс К. 8, 30, 70, 75, 76, 82, 85—89, 108, 111, 117, 125, 126, 129, 146, 148, 157, 158
Маршаев Р. Г., историк 81
Мегди, шамхал тарковский 147
Медсем И. Ф. де, ген., командующий войсками на Северном Кавказе 151
Меддокс, полковник 78
Мерван, арабский военачальник 19, 46
Минагорти, тухум сел. Кана-Сираги 153, 156
Мирзадахъала Муса, безземельный урахинец 117
Милих Нурбаганд, житель сел. Ванашн-Махн 41
Мишорский В. Ф., проф., русский востоковед в Англии 19, 20, 46
Морган Л. Г., американский ученый-этнограф 87
Муртузали, житель сел. Урахн 98
Муртузалиев Газибаганд, арабист из сел. Урахн 102
Муса, житель сел. Мургук 150
Мустапа-кади, урахинский кадий 93, 131
Мутай-бек, сын мургукского Гирей-бека 114
Мухаммед б. Хашим, эмир Дербента 20, 21

Надир-шах, иранский шах 39
Накбрахъали, тухум сел. Урахн 153
Низам ад-дин Шами, персидский историк 36
Никольский Н. М., акад., историк 169
Никольская З. А., этнограф 7

Нуллаи, житель сел. Кана-Сираги 99
Нуллайла Магомед, безземельный урахинец 117
Нурбагандов Магомед, житель сел. Урахн 94, 98, 100

Окольников Н., офицер 45
Омаразн, безземельный урахинец 117
Омар—сын Мамаша, житель сел. Урахн 93
Омаров А. С., правовед 9, 124
Омаров Муртузали, житель сел. Ванашн-Махн 41
Османов Г. Г., проф., историк 7, 11, 100, 113, 123, 127, 131, 132, 136, 137, 145, 149, 184
Османов М. О., этнограф 13, 20, 24, 25, 27, 31, 32, 47—49, 52, 53, 55, 59, 76

Парат 127
Пархадаров Магомед, житель сел. Урахн 94
Патхъала, тухум сел. Урахн 153
Пашаева А. Г., этнограф 13, 20, 25, 27, 47, 49, 52, 53, 55, 59, 76
Петр I 77
Петрушевский И. П., проф., востоковед 121, 146, 167
Пиккуль М. И., археолог 4, 13

Рабада Алибей, безземельный урахинец 117
Рамазанов Х. Х., историк 30, 77
Решетов А. М., историк 128

Сайдова М. В., историк 7, 33
Салман ибн Рабиа, арабский военачальник 16
Семенов Ю. И., историк 125, 126
Сиргала Газимагомед, многоземельный урахинец 114

Сулейман Гиямар, житель сел.
Кичи-Гамри 98
Сурхай-хан, казикумухский хан
148

Табари, арабский историк 17
Табжихъали, тухум сел. Меуси-
ша 153
Тамаз 127
Тертеров А. А., географ 12
Тизенгаузен В. Г., археолог,
востоковед 36
Тимур, среднеазиатский прави-
тель, завоеватель 24, 36—38
Тихонов Д. И., полковник 5,
34, 35, 42, 43, 72, 77, 79
Тревер К. В., историк 14
Трофимова А. Г., этнограф 64,
67, 68

Угрихъали, тухум сел. Ма-
харги-Махи 41
Умаханов М.-С. К., историк
11, 118, 129
Услар П. К., лингвист и исто-
рик 5, 41, 43, 150

Фет-Али-хан, правитель Кубин-
ского ханства 151

Халимбейла Гасан, многозе-
мельный урахинец 114
Халимбек, житель сел. Урахи
94

Халимбеков Алибек, житель
сел. Урахи 99

Халимбеков Магомед, много-
земельный урахинец 114

Ханум, дочь Хьанца Нурба-
хьянда 113

Хьанца Нурбахьянд, многозе-
мельный урахинец 113

Харела Бахьяммахъали, тухум
сел. Меусиша 153

Хашаев Х.-М. О., проф., исто-
рик и правовед 5—8, 41, 70,
77, 145, 151, 164

Холал Нурбаганд, многоземель-
ный урахинец 114

Хосров I Анушрван, сасанид-
ский царь 16

Хьямзала Ражабхъали, тухум
сел. Мургук 153
Хьярхъали, тухум сел. Кана-
Сираги 153

Чапала Сулейман, многозе-
мельный мулебкинец 115

Челеби Эвлия, турецкий путе-
шественник 76—78

Чикобава А. С., акад., лингвист
14

Чурсин Г. Ф., этнограф-кавка-
зовед 64

Шагьдина 127

Шамиль 36

Шапихъали, тухум сел. Меуси-
ша 153

Шарипов Аликади, житель сел.
Ванашн-Махи 41

Шахшунат, батрак 120

Шереф ад-дин Пезди, персид-
ский историк 36

Шигабудинов М. Ш., историк 11

Шихали 127

ШихГялихъали, тухум сел.
Кана-Сираги 153

Шихсаидов А. Р., историк 11,
16, 30, 38, 64, 67, 68, 77

Шихсаидова Р. С., историк 36

Шягбанхъали, богатый тухум
сел. Урахи 113

Энгельс Ф. 8, 30, 70, 76, 82,
85—88, 108, 111, 126, 129, 148,
157, 158

Эсадзе С. С., историк 6

Юшков С. В., проф., историк
7, 14, 154

Якут, арабский ученый 24

Ямпольский З. И., проф., исто-
рик 14

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ава**, мать 154
 авала ава, бабушка по матери 154
 авала ада, дед по матери 154
 авала удзи, дядя по матери 154
 ада, отец 154
 адай, мать 154
 адала ава, бабушка по отцу 154
 адала ада, дед по отцу 154
 адала удзи, дядя по отцу 154
 адат (обычное право), совокупность обычаев 5, 6, 7, 9, 10, 41, 57, 62, 126, 128, 129, 132, 134—136, 139—143, 160, 164—167, 169, 172, 176, 184
 аллод, аллодиальная собственность 108, 110, 180
 алум, плата, взыскиваемая в пользу родственников убитого вскоре после совершения убийства 144, 176
 аренда 60, 67, 100, 118, 119, 123—125, 131, 132, 136—138, 146—148, 181
 аренда из нужды 120—122
 аренда кабальная 120
 арендатор 119, 120, 131, 137, 148
 архаическая община 100
 архаические общественные формы 6, 110
 аршекъи, период жатвы 67

Барха, мера сыпучих тел (20—27 кг.) 72, 78, 79, 93, 98, 112, 113, 131, 132, 138, 168, 169, 171, 172
 батрак 120, 123, 139
 баш-канлы (см. канлы) 176
 бек, феодальный владетель 40, 114, 115, 163, 165
 большая семья 111, 109, 158
 бронзовый век 13, 172
 будун, служитель мечети, помощник кадия 170, 171, 174
 бухъ (см. алум) 143
 бухъа, взаимопомощь 121, 122, 124

Вакуф, мечетская собственность 91—95, 107, 131, 132, 169, 171, 180
 вилайят, область 16
 внеэкономическое принуждение 124, 125, 138, 145, 148, 182, 183
 вольное общество, союз нескольких сел. общ. 8, 43, 86, 130, 165, 175, 176, 182, 184
 вукурти, родственники 155, 159

Ганзурбар хъуми, террасы 48
 гариган, четвероюродный брат или сестра 154
 Гибише бахибхюд, начало осени 68
 Гибишни-гине ургала, конец осени 68
 гилавка, мера веса (400 гр.) 79
 Гини бахибхьни, начало зимы 69

Гяббаси, 20 копеек 76
Гянжибях I, весенний праздник сева 64, 165

Двухполье 49

диван-хана, место заседания суда, представителей джамаата 175

джамаат, сельская община, сельский сход, собрание 8, 10, 14, 15, 28, 40, 41, 57, 58, 60, 95—100, 109, 113, 115, 117, 123, 124, 129, 131, 132, 134—136, 138—144, 163, 164, 166, 168, 170—176

джамагятла ванза, общинная земля 95

джинс, племя, род 159

дик I, мера длины (50 см.) 79

дирхахус, семиюродный брат или сестра 154

дифференциация 82, 89, 109, 115, 116, 128, 140, 142, 183, 184

дят, плата, получаемая за согласие простить убийцу 99, 143

домашние промыслы 69—72, 84, 179, 183

домашняя община 158, 159

дураз, соха 51

Дурши, звезда, период лета 67, 68

Дурши хябляргье ургала (или ДуцIрумла ургала), середина лета 67

ДуцIрум садаши, начало лета 67

Закат, подать, установленная шариадом для всех мусульман 95, 132, 168, 170

земельная рента 148

Ирга, пастьба скота по очереди 57, 123

иргми, молотильные доски 52

ислам 18, 20—22, 38, 62, 63, 92.

97, 162, 164, 166

индивидуальное хозяйство (собственность) 88, 91, 111, 144

иудейство 20

ишкиль, право на захват чужого имущества в обеспечение долга 144

Кабальные отношения 119, 126
кадий, духовное лицо, судья по религиозным делам, правитель в вольных обществах 29, 43, 65, 103, 132, 134, 137, 139, 140, 150, 162—176

калым, выкуп за невесту 160

канлы, кровный враг, убийца 128, 176

кара, мера длины (3/4 аршина) 143

каравашка, рабыня 127

къарапул, медная монета 76

капиталистические отношения (уклад) 124, 184, 185

кариган, троюродный брат или сестра 154

карты, сельские судьи, старшины, старейшины 163

каякентско-хорочоевская культура 13, 178

къел аъни (къелла байрам), праздник весеннего сева 64

келми (челми), сельские исполнители 66, 172

кичти, родственники 154, 155

классовые группы 168

классовые отношения 6, 86, 129, 182

классовые противоречия 149, 150

княжна 23

концентрация земель 109

Коран, священная книга мусульман 21, 94, 98, 100, 101, 166

куалти, сельские исполнители 65, 66, 135, 175

кул, раб 114, 115, 124, 126—129

купля-продажа 109, 127

къуруш, один рубль 76

кутан, зимнее пастбище 60, 67

кьялши, горсть 79

Лингвистика 10

Магал, союз сел. общ., квартал,

участок 42, 45
малая семья 109, 159
мал-канлы, родственники или
соучастники убийцы, которые
вместе с ним признавались
кровными врагами 176
мангуч, сельский глашатай 65,
66, 134, 163, 166, 171—175
маслаатский суд, третейский
суд 103, 105
махи (махын), отселок, хутор
159
мелкотоварное хозяйство (ук-
лад) 184
мечеть, здание мусульманского
религиозного культа 35, 92—
95, 131, 162, 166, 168, 170,
171, 173
мирш, серп 51, 74
мискитла ванза, мечетская
земля 91
мискитла мура, мечетский се-
покос 91
мискитла хъумц, мечетские па-
хоты 91
модне, мера сыпучих тел 20, 46
мунн, помощник юзбашн 170
мулла, служитель мусульман-
ского религиозного культа
170, 171
мульк, индивидуальная недви-
жимая собственность 40, 50,
88, 89, 92, 94, 95, 98, 99, 107
—114, 116, 118, 119, 131, 180,
181
мусульманская религия (ис-
лам) 21, 22
мутаалим, учащийся медресе и
примечетских школ 94
мюридизм, мистическое на-
правление, сложившееся сре-
ди приверженцев ислама на
Кавказе в XIX в. 167
Наемный рабочий (труд) 120—
—122, 181, 185
наиб, глава нанбства 117
папака, часть пожертвованного
зерна предназначенная на со-
держание мутаалимов 170,
171
народное собрание 173, 174

натуральная аренда 119
натуральная плата 60
неолит 46, 55
нушила алавити, за нами нахо-
дящиеся, стоящие 159
нушила ахлу (нушила джисн),
наш круг людей 159
нушила вухнавти, внутри на-
ходящиеся 160
нушила кишти, наши близкие
159
нушила ургавти, наша среда,
между нами находящиеся
159—160

Обряд 7, 38, 50, 63, 64
община—марка 158
общинная земля 87, 89, 100,
101, 132, 136, 137, 140, 157,
180, 182, 183
общинная знать 22, 109, 125,
128, 174, 180, 182
общинно-родовой строй (отно-
шения) 7, 86, 124, 130
обычное право (см. адат)
однополье 49
отходники 123, 124
отхожий промысел 118, 123, 180
отчуждение 108—110

Парцеллярный труд 88
патриархальное рабство 128,
183
патриархально-родовой строй
(отношения, уклад) 6, 8, 9,
23, 125, 152, 157, 158, 167,
174, 184, 185
патриархально-родовые пере-
житки 8, 9, 86, 182, 183
патриархально-семейная общи-
на 158, 160
патриархально - феодальная
знать, верхушка 182, 185
патриархально-феодальные от-
ношения 183, 184
патронимия, родственная груп-
па 158, 160
первобытнообщинная форма-
ция, строй 9, 100, 142
племенная знать 22
племенные группы 19

право наследования 9
право отчуждения 97, 108, 109,
180
прибавочный продукт 88, 120,
121, 169, 181
пришлые 109

Рабовладельческая формация
128

рабы (лагъи) 114, 115, 124, 126
—129, 182

рагъам, летопись 16, 35

раннефеодальное право 168

ратлал (4 фунта) 79

род 6, 142, 157, 158, 160, 161

родовая община 22, 99, 152, 157,
158

родовой строй (отношения) 6,
24, 30, 33, 45, 157—161, 167—
169, 183

«родовые» (тухумпые) поселе-
ния 15, 22, 24—27, 30, 32, 45,
76, 88, 90, 132, 152, 164, 178

родовые формы 6, 100

родственный коллектив 109

рудзи, сестра 154

рудзикар, двоюродная сестра
154

рурсвала алавити, родственники
по женской линии 160

Саба, мера сыпучих тел (20—
—25 кг.) 130, 144

сагр, область 20

сам 52

сах, мера сыпучих тел (2—
2,7 кг.) 72, 79, 94, 130, 169,
171

сельская община (общество),
община 3, 8, 22, 25, 33—35,
57, 86, 89, 91, 92, 99, 109,
110, 124, 125, 128, 134, 136,
137, 146, 149—151, 155, 157,
158, 160, 161, 163, 164, 166,
169, 171, 176, 177, 181, 183,
184

сельскохозяйственный кален-
дарь 62, 69

семейная община 157—159

семейные отношения 9

синкретизм, смешение верова-
ний и обрядов разных рели-
гий 38

сородичи 109

сословная иерархия 129

социальная структура 182

социальное расслоение 6

социальные противоречия 8

союзы сельских обществ 3—6,
8, 10, 11, 14, 19, 33, 34, 42,
44, 85, 124, 129, 132, 146,
175, 178, 182, 184

судья 65, 134, 150, 164, 166, 170
—176

Талхъан (тархан), князь, бек,
феодальный владетель 23,
114

террасовое земледелие 47, 51

террасы, пахотные участки, соз-
данные на склонах гор 47, 48

территориальная община (селе-
ние) 22, 24—28, 30, 32, 33,
39, 45, 58, 100, 132, 152, 160,
164, 178

территориально-«родовая» об-
щина 15, 24, 76, 88, 140

трехполье 49

товарно-денежные отношения
59, 82, 180

товарно-обменные связи (това-
рообмен) 82, 88, 140

топонимика 10, 109

торговые пути 75

тумен, 10 рублей 76

тургаки, сельские исполнители
130, 131, 134, 135, 139

туриган, пятиюродный брат
или сестра 154

тухум, родственный коллектив
6, 8, 31, 41, 109, 111, 113, 125,
127, 143, 152—161, 164, 165,
174

тухумднш, родство 155, 159

Удзи, брат 154

удзикар, двоюродный брат 154

удзила урше урши, сын пле-
мянника 154

удзихила урши, племянник
(сын брата) 154

- удзи-урши, братья-сыновья 154, 154, 159
- уздени, лично свободные крестьяне 86, 89, 114—117, 119, 120, 124—130, 137, 148, 149, 174, 182
- уршвала алавти, родственники по мужской линии 160
- урше урше урши, правнук 154
- урше урши, внук 154
- урши, сын 154
- урба (эра), земля, оставленная под пар 48
- уцмий, титул феодального правителя Кайтага 34, 41, 42, 43, 114, 145, 146, 148—151
- Феодализирующаяся знать** 89, 114, 115, 117, 118, 122, 123, 136, 140, 141, 149, 174, 177, 179, 181—185
- феодальная рента 138
- фольклор 47, 147, 150
- фунт, мера веса (400 гр.) 79
- Хакан, правитель в Хазарском каганате** 16
- халавти тухум, близкие родственники 154, 155, 160
- халиф, титул государей в некоторых странах распространения ислама 22
- хан, феодальный правитель 129, 148, 151
- характи тухум, дальние родственники 155
- харихаи (хIаркIихъан), восьмьюродный брат или сестра 154
- хасарбат, отказ от права на владение землей; пожертвование земли в пользу общины 97, 100, 113
- хасарбатские земли, земли пожертвованные в пользу общины 97, 98
- хеш (см. ишкиль) 144
- хиджра, переезд Магомеда из Мекки в Медину. Начало мусульманского летоисчисления (20 сентября 622 г.) 20, 21, 38, 102
- хIнкиб, кровный враг 143
- христианство 20, 38
- хола хъубзара, первый землепашец, старший пахарь 66
- хъуалти, исполнители 172, 176
- хъубзара, крестьянин 120
- хутор 37, 39—41, 90, 112, 115
- ХIябдьяргъи, созвездие 67, 68
- хIярубар хъуми, террасы 48
- Чапар, гонец, рассыльный** 163, 172
- чауш, глашатай 134
- Чилла, середина зимы 69
- чIим, мера длины (20—25 см.) 79
- чутхапаяк, семьюродный брат или сестра 154
- Шагъи, 5 копеек** 76
- шамхал, титул феодального правителя Кумыкии 13, 79, 147—151
- шанти, жители селения, сельчане, народ 152
- шариат, мусульманское законодательство, основанное на Коране 103, 112, 162, 166, 167, 168
- шах 22, 38, 39, 77
- ше холати, сельские старшины 164, 171, 175
- Шии кьуркьур баз, начало зимы 69
- Эволюция** 87, 88
- экзогамия 160
- эксплуатация 119—124, 126, 128, 132, 138, 140, 146, 181, 182, 185
- эмир, феодальный владетель 21, 147
- Юзбашн, старшина** 65, 170, 171, 175
- Язычество** 20, 38
- ясыри, пленники 126

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аварское ханство 175
аварцы 19
АгъачбяхІла къада, пастищ-
ный участок 105
Аждагъала шулла бахІ, гора
29, 73
Азагурала бахІ, местность, где
находилось поселение 22, 26
Азербайджан 77, 83
Азербайджанская ССР 14
азиаты 89
Айгунна гІява, пахотное место
90
Аймази-Махи, урахинский ху-
тор 13
Аймау-Махи, урахинский хутор
39, 41, 97, 99, 100
Айнурби-Махи, мулебкинский
хутор 40
Акуша, даргинское сел. 78, 80,
83, 103, 166
Акуша-Дарго, союз сел. общ.
19, 22, 31—33, 39, 41—45, 78,
83, 102, 107, 118, 124, 127,
147, 148, 163, 179
Акушинский союз (общество)
13, 74, 155
ал-Баб (см. Дербент)
Алматкант (Ахмед-Кент), дар-
гинское сел. 83
Алхъанайла къаси, гора 67
Алходжакент, кумыкское сел. 17
амузгинцы 78
Андрей-аул (Эндери), кумык-
ское сел. 79, 128
арабы 16, 18—23, 35, 36, 46, 97,
102
Арау диркъа, земельный участок
98
Арау къада, пастищное место
96, 133
Арачана-Махи, мулебкинский
хутор 40
армяне 20, 38, 53, 77, 79, 80,
180
Атбулкара-бурхела, участок ле-
са 101
афганцы 116
Ахърумак, пахотное место 90
Ахърумела къада, участок леса
101
Ахтарца хІаркІ, местность на
территории сел. Н.-Мулебки
99
Ая-Бурхила-Махи, урахинский
хутор 39
Аялизи-Махи, урахинский ху-
тор 39, 44, 54
Ая-Махи, урахинский хутор 39,
44, 93, 97, 120, 132
Баалха-улала, участок леса 140
Бадарак, участок леса 101
Байгъабил гъуни, пахотное мес-
то 90, 112
Байгъаргъуйура, земельный
участок 93
Бакъагнакила, пахотное место
91
Балзала хъо бухІнала, пасти-
щное место 97
Балхар, лакское сел. 52, 78
Бахъанила, участок леса 101
БахІла гІилала, земельный
участок 113
БахІ-Махи, мулебкинский ху-
тор 40

- Башлы, кумыкское сел. 18, 30, 39, 44, 60, 83, 107, 137, 138, 163
 Бегала курми, участок леса 101
 Бецла дякъ, тропинка 39
 Бигуб вацла, местность, где находилось «родовое» поселение 26
 Бикла къякълигила, пахотное место 90
 Биларкилишила, сенокосное место 91
 Биштал бяхI, участок леса 101
 Биштал Ираула, пастбищное место 112
 Буам, р. 83
 Будо гинизла къада, участок леса 101
 Будо хьо муза, пахотное поле будупа 95
 Будун Омарла хью, пахотный участок 97
 Буйнак, кумыкское сел. 60, 103, 105
 Бука-Кала, пастбищная гора 96
 Буклазила, земельный участок 114
 Букуки, пастбищное место 97
 Букум, земельный участок 98
 Булгунела гьуни, дорога 83
 Бурдеки (Бурдекинское общество), бурдекинцы 13, 30, 31, 33, 50, 54, 67, 69, 78, 83, 96, 98, 104, 105, 107, 134, 139, 169, 172
 Буркун-Дарго, союз сел. общ. 23
 Бурхела, пастбищное место 96, 133
 Бурхила, земельный участок 93
 Бурхикъотла мискитла хью, пахотный участок мечети 93
 Бурхила, участок леса 101
 Бурхи-Махи, мулебкинский хутор 40
 Бускри (Бускриинское общество) 34, 35, 45, 59, 61, 62, 72, 74, 91, 101, 107
 Бутаула, пастбищная гора 96, 97
 Бутау шурми, местность в сел. Кана-Сираги 64
 БухIна диркъа, пахотный участок 131
 БухIнахинтигила, пахотное место 90
 Будраула, урахинский хутор 39
 Бупра, участок леса 101
 Бупри вацла, участок леса 139
 Буприла бахI, гора 67
 Буцулла къадди, участок леса 101
 БяхIмудла хью, пахотный участок 90, 92
 Вайгиляли хью, пахотный участок 92
 Ванашин-Махи, урахинский хутор 39, 41, 44, 169
 Варташен, азербайджанское сел. 14
 Вацла, участок леса 138
 Вацлала къада, пахотное место 90
 Великент, кумыкское сел. 75, 83
 Верхнее Дарго (см. также верхнедаргинские общества, верхнедаргинцы) 19, 23, 28, 31, 36, 38, 39, 40, 102, 103, 147
 Верхний Кайтаг 42, 106
 Верхнекайтагские племена 23
 Верхний-Махарги-Махи, урахинский хутор 39
 Верхние-Мулебки, даргинское сел. 36, 38, 83
 Викри, даргинское сел. 23, 34, 35, 45, 59, 72, 91, 96
 Винца участок леса 101
 восточные даргинцы 3, 9, 10, 15, 19, 20, 22, 32, 33, 37, 38, 41, 43, 45, 46, 55, 56, 58, 69, 80—82, 87, 110, 118, 126—128, 142—146, 148, 149, 152, 157, 159, 161, 178, 179, 182, 185
 Вуглухарила, пастбищная гора 96
 Габела бикла, пахотное место 91
 Гьалли, сенокосный участок 99
 Гамри-Дарго (Хиямур-Дарго), Гамри (Хумри) 16—18, 23, 30, 31, 33, 42, 137

- Гамри-Озень, р. 13, 16—18, 83
 Гамринская округа 34
 Ганзурбаула, земельный участок 115
 Ганк, союз сел. общ. 13, 34, 42
 Ганпаула, пахотное место 90
 Гапш, союз сел. общ. 13, 34, 37, 42, 105, 106
 Гаргат, участок леса 101, 139
 Гъаргъатла муза, местность в сел. Кана-Сираги 64
 Гатби, участок леса 140
 Гауркъала, гора 67
 Глешнела мурала глинцила, сенокосное место 91
 Глела бяхI, местность в сел. Мургук 98
 Глела къотIла балтIни, пастбищное место 96, 133
 Глела мурби, сенокосное место 91
 Глеллагъум, земельный участок 98
 Герга (Гергинское общество, гергинцы) 34—37, 45, 53, 55, 59, 61, 62, 73, 78, 91, 96, 101, 112, 139
 ГергIела бекI, местность в сел. Бурдеки 69
 Гивчила када, сенокосное место 91
 Гила дубри, сенокосное место 91
 Гилянская провинция 81
 Гиникъла бяхI, местность в сел. Мургук 13
 Гинкъила, земельный участок 92
 Гинцила, участок леса 139
 ГинчIухъала гIярни, земельный участок 113
 Гирхъинайла, пахотное место 90
 ГишанкIи, земельный участок 97
 горный Дагестан 20, 24, 52, 125
 Грозный 124
 Грузинская ССР (Грузия) 14
 грузины 20
 Губден (губденцы) 60, 79, 80, 114
 Губе хъуми, пахотные поля 100
 ГубилигIила, земельный участок 100
 Губнашила, дорога 83
 Гудала хъарахъ, зимнее пастбище 60
 Гудгудла бахI, местность в сел. Мургук 63
 Гулебки, даргинское сел. 34
 Гулпала чир, местность в сел. Урахи 50
 Гумик (гумики) 15, 24
 Гъуми гъала, пастбищное место 96, 134
 Гунибак-гIинзкъатI, пастбищное место 96, 133
 Гунна-Марсила, пастбищная гора 96
 Гураклы (см. Урахи) 34
 ГъургъалигIи, пастбищное место 96, 133
 ГIурхъи, сенокосное место 91
 Гутайкила, земельный участок 98
 Гъябжнала гъалала, земельный участок 98
 ГIябли, участок леса 138
 ГIябнаула, пахотный участок 98
 Гъяргъурти, местность, где находилось «родовое» поселение 26
 ГIярбукIа хъуми, пахотное место 90, 109
 ГIяртIла гIиниз, земельный участок 93
 ГIяртIла гIинцила, земельный участок 92
 ГIяхим хъу, пахотный участок 113
 ГIячила къадди, зимнее пастбище 60
 ГIяя гIинцила, местность в сел. Меусиша 39
 ГIяяла шулла бахI, местность в сел. Бурдеки 67
 ГIяямци, пастбищное место 97, 134
 Давдава муза, местность, где находилось «родовое» поселение 26
 Дагба-Калила, пастбищная гора 96
 Дагестан (см. также Дагестанская область) 3—10, 12—16,

- 18, 19, 23, 24, 33—35, 40—45, 52, 54, 60, 71, 74—78, 80—82, 85, 87, 95, 106, 107, 109, 116, 118, 122, 126—130, 132, 138, 140, 144, 147—149, 151—153, 159, 165, 167, 175, 176, 178—180, 182, 184, 185
- дагестанские горы (см. также горы Дагестана) 27, 38, 47, 61, 71, 72, 85, 86, 95, 126, 127
- Дамшулла кьада, пастбищное место 96, 133
- Даргиния 34, 44, 46, 51
- даргинские общества 77, 107, 138, 142, 164, 166
- даргинские племена 22, 32
- Даргинский округ 44, 45, 54, 162, 169, 170, 179
- даргинцы 3, 7, 8, 12, 14, 15, 18—20, 23, 24, 29, 31, 33, 38—43, 46, 47, 49—52, 59—63, 69, 76—78, 80, 81, 83, 86, 87, 97, 102, 124—126, 128, 129, 143, 144, 146, 147, 152, 157, 159, 164, 166, 178, 184
- Дарго 22
- Даргала дубурти, пастбищные горы 96, 102, 103
- Даркур, пастбищная гора 96
- Дахадаевский район 4, 12, 19, 20, 39
- ДахьлакIаля, пахотное место 90
- ДахIша, «родовое» поселение 15, 25, 27, 28, 133
- Дацела бахIла гIилала, земельный участок 96, 133
- Дачла унца хьаб, пастбищное место 97
- Дегва (Дегвинское общество, дегвинцы) 99, 102—104
- Дейбук (Дейбукское общество) 34, 35, 39, 40, 44, 53, 55, 59, 61, 62, 72—74, 90, 96, 101, 102, 117
- Дербент, дербентцы 19—21, 24, 35, 75, 79—81, 83, 123, 124, 128, 151
- Дербентская губерния 44
- Дешлагар, урочище 81, 105
- ДешлахIялла вацIа, участок леса 101
- Джагьаннабла кьада, местность в сел. Бурдеки 169, 172
- Джанга, пастбищное место 96
- Джангала кьада, пастбищное место 134
- Джемикент, кумыкское сел. 75
- Джидан, госуд. образ. 19
- Дзеля-келя, пастбищная гора 140
- Дзиха, пастбищная гора 96
- Дибгаши, даргинское сел. 20, 107
- Дигвела дубура, сенокосная гора 99, 102, 104
- Дирго кьади, пастбищное место 96
- Дирговила, пахотный участок 92
- Диркьа, местность на территории сел. Н.-Мулебки 173
- Диркьа гIилала пахотное место 90
- ДихIкарала, пахотное место 90
- Дуакар, даргинское сел. 31
- ДубенцIе, дорога 83
- ДубренцIела, участок леса 101
- Дуге, земельный участок 91, 133
- ДугегIинцIила, участок леса 101
- Дуге шурайкила, пастбищное место 96, 133
- ДугIяше кьаси, земельный участок 109
- Дуршбала муза, местность, где находилось поселение 18
- ДухIнадургIяла, пахотное место 90
- ДягIунзала хьаб, местность на территории сел. Кана-Сираги 68
- Евреи 20, 77, 79, 180
- Жаванбек, местность, где находилось раннесредневековое поселение 18
- Жунубургела, пастбищное место 96, 133
- Забгурела гIилала, земельный участок 99
- Забла хьа диркьа, пастбищное

- место 96, 133
 Закавказье 61, 127
 Закавказская область 75
 Закатальский округ 95
 Западный Дагестан 40
 Зигъанаг, пастбищное место 134
 Зирихгеран, зирихгеранцы (см. также Кубачи) 15, 19, 24
 Зича дубура, пастбищная гора 63, 96, 102, 103
 Зубаирла хъула бахI, местность на территории сел. Мургук 68, 69
 Зурикила, пастбищная гора 96
- Издагиша, поселение 15, 23
 Издачила, участок леса 101
 Икра (см. также Викри), даргинское сел.
- Инчхъела, земельный участок 105
 Иран (Персия) 15, 16, 77, 79
 Ирау, земельный участок 96, 100, 101, 133, 134, 136
 Ирхъяй, местность в сел. Н.-Мулелбеки 29
 Ирчамул, союз сел. общ. 23
 Иршила бахI, местность на территории сел. Мургук 63
 Иршила мура, сенокосное место 91
 Ицари, даргинское сел. 23
- Каба-Дарго, союз сел. общ. 3—5, 7—14, 19—24, 26, 30, 33—63, 66, 69—84, 86, 87, 90, 94, 100, 102, 106—109, 111, 114—116, 118, 122, 124—130, 132, 133, 135, 137—141, 144—146, 148—153, 155, 157, 161—164, 166, 169, 176, 178—185
- Къабчугъ хъарахъ, зимнее пастбище 60
 Къавкъав, сенокосное место 91
 Кавказ 80
 Кавказская Албания 14, 15
 Кавказский край 75
 кавказские горцы 175
 Къагаула, участок леса 101
 Къадала бахI, местность на территории сел. Мургук 67
 Къада гъуни, земельный участок 92, 93, 131
 Къадала диркъа, пастбищное место 133
 Къадала диркъа гъалала, пастбищное место 96
 КадбехIтакила, пахотное место 91
 Казикумухское ханство 83, 151, 175
 Кайсухла хъула авараг, земельный участок 98
 Кайтаг (Хайдак) 15, 42, 146
 Кайтаг-Дарго 33, 42
 Кайтагское уцмийство 13, 41—43, 45, 60, 78, 79, 81, 83, 145, 178, 179
 Кайтагский район 19
 КъайтугИла, пахотный участок 94
 Къакалиула, местность на территории сел. Меусиша 171
 Къакъашурми, пахотное место 93, 171
 Какла бах, участок леса 101
 Калакила, участок леса 101, 140
 КIалгIя бухIнала, местность в сел. Урахи 25
 КIалгIяликила, местность, где находилось «родовое» поселение 26
 Къалила муза, местность на территории сел. Мургук 32
 Калла шуллаки, пастбищное место 96
 Кана-Сираги, даргинское сел. 13, 15, 26, 29, 34, 35, 44, 53, 57, 59, 61—69, 71, 73, 74, 91, 93, 96, 98, 99, 101, 106, 116, 133, 139, 140, 153, 156, 166, 169, 172
 Канзайула, местность на территории сел. Аймау-Махи 41
 КантI-конт, земельный участок 110
 Кара, пастбищная гора 96
 Къарабугъа, земельный участок 93, 109
 Карабудахкент, кумыкское сел. 114
 Кара-Кайтаг 42
 Къарала дуб, земельный участок 93, 98

- Къаратхъа вацIа, участок леса 91
 Карах, госуд. образ. 19, 22
 Каркал, пастбищная гора 96
 Къаркъализила, пастбищное место 96, 133
 Къаркънау, местность, где находилось «родовое» поселение 26
 Къархъушцела, участок леса 101
 Къасила бяхI, местность на территории сел. Мургук 13
 Каспий 16
 Къачалай хъарахъ, зимнее пастбище 60
 Качур-маула, участок леса 101
 Каякентский район 17
 Кая-ула, пастбищная гора 96
 КIел ше ургала, земельный участок 90, 96
 Къаялцнаула, местность на территории сел. Урахи 96, 133
 Кески къада, зимнее пастбище 60
 КIечух, зимнее пастбище 60
 Кизляр, гор. 123
 КIикъвораула, пастбищное место 96
 Кирмуса, земельный участок 93
 КъицIла хъу, пахотный участок 109
 КIчи-баула, участок леса 140
 Кичи-Гамри (Кичи-Гамринское общество), гамринцы 13, 16—18, 31, 33, 39, 54, 67, 78, 83, 93, 94, 98, 104, 105, 107, 109, 113, 137, 138, 169, 172
 Колабакила, пахотное место 91
 КъолабакIи, местность, где находилось «родовое» поселение 26
 Къольалшила, земельный участок 98, 113
 Къолиула, пастбищное место 96
 Конибуждан майдан, земельный участок 93
 Куба 80
 кубинцы 79
 Къубат, местность на территории сел. Меусиша 22
 Кубачи, кубачинцы (см. также Зирихгеран) 15, 19, 24, 77, 78
 Кудагу, даргинское сел. 106
 Къуъкьяра, «родовое» поселение, земельный участок 15, 25, 88, 91, 96, 133
 Къулбуки, поселение 26
 Къулла къада, земельный участок 92
 Кулла-кент, урахинский хутор 39
 Къуллики, земельный участок 100, 101
 Кумух, лакское сел. 80, 103, 148
 кумыки 16, 31, 40
 Къяба, сенокосное место 91, 140
 Къяба бяхI, пастбищное и сенокосное место 39, 91, 97
 Къяба дубура, сенокосная гора 43, 99, 103, 105, 106
 Къябализи, земельный участок 93
 Къябаула, участок леса 101
 Къяба шури, местность на территории сел. Н.-Мулебки 39
 Къядани 127
 Къякъла бяхI, участок леса 101
 Къямбакила, пахотное место 91
 Къярд-Махи, мулебкинский хутор 40
 Къярд-хъарахъ, зимнее пастбище 60
 Къярдла къада, пахотное место 90
 Къярравла муза, местность на территории сел. Кана-Сираги 67
 КъяртIа бахI, местность на территории сел. Урахи 94
 КъяртIаши, земельный участок 92, 94, 133
 Лавгъасанала, пахотное место 90
 Лаг-хIярн, земельный участок 114
 Лайзан, госуд. образ. 22
 Лакз, госуд. образ. 15
 Лакия 83, 148
 лакцы 19
 Леваши, даргинское сел. 170
 лезгины 80, 81, 95
 Мамала хуни, участок леса 101
 Маммаул, даргинское сел. 17, 33, 39, 40, 83, 93, 138

- Мекеги (Мекегинское общество, магал) мекегинцы 36, 38, 45, 78, 80, 102, 153, 156
- Мекегинское наибство 44
- Меусиша (Меусишинское общество), меусишинцы 22, 23, 26, 35, 39, 44, 53, 60, 62, 71, 73, 74, 82, 91, 93, 96—99, 101, 105—107, 140, 153, 156, 168, 171—173
- мехтулинцы 29
- Мигла-Каси, мулебкинский хутор 40
- Мика, укрепление 36
- Мирхъигала, пастбищное место 96
- монголо-татары (см. татаро-монголы)
- Муги (Мугинское общество), мугинцы 30, 31, 102, 110
- Мургри (Мургринское общество), мургринцы 35, 45, 53, 54, 59, 61, 62, 64, 71, 73, 78, 96, 101, 107, 117, 140
- Муйра, союз сел. общ. 23, 37, 42
- Мулиги, Мулиги-Махи, «родовое» поселение, урахинский хутор 15, 25, 88, 111, 112, 133
- Мурби, пастбищное место 138
- Мург, местность, где находилось «родовое» поселение 26
- Мургила, пахотное место 91
- Мургук (Мургукское общество), мургукцы 13, 15, 18, 26, 27, 32, 34, 35, 44, 54, 55, 57, 60—64, 66—69, 72, 74, 78, 83, 90—93, 96, 98, 101, 107, 109, 114, 115, 133, 135, 139, 150, 153, 163, 171—173
- Мурдалиги къада, пастбищное место 96, 133
- Мустапахъадихъала хъу, пахотный участок 93
- Мутайла Бахъяндла хъо муза, пахотный участок 94
- Мухъила мурби, сенокосное место 91
- Мянгу Бахъяндла хъо къольа бухънала, земельный участок 97
- Мяхъги, пастбищное место 96, 133
- Мяхъела аварга, сенокосное место 137
- Мяхъкила, участок леса 101
- Мюрего (Мюрегинское общество), мюрегинцы 60, 78, 100, 104, 107
- Нагъзала гилала, участок леса 139
- народы Дагестана 6, 7, 20, 24, 36, 47, 50, 52, 54, 58, 62, 63, 92, 126, 166, 168, 175, 179
- народы Закавказья 82
- народы Кавказа 6, 52, 176
- Нанушкин, местность, где находилось «родовое» поселение 26
- Нергес, укрепление 36
- Нидж, азербайджанское сел. 14
- Нижний Кайтаг 23, 42
- Нижний-Махарги-Махи, урахинский хутор 39, 41, 44, 105, 112
- Нижние-Мулбеки (Нижне-Мулбекинское общество), мулебкинцы 28, 29, 32, 34—40, 44, 53, 55, 59, 61, 71—74, 78, 82, 83, 90, 91, 93, 95, 96, 98—103, 112, 115, 116, 139, 165, 166, 171—173
- Нугрела къада, пастбищное место 96, 134
- Нуллайла хасарбат, земельный участок 98, 99
- Нуха, гор. 82
- Няс хъарахъ, зимнее пастбище 60
- Октомбери, грузинское сел. 14
- Омаршала хъяр, земельный участок 113
- Онакари, даргинское сел. 34
- Передняя Азия 52
- персы (см. также кызылбаши) 38, 39, 77
- Петровск 124
- Плоскостной Дагестан 47, 60, 75
- Пяца диркъа, земельный участок 97

- Россия (см. также русские) 6, 43—45, 47, 76, 79—82, 100, 101, 104, 105, 138, 139, 165, 168, 169, 171, 174, 179, 184
- Сага мурби, сенокосное место 137
- Салтан мура, сенокосное место 91
- Самур, р. 35
- Северный Дагестан 7
- Северный Кавказ 85, 124
- Семендер, гор. 19
- Сергокала, даргинское сел. 105
- Сергокалинский район 4, 12, 17
- Серир, госуд. образ. 19—22
- Сигъла дурегИи, местность в сел. Меусиша 39
- Сикъихъа вацIа, участок леса 91
- Сираги, даргинское сел. 71
- Сирса гIилала, земельный участок 133
- Сирса дубура, пастбищная гора 96
- Средний Дагестан 12, 19, 40
- Сугурбаши-Махи, урахинский хутор 39, 41, 44
- Сулебкент, даргинское сел. 78
- Сюрга (Сюргинский союз), сюргинцы 19, 23, 32—34, 44, 78
- Сюргинский участок 44
- Табакак, пастбищная гора 96
- Табасаран 15, 22, 103
- Танти, даргинское сел. 52
- Таргу, гор. 17, 18
- Таркама (см. Теркеме) 42, 123
- Гарки, кумыкское сел. 81, 148
- татаро-монголы (см. монголо-татары) 24, 36
- Темир-Хан-Шура, гор. 80, 81
- Теркеме, общ. 42, 123
- Туман, госуд. образ. 19
- Туманар дубурти, горы 96, 102, 103
- ТутIила, земельный участок 98
- тюркоязычные племена 18, 36
- Украла, пахотное место 91
- Улуки-Махи, мулебкинский хутор 40
- Уллу-Ая, даргинское сел. 80
- УллукиИ, пахотный участок 98
- Уллу-Чай, р. 35
- Умханаши, пастбищная гора 95
- Унцала дубура, пастбищная гора 96
- Унц-гIинзи, земельный участок 105
- Урари, даргинское сел. 80
- Урахи, даргинское сел. 3, 6, 13, 15, 23, 25—31, 33—45, 49, 50, 53—55, 63—66, 68, 71—74, 82, 88, 90, 93, 97—99, 102—105, 107, 111—113, 131—133, 139, 147, 150, 153, 162, 165, 166, 170, 172, 173, 178, 179
- Урахинское общество (союз, джамаат, магал) 3, 5, 8, 15, 32—35, 39, 40, 42, 45, 49, 51—55, 57, 59, 61, 62, 67, 68, 72, 73, 75, 77, 81, 90—92, 94—105, 109, 111—113, 116—118, 120, 124, 127, 128, 130, 132—140, 142—144, 146, 147, 150, 158, 159, 161—166, 168, 169, 171, 172, 174, 176
- Урахинское общество 44
- урахинцы 6—9, 11, 12, 30, 31, 35—37, 40—42, 47, 48, 54, 60, 67—69, 76, 78, 100—105, 121, 123, 137, 139, 146, 155, 160, 162
- Урга дубура, пастбищная гора 96, 133
- Ургала гъала, участок леса 101
- УргаргIурбаки, земельный участок 98
- Ургар цIурми, пахотное место 91
- Ургъарагъи хъяб, местность на территории сел. Кана-Сираги 68
- Ургуба, пахотная земля 90, 100, 109, 113
- Уркарах (Уркарахское общество), уркарахцы 20, 31, 34, 37, 78, 105—107, 140
- Уркари-дурких, участок леса 140
- Уркиша, гора 140
- Уркушури, местность на территории сел. Кана-Сираги 69

Урцѣмала бяхI, местность на территории сел. Бурдеки 69
Урцѣма, пастбищная гора 96
Урхана, даргинское сел. 34
Урхалана, местность, где находилось «родовое» поселение 26
Урчугагъала, пахотное и сенокосное место 90, 91
Усиша (магал), усишинцы 31, 36, 38, 45, 102
Уста хъуми, пахотное место 90, 109
Утемыш (Утемышское общество), утемышцы 30—32, 83, 100, 104, 105, 107, 136—138
Уцула хъарахъ, зимнее пастбище 60
Ушкуджа (см. Усиша), даргинское сел. 36

Филац, госуд. образ. 22

Хазары 16, 21, 23
хайдаки 21
Хайзан, госуд. образ. 19
хайзаны 24
Хала бахI, местность на территории сел. Урахи 29, 37, 90
Халал бахIла муза, местность на территории сел. Мургук 67
Хала бяхI, гора 37
Хала гIлалала, пахотное место 90, 92, 100
Хала миг, пахотное место 90
ХIалкIлишила 97
ХIалкъая къада, пастбищное место 96, 134
Хамзин, госуд. образ. 19
ХIамхIала мурби, сенокосное место 91
Хъаникъада, местность на территории сел. Урахи 92
Хан-Маметкала, сел. 83
ХъанцIала хъу, пахотный участок 113
Ханц-Карка-Махи, мулебкинский хутор 40, 115
Хапкай-кент, урахишский хутор 39

Хъарала хъарахъ, зимнее пастбище 60
Харбук, харбукцы 78, 80
Хъаркесхъа мура, земельный участок 98
ХIаркIитшегIила, пахотное место 90
Хъархъала хIайула, пастбищное место 97
Хъархъу, пахотный участок 90
ХъаршибахI, местность в сел. Меусиша 173
Хасарбат, земельный участок 98
Хасарбатла диркъа, земельный участок 99
Хасарбатла къада, земельный участок 97, 99
Хасин (Хусаин), крепость 16
ХIворе ше къада, пастбищное место 96, 133
Хобрела хъяб, местность в сел. Меусиша 22
Ходжал-Махи, даргинское сел. 78
Хола къар, пастбищное место 96
Хола мискитла хъуми, пахотные участки 93
Холати хъуми, пахотное место 90
Хола хIялIлишила, земельный участок 113
Холла-урга, земельный участок 96
ХIонтIа, местность в сел. Урахи 63
Хорватия 109, 149
ХосалIлишила, земельный участок 97
Хъота хъу, пахотный участок 113
Худайзила, участок леса 101
Хулал бяхI, участок леса 101
Хулати гIинзурби, местность на территории сел. Кана-Сираги 67
Хъулила хъар, земельный участок 98
Хъулрела бяхI, местность, где находилось «родовое» поселение 26
Хъулрела муза, местность, где находилось поселение 18
Хунбар хъу, пахотный участок 100

- Хунзи кьакьри, пастбищное место 96, 133
- Хунзила, участок леса 101
- Хьунцзела, земельный участок, место, где было «родовое» поселение 26, 91
- Хурук (см. Урахи) 38
- Хьурцлима, пастбищное место 97, 173
- Хяберзне хъяб, гора 83
- ХябирхIа дяхI, земельный участок 100
- ХябкIалигIила, пахотное место 90, 92
- Хябкьяй, земельный участок 96, 113
- Хябла ишил шали, земельный участок 93
- Хябблила, земельный участок 98
- Хябрала гIилала, местность в сел. Бурдеки 50
- Хябралаки, земельный участок 98
- Хябхъи, местность на территории сел. Меусиша 171
- Хяжила хъарахъ, зимнее пастбище 60
- Хяжила хъо муза, пахотное место 90
- Хялла бахI, пахотное место 90
- ХяллигIела, земельный участок 91, 100
- ХяллихIана къада, сенокосный участок 91
- Хяммуз, пахотное место 93
- Хямри диркья, пахотный участок 137
- Хямрила дубура, сенокосная гора 91
- Хянцзела гIинцIила, участок леса 101
- Хярубак, пахотное место 90
- ХярхIа кьакьри, местность в сел. Урахи 28
- Хясамбейла мура, сенокосный участок 69, 91
- Хясамбейла мурала бахI, местность на территории сел. Мургук 69
- Хясахъа вацIа, участок леса 91
- Цабарги, земельный участок 92
- Цавти-Кала, пастбищная гора 96
- Целдала кьаси, местность, где находилось поселение 18
- Цергьола, земельный участок, место, где было «родовое» поселение 26, 91
- Цизгари, даргинское сел. 34, 53, 73, 74, 83, 91, 107, 117
- Цугнила хъяб, местность на территории сел. Цугни 69
- Цудахар, даргинское сел. 78, 80, 83, 166
- Цудахарский магал, союз сел. общ. 45
- ЦуленцIи, местность, где находилось «родовое» поселение 26
- Цулурканила, пахотное место 91
- Цулла бахI, гора 29
- Цуран (Цуранское общество), цуранцы 34, 35, 53, 59, 62, 91, 101, 117, 140
- Цурала хъо муза, сенокосное место 91
- Цурачила, участок леса 101
- ЦурегIи аркьи гъуни, дорога 83
- Цур-Махи, мулебкинский хутор 40
- Цябдаргъи, пахотное место 90
- Цябтаки, пастбищное место 96, 133
- Чаба бахI, пастбищная гора 96
- Чаба гIилала, сенокосное место 91
- Чабази (Чабази-Махи), урахинский хутор 39, 41, 133, 134
- Чакала бяхI, земельный участок 99
- Чакала хъа гIела, пахотное место 91
- Чакала гIиниз, земельный участок 113
- Чакала гIинизла гIила, земельный участок 92
- Чакал гIинизла къада, пахотное место 90

Чакалла гинизла хъу, пахот
участок 90, 113
Чака цулла бахI, пахотное
место 90, 98
ЧакацIур, пахотное место 90
Чака шулла ургуба, земельный
участок 112
Чалладар, гора, земельный
участок 90, 93, 134
Чапахъа вацIа, участок леса
91
Чахънаула, земельный участок
92, 93
Чегак, пастбищная гора 96
Чиа-Шурахи, пастбищная гора
96
ЧигIа шурагъала, гора 106
Чидик, дейбукский хутор 40,
72, 73
Чирмала къаси, место, где на
ходилось «родовое» поселе-
ние 26
Чишили, даргинское сел. 20
Чох, аварское сел. 103
ЧугIясла къада, местность на
территории сел. Урахи 113
ЧиягIяшурала, пастбищное мес-
то 97
ЧяхI урцIа, участок земли сел.
Мургук 57, 66, 90

Шадни, лакское сел. в Даха-
даевском районе 35, 55, 96
Шагъла гъуни, дорога 39
Шамхал-тав (Шамхалла дубу-
ра), пастбищная гора 147
Шамхальство Тарковское 13,
149
Шандан, госуд. образ. 19—21,
23, 24, 32, 33, 178
шанданцы (см. также шенза-
ны) 20, 21, 24
Шантела хъу, пахотный учас-
ток 90, 93
Шейхла хIябри, местность на
территории сел. Кичи-Гамри
31
Шемахи, гор. 81, 82

Шемахинская губерния 80
ШибяхIша, «родовое» поселе-
ние 15, 25
Шила гIяяла гинцIала, мест-
ность, где находилось «родо-
вое» поселение 26
Шила хъар, местность в сел.
Бурдеки 50
Шила хъар, местность в сел.
Бурдеки 50
Шилкъа къадди, местность на
территории сел. Меусиша 171
Шиллиула, пахотное место 90,
93, 100
Шимбакила, пахотное место 90
Шиндандакила, пахотное место
91
Шин чяхIднкIо хIячIлиула,
пастбищный участок 105
Ширван 21, 22, 37
Шихмайла хъу, пахотный учас-
ток 90
Шурайла хъяб, сенокосное мес-
то 91
Шурайла хIяри, местность в
сел. Мургук 173
Шурканти, союз сел. общ. 145,
151

ЭлабурхIила, пахотное место 91
Элдаилиула, участок леса 101
Эльбил гIяюр, пахотное место
93
Эр-Элабек, местность на тер-
ритории сел. Бурдеки 13

Южный Дагестан 87

Янгикент, кумыкское сел. 60
Янсавала къада, участок леса
101
Янци хIяруби, пахотное мест-
о 90, 98

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Краткий очерк истории сел союза Каба-Дарго	12
Глава II. Запятня населения	46
Глава III. Формы землевладения и землепользования	85
Глава IV. Административное управление	152
Заключение	178
Список использованных источников и литературы	186
Список сокращений	200
Указатель имен	201
Терминологический указатель	206
Указатель географических и этнических названий	211

instituteofhistory.ru

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	сноска. 1 снизу	ССКГ	СМОМПК
40	сноска, 4 снизу	возниновения	возникновения
154	5 сверху	«адава ава»	«адала ава»
173	сноска, 1 снизу	1965—2967 гг.	1965—1967 гг.
178	11 сверху	террирории	территории
195	12 снизу	XVIII века	XVII века
221	1 сверху	пахот-	пахотный

Сдано в набор 27.XI-1972 г. Подписано в печать 16.II-1973 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 14. Уч.-изд. л. 12,31.
Бумага № 1. С 02670. Заказ 419. Тираж 500. Цена 88 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-ый жилгородок, корпус 10.